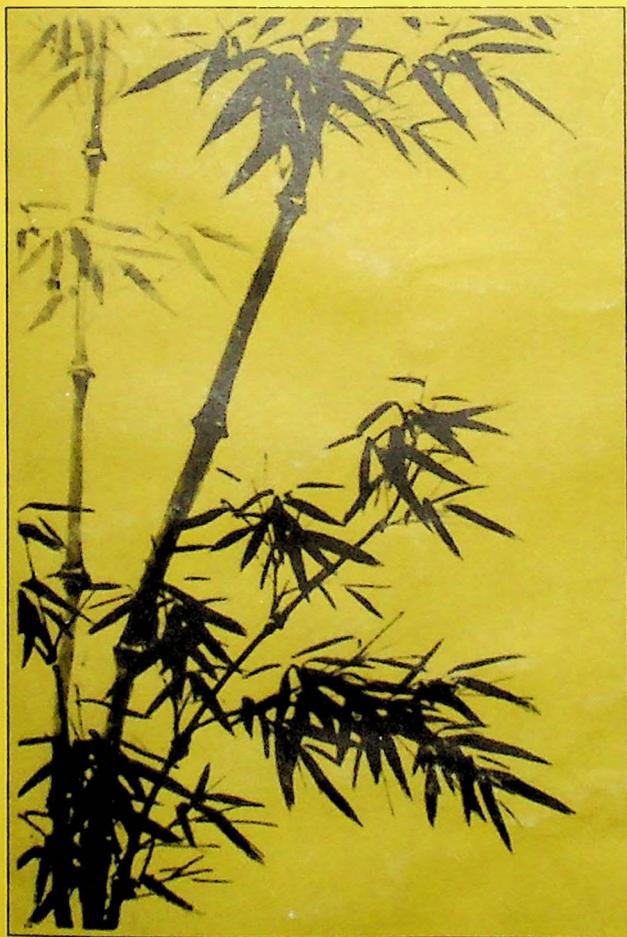

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

2/2017

Становление Китая как глобальной
инновационной державы

Долговая проблема Японии

Внешняя торговля Дальнего
Востока России

Военная политика Китая

Языки Китая в информационном
пространстве

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2017

Март — Апрель

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н.,
А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), В.Г. Дацышен,
д.и.н., проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин,
д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева
(ответственный секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н.,
П.А. Минакир, академик РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н.,
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

© Российская академия наук, 2017

© ФГУП «Издательство «Наука», 2017

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», 2017

Содержание

Журналу «Проблемы Дальнего Востока — 45 лет 4

ПОЛИТИКА

Н.С. Мухин. Изучение «сингапурской модели» в КНР при Си Цзиньпине 5

ЭКОНОМИКА

Я.М. Бергер. Становление Китая как глобальной инновационной державы 12

Н.Н. Коледенкова. Обрабатывающая промышленность КНР: состояние и перспективы развития 24

Ли Син, Нью Ичэн. Сравнительный анализ китайского и американского вариантов «Нового Шелкового пути» 32

В.Ю. Додонов. Долговая проблема Японии: ретроспективный анализ факторов и тенденций 38

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Д.В. Суслов. Внешняя торговля Дальневосточного федерального округа в 2016 г. 50

М.Т. Романов, И.М. Романова. Геополитический «разворот» России на Восток и развитие собственных восточных территорий 57

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

А.Ф. Клименко, П.Б. Каменов. Военная политика КНР и ее роль в увеличении комплексной мощи государства 69

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Лянь Хун-и. Тайвань, российско-китайское военное сотрудничество и безопасность в Восточной Азии 86

ИСТОРИЯ

Е.Е. Аурилене, Н.П. Бучко. Политическая идеология русской эмиграции в Маньчжурии: проблема возрождения России 96

П.Э. Ратманов. Начало эпидемии чумы в Маньчжурии (1910–1911 гг.): события и интерпретации 104

Н.Н. Москалева. Газета «Зеркало Тибета» как исторический источник 117

РЕЛИГИЯ

С.А. Горбунова. Влияние различных общественных явлений в КНР на буддизм 128

Л.А. Афонина, Д.И. Петровский. Некоторые исторические аспекты положения католической церкви в КНР 134

КУЛЬТУРА

<i>О.И. Завьялова. Языки Китая в информационном пространстве</i>	148
<i>О.М. Мазо, А.Б. Старостина. Идеология и проблемы сакральной географии в «Рассуждении о Северном пике» Гу Яньу</i>	153
<i>А.Г. Сторожук. Символика телесности в литературных текстах даосской традиции</i>	162

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.С. Ипатова. Связь времен сохраняется. Институт китаеведения АН СССР (1956–1960) (Из личных воспоминаний и по документам Архива РАН)</i>	167
--	-----

IN MEMORIAM

<i>В.Я. Портяков. Памяти Эдуарда Вермеера (1944–2016)</i>	177
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>А.В. Старцев. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII</i>	179
---	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Валентины Петровны Журавлёвой.....	182
Contents	184
Summary.....	186

Журналу «Проблемы Дальнего Востока» – 45 лет

В марте 2017 г. журнал «Проблемы Дальнего Востока» отмечает 45-ю годовщину своего существования. Последнее пятилетие оказалось среди наиболее сложных периодов за всю историю журнала. Ушли из жизни наши ветераны – заместитель главного редактора Яков Михайлович Бергер и ответственный секретарь ПДВ Николай Сергеевич Тихонов. Серьезных усилий потребовали подтверждение ВАКовского статуса журнала и адаптация редакции к новому руководству издательства «Наука».

Тем не менее журнал продолжает добросовестно выполнять свою главную функцию: знакомить читателей, в первую очередь российское и зарубежное экспертное сообщество, с наиболее важными особенностями и проблемами политики, экономики, истории государств Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона в целом и выступающего их неотъемлемой частью российского Дальнего Востока.

Наш журнал уже давно вышел на позицию одной из ведущих российских экспертных площадок по вопросам развития Китая, Японии, государств Корейского полуострова, Монголии, Вьетнама, связей этих стран с Россией. В нем регулярно публикуют результаты своих исследований ученые, преподаватели, аспиранты из многих научных и образовательных учреждений Российской Федерации. Только в первом номере журнала за этот год представлены авторы из высших учебных заведений и исследовательских институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Владивостока, Благовещенска, Чехов, Читы, Южно-Сахалинска.

Учредителями журнала являются Российская академия наук и Институт Дальнего Востока РАН. По нашему убеждению, сохранение и упрочение академического статуса журнала задает высокую планку требований к размещаемым материалам и служит, смеем надеяться, определенной гарантией качества и новизны публикаций.

Умножая свои сильные стороны и искореняя недостатки, рассчитываем и далее оставаться интересным и полезным изданием для экспертного сообщества и широкого круга читателей.

Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»

Политика

Изучение «сингапурской модели» в КНР при Си Цзиньпине

© 2017

Н.С. Мухин

Какие аспекты «сингапурской модели» выглядят наиболее привлекательными для руководства КНР? На основе анализа ряда партийных документов, изданных во время правления Си Цзиньпина, автор делает вывод, что многие из намерений китайского руководства по преобразованию политической системы страны подсказаны опытом Сингапура.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, внутренняя политика, сингапурская модель, политическая система КНР, документы КПК.

С тех пор как Си Цзиньпин впервые представил общественности лозунг «китайская мечта», в прессе стали активно обсуждать вопрос, по какому пути он поведет Китай. Как утверждают некоторые эксперты-китаеведы, «в сложном и непредсказуемом современном мире Китаю следует, с одной стороны, “избегать тупиков старых путей развития (социализм классического периода)”, а с другой — «слепо копировать западные модели социально-экономического и политического устройства»¹. Сам Си Цзиньпин неоднократно заявлял, что для решения проблем Китая следует использовать китайские методы, накопленные на протяжении 5000 лет истории страны. В то же время в поисках дальнейшего пути развития современное руководство КНР, по-видимому, оглядывается на опыт Сингапура. Эта тема получила в прессе особую популярность после кончины Ли Куан Ю в марте 2015 г. Новая волна интереса к ней возникла в июне 2016 г., когда американский журнал «Минцзин» посвятил целый номер истории изучения Сингапура в КНР², а в Академии национальной обороны НОАК под редакцией генерал-полковника Лю Ячжоу вышла книга «Путь развития Сингапура» («Синьцзяпо фачжань чжи лу»). Эта работа, как было отмечено в сингапурских СМИ, «продемонстрировала восстановление уверенности КПК в политической модели Сингапура»³.

Так называемая сингапурская модель привлекает руководство компартии Китая в первую очередь тем, что в стране с достаточно авторитарным политическим строем, где на протяжении десятилетий правит единственная партия, успешно развивается свободная рыночная экономика под контролем государства. По сути, это единственная экономика в регионе, которой удалось достичь подобных успехов без существенной полити-

ческой либерализации. Успехи города-государства в сфере экономики и финансов известны всему миру, а планы Председателя КНР по преобразованию экономической системы страны напоминают модель становления Сингапура: повестка Си Цзиньпина, «четыре всесторонних», упор на чистоту партии и ее монополию в политическом пространстве КНР ассоциируются с безупречным образом Партии народного действия (ПНД), вот уже несколько десятилетий практически самостоятельно управляющей Сингапуром. Сам Си Цзиньпин всегда высоко оценивал опыт города-государства, вдохновляясь высоким уровнем развития экономики Сингапура в условиях однопартийного режима. Однако в этом государстве Юго-Восточной Азии его привлекают и другие стороны.

Чему КНР следует учиться у Сингапура?

В ноябре 2012 г. печатный орган Высшей партийной школы КПК «Сюэси шибао» опубликовал статью «Опыт Сингапура в строительстве правительства, ориентированного на оказание услуг». В ней высоко оценивалась эффективность, честность и жизнеспособность Партии народного действия (ПНД), непрерывно правившей Сингапуром с 1968 г.

Чтобы построить такое правительство, партия начала с внутренних изменений. Во-первых, она была преобразована в «открытую партию». Кроме того, стала принимать в свой состав представителей государственных элит, усиливая таким образом свои интеграционные возможности. С 1979 г. ПНД начала систематически привлекать наиболее квалифицированных функционеров как из Сингапура, так и из-за рубежа, введя строгую систему отбора кандидатов⁴. Именно реализация концепции «правительства, ориентированного на оказание услуг», по мнению исследователей КНР, стала одной из наиболее важных предпосылок непрерывного нахождения ПНД у власти в Сингапуре⁵.

Во-вторых, внутрипартийная конкуренция и демократические выборы разрешили проблему системы ответственности внутри ПНД. Такая система гарантирует большую ответственность лиц, занятых строительством «правительства, ориентированного на оказание услуг», обеспечивает строгое следование уставу партии и реализацию конкретного национального курса. Наиболее важно, по мнению автора статьи в «Сюэси шибао», что такая система абсолютно исключает феномен коррупции⁶.

В-третьих, ПНД усилила тесную связь низовых партийных организаций с массами, сформировав аппарат, служащий потребностям населения. С помощью таких механизмов, как регулярные встречи парламентариев и избирателей, а также посредством Общественного фонда ПНД обеспечивается постоянная и тесная связь партии с народом, что позволяет ей глубже познакомиться с его чаяниями и иметь более достоверную информацию для принятия политических решений⁷.

Статья в «Сюэси шибао» затрагивает административные реформы в сфере социального обслуживания, проведенные в Сингапуре в 1995 г., практику создания официальных органов с участием горожан и членов правительства, деятельность которых направлена на развитие тех или иных сфер общественной жизни. Определенное внимание уделено проблеме прозрачности государственного аппарата, чиновники которого подвергаются постоянному контролю со стороны специальных органов, подчиненных президенту Сингапура. Такая система позволяет бороться с коррупцией наиболее эффективно.

По мнению автора статьи, Сингапуру удалось выстроить систему, отличную от западной, ибо она покоится на основе конфуцианских ценностей. Подчеркивается, что в Сингапуре поддерживается гармоничное сосуществование людей различных национальностей, культур и религий. Автор считает, что этого удалось добиться благодаря устремлению в свое время экономических диспропорций между представителями разных наций, и все имели равный доступ к образованию и трудоустройству⁸.

В заключительной части статьи речь идет о более активном участии населения в принятии государственных решений. Характерно, что перед ежегодным формированием госбюджета ПНД проводит опросы общественного мнения, а накануне принятия наиболее важных политических решений информация о них широко распространяется с целью изучения мнения народа о планах государства⁹.

Большинство соображений, о которых говорилось выше, нашли свое отражение в недавних документах КПК и выступлениях Си Цзиньпина. Так, по примеру ПНД КПК решила начать преобразования в КНР с самой себя. Призывы к изменению стиля работы партии прозвучали еще в первые месяцы нахождения Си Цзиньпина у власти в его «восьми статьях», в которых много внимания было уделено как борьбе с коррупцией, бюрократизмом, расточительством, фракционностью, так и стремлению к большей эффективности и реальной работе с массами.

Одним из соответствующих документов стало «Предложение о всестороннем продвижении открытой работы в административной сфере», выпущенное совместно канцеляриями ЦК КПК и Госсовета КНР 17 февраля 2016 г. Речь в этом документе идет о том, что открытость и прозрачность являются главными принципами правительства, действующего в соответствии с законом. В нем говорится также о праве населения на получение информации, выражение своего мнения и на контроль за правительством, вновь упоминается о том, что цель заключается в формировании честного правительства, нацеленного на оказание услуг. Принятие государственных решений планируется сделать «прозрачным»: предлагается узаконить процесс, участниками которого станут население и эксперты. Сделать его неотъемлемой частью оценки рисков, законные проверки, а также массовые обсуждения. Как и в Сингапуре, планируется перед принятием политических решений предлагать их проекты общественности и заслушивать мнение ее представителей. Указана необходимость разработки перечня обязанностей и четкого распределения ответственности между соответствующими департаментами КПК. Предполагаются публикации данных о правительстве, его планах, функционировании, проектах и т.д. Планируется предоставить населению широкий доступ к информации о распределении общественных ресурсов, предварительных финансовых расчетах, планах строительства крупнейших объектов. Все эти меры направлены на изыскание новых способов участия жителей страны в ее политической жизни¹⁰.

О сходстве с «сингапурской моделью» говорит содержание еще одного документа под названием «Углубление реформы системы кадров»¹¹. В нем предлагается расширить масштабы внутрипартийной демократии и создать новый механизм выдвижения кандидатов на те или иные важные государственные должности. А перед назначением новых должностных лиц — заслушивать мнение населения о работе предыдущего представителя власти на этом посту.

О тесной связи в работе государственных и партийных чиновников с народными массами много говорится как в выступлениях самого Си Цзиньпина, так и в новом дисциплинарном уставе КПК.

КПК уже начала предпринимать попытки публикации «отчетов» о разработке пятилетних планов и других важных государственных документов, создавая иллюзию прозрачности принятия решений. Развивая пропаганду открытого правительства, партийные СМИ в КНР и Гонконге стали публиковать статьи о разработке партийных решений.

Так, например, Хэ Итин, проректор Высшей партийной школы ЦК КПК, член окружения Си Цзиньпина, поделился информацией о процессе составления важных партийных документов, таких, как 13-й пятилетний план. Это в определенной степени проливает свет на механизм принятия решений в нынешней КПК.

По его словам, перед разработкой документа о целях пятилетнего плана создается малая редакционная группа из членов ЦК КПК. Затем заслушиваются все предложения и замечания по данному вопросу. Перед подготовкой чернового варианта соответст-

вующие департаменты ЦК КПК проводят исследование важнейших аспектов данной проблемы, заслушивают всевозможные замечания. Практика показывает, что такие исследования играют важнейшую роль в оценке ситуации, определении направлений движения, постановке целей и формировании политических курсов.

Первоначальный вариант распространяют в установленных рамках среди партийных ведомств, одновременно заслушивая мнения демократических партий, ответственных представителей Всекитайского союза промышленников и торговцев, беспартийных лиц. Кроме этого, партийное руководство может совершать инспекции в конкретные места, созывать конференции и совещания по тем или иным вопросам, чтобы заслушать мнения и предложения на местах. В процессе принятия решений может принимать участие Академия общественных наук Китая, а на некоторых этапах их разработки порою заслушиваются комментарины ветеранов парт- и госслужбы¹². Так, во время разработки 13-й пятилетки Си Цзиньпин лично проверял каждый вариант текста¹³.

Для нынешнего поколения китайского руководства опыт Сингапура чрезвычайно интересен также при разработке собственной системы ценностей. Ведь именно благодаря ей в городе-государстве с преобладающим китайским населением (около 74 %) весьма гармонично проживают представители других национальностей и вероисповеданий. Известно, что в выступлениях Си Цзиньпина неоднократно говорилось о неприятии западной системы ценностей и необходимости создания своей собственной. По мнению некоторых экспертов, очевидный успех Сингапура в гармонизации отношений между проживающими в городе-государстве представителями разных национальностей основан на конфуцианской этике. Неслучайно нынешние китайские власти уделяют много внимания «возрождению» конфуцианства. Это особо актуально в условиях правления сепаратистских настроений на восточных границах КНР в среде не-ханьского населения страны.

Сингапур — «зарубежная партшкола»

Сингапур стал одним из наиболее популярных мест стажировок и реализации программ обмена опытом для чиновников из КНР. Наньянский политехнический университет Сингапура за последние два с лишним десятилетия превратился в «зарубежную партийную школу» для китайских ганьбу. Этот вуз поддерживает постоянные тесные связи с Орготделом ЦК КПК¹⁴. Первая группа чиновников из КНР стажировалась в этом учебном заведении в 1992 г.¹⁵ В университете китайским чиновникам предлагаются краткосрочные курсы, две докторские программы на китайском языке по специальностям «экономический менеджмент» (с 1998 г.) и «государственное управление» (с 2005 г.)¹⁶. Также с 1997 г. были организованы «семинары высшего уровня для мэров городов Китая»¹⁷; ¹⁸. Организационный отдел и Отдел образования ЦК КПК отправляют в Наньянский университет чиновников местного уровня и выше. Среди предметов, которые они там изучают, — экономика, управление производством и государственное управление. Кроме того, они регулярно участвуют в различных форумах и встречах с целью поиска в Сингапуре деловых партнеров. Чиновники, получившие образование в Сингапуре, быстро продвигаются по службе. Интересно, что по соглашению между Китаем и Сингапуром последний ежегодно оплачивает полную стоимость обучения и 90% расходов на проживание для 10 сотрудников Организационного отдела ЦК КПК, полную стоимость обучения и все расходы на проживание для 8 сотрудников Отдела образования. Обучающиеся чиновники из провинций КНР оплачивают все расходы самостоятельно¹⁹.

Кроме Наньянского политехнического университета, обучением китайских чиновников на регулярной основе занимаются еще три вуза: Университет управления Сингапура, Национальный университет Сингапура, а также Институт государственной политики им. Ли Куан Ю²⁰. Также в Сингапуре существует престижная программа для ино-

странных чиновников Lee Kuan Yu Exchange Fellowship, по приглашению которой в городе-государстве обучались немало высокопоставленных китайских чиновников, таких, как заместитель главы Комиссии по рынку ценных бумаг Фан Синхай или заместитель директора Банка Китая Ху Сяолянь²¹.

Таким образом китайские чиновники претворяют в жизнь заветы Дэн Сяопина, упомянутые Си Цзиньпином во время визита в Сингапур в 2010 г. Он заявил тогда: «Господин Дэн Сяопин ранее неоднократно напоминал о том, что Китаю нужно учиться у Сингапура. Такое обучение было необходимо раньше, необходимо сейчас, будет необходимо в будущем»²².

Критика изучения опыта Сингапура в КНР при Си Цзиньпине

Критики такого повышенного внимания Китая к сингапурскому опыту указывают, что тот Сингапур, у которого хочет учиться руководство КНР, не существует и никогда не существовал. Как отмечает известный исследователь китайских политических процессов Минь Синьпэй, заимствование модели, запущенной Ли Куан Ю, потребует от КПК гораздо более демократичной системы, чем она может себе позволить. По его мнению, главной особенностью системы Сингапура стало использование Ли Куан Ю демократических институтов и правления в соответствии с законом для обуздания хищнических appetites правящих элит страны. В отличие от Китая, ПНД участвует в выборах наряду с оппозиционными партиями. В 2011 г. последним удалось набрать в совокупности 40% голосов избирателей. Проводя регулярные выборы, Ли Куан Ю установил механизм политического самосовершенствования и отчетности, он дал возможность сингапурцам выбирать, должна ли Партия народного действия продолжать управление страной. Возможно, сам Ли весьма скептически относился к демократии, но, в отличие от руководства КНР, он не воспринимал ее как угрозу своему режиму²³.

Сотрудники Университета Гонконга также указывают на то, что, высоко оценивая роль ПНД в развитии Сингапура, китайские умы забывают и недооценивают значение британского колониализма. Еще до того, как ПНД взяла бразды правления в свои руки, эта колония была одной из самых передовых территорий в Британской империи. Кроме этого эксперты утверждают, что несмотря на то, что конкуренция внутри ПНД весьма активна и основана на принципах меритократии, правящие элиты по-прежнему продвигают людей, подобных себе: мужчин, этнических китайцев из высших общественных слоев, отбирая их из узкого ряда учебных заведений и связанных друг с другом семей. По мнению исследователей, если централизованное правительство подходит для города-государства Сингапур, то оно не сможет эффективно управлять в такой стране, как КНР. Кроме того, концепция «общих ценностей», продвигаемая правительством Сингапура, не получила равноправного консенсуса вокруг консервативного конфуцианского культурализма в полиэтническом государстве²⁴.

Как отмечает один из ответственных сотрудников издательства «Минцзин» Чэнь Сяопин, «сингапурская модель» — вовсе не «блюдо Си Цзиньпина». По его мнению, учитывая нынешний стиль правления Си, связанный с насаждением культа личности и стремлением к единоличному управлению страной, «сингапурская модель» — не то, к чему стремится сам генсек²⁵. По мнению главного редактора издательства «Минцзин» Хэ Пинь, «сингапуризация Китая» — это «карточный домик» для Си Цзиньпина. В политической системе Сингапура наибольшим влиянием обладает одна партия, однако это отнюдь не однопартийная диктатура. Важнейшее условие для Си Цзиньпина в ходе политической реформы — сохранить единовластие КПК. Поэтому в мире не сыщешь модели другой страны, соответствующей мечте Си Цзиньпина²⁶. К тому же, несмотря на повышенное внимание к Сингапуру со стороны многих ученых КНР, отмечается, что количество обучающихся там китайских чиновников в последнее время сокращается²⁷.

Кроме критиков, на Западе встречаются и сторонники изучения «сингапурской модели» в КНР под руководством Си Цзиньпина. Американский политолог Дэвид Шамбо в книге *China's Future* (2016 г.) пишет о том, что демократия в стиле Сингапура позволила бы Китаю осуществить все качественные изменения, необходимые стране для перехода от старой модели роста и развития к новой. По мнению Шамбо, такой сценарий позволит КНР избежать ловушки среднего дохода, решит проблему сверхнормативной задолженности, поможет поправить финансовую систему страны и т.д. Ученый считает, что именно полудемократия сингапурского типа (*semi-democracy*) станет идеальным решением насущных проблем в современном Китае²⁸.

Сам Сингапур изначально крайне скептически относился к стремлению Китая заимствовать его опыт. В феврале 2016 г. посол по особым поручениям сингапурского МИДа Билахарн Каусикан в Брукинском институте (США) заявил: «Нет никакой так называемой сингапурской модели, все политические решения Сингапура принимались Ли Куан Ю и его командой сообразно требованиям времени»²⁹.

1. *Андрей Карнеев*. Китайская мечта и сингапурская модель [На правах рукописи].
2. Си Цзиньпин чжэнгай чжидайю: Чжунго Синьцзяпохуа: [Карточный домик реформ Си Цзиньпина: сингапуризация Китая] // *The Mingjing Magazine*. 2016. № 77. Цит. по: URL: <http://cn.rfi.fr/>
3. Сюэчжэ: цзюньфан чубань «Синьцзяпо фачжань чжи лу» сяньши Чжунгун хуэйфу дуй Синьцзяпо чжэнчжи моши синьсинь»: [Ученый: «Путь развития Сингапура», изданная военными. «показала восстановление уверенности КПК в политической модели Сингапура»]. URL: <http://www.zaobao.com.sg/special/newsletter/story20160620-631239>.
4. Синьцзяпо цзяньшэ фуусин чжэнфу дэ цзиньянь: [Опыт Сингапура в строительстве правительства, ориентированного на оказание услуг]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2012/1022/c245417-19341298.html>.
5. Цзяньшэ фу'усин чжичжэн дан: Синьцзяпо Жэньминь Синдун дан дэ цзиньянь юй цини: [Строительство правящей партии, ориентированной на оказание услуг: опыт и вдохновение Партии народного движения Сингапура]. URL: http://www.idpc.org.cn/sjzdn/201506/t20150622_75303.html.
6. Синьцзяпо цзяньшэ фуусин чжэнфу дэ цзиньянь: [Опыт Сингапура в строительстве правительства, ориентированного на оказание услуг]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2012/1022/c245417-19341298.html>.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Чжунгун чжуньян баньгунтин гоюань баньгунтин иньфа “Гуаньюй шюапянь туйцзинь чжэньгу гункай гунцзо дэ ицзянь”: [Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета выпустили «Предложение о всестороннем продвижении открытой работы в административной сфере»]. URL: www.ccdi.gov.cn/yw/201602/t20160217_74468.html.
11. Чэнь Си цзай Жэньминь Жибао гаовэнь цзелу ганьбу жэньши чжиду гайгэ фаньянь: [В статье в Жэньминь жибао Чэнь Си раскрывает проект реформы системы персонала КПК]. URL: <http://news.takungpao.com.hk/mainland/focus/2013-12/2076670.html>.
12. Данмэй цзе сы чжун цюань хуэй цзюэдин цицао сицзе: цицаоцзу чи цзычжуань: [Партийные СМИ раскрыли детали подготовки предварительного проекта решения 4-го пленума: группа, работавшая над проектом, ела в ресторане самообслуживания]. URL: <http://news.takungpao.com/mainland/focus/2014-10/2806699.html>.
13. Цицао лиши 260 тянь Си Цзиньпин мэй гао би шэнь: [Разработка черновика длится 260 дней, Си Цзиньпин должен утверждать каждую версию]. URL: http://epaper.jinghua.cn/html/2015-11/05/content_250556.htm.
14. Гуаньюань хайвай пэйсюнь: цун Синьцзяпо дао Хафо: [Повышение квалификации чиновников за границей: от Сингапура до Гарварда]. URL: <http://www.yicai.com/news/2207459.html>.

15. Хуэйцзюй чжиголичжэн дэ дунфан чжихуэй: [Собрание восточной мудрости об управлении государством]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/1109/c64387-27793303.html>.
16. Си Цзиньпин да мэн чуньцю: [Хроники великой мечты Си Цзиньпина] // Минцзин Юэкань. 2016. № 77. URL: https://books.google.ru/books?id=7UtxDAAAQBAJ&pg=PT42&lpg=PT42&dq=%25E6%2598%258E%25E9%2595%259C%25E6%259C%2588%25E5%2588%258A+%25E4%25B8%25AD%25E5%259B%25BD%25E6%2596%25B0%25E5%258A%25A0%25E5%259D%25A1%25E8%25AF%259D&source=bl&ots=_Z_mUx0dlu&sig=fE-tPCY6LetLr8SDSY_6RL0pbWQ&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewiktKaG9ZХОAhVhM5oKHbfuC9kQ6AEIHTAA%23v=onepage&q&f=false.
17. 1.3 вань Чжунго гуаньюань доу цэн цзюй ду дэ «Хайвай Дансяо»: Наньян лигун дасю: [«Зарубежная партийная школа», в которой обучались 13 тысяч китайских чиновников: Наньянский технологический университет]. URL: <http://www.yan.sg/13wangzhongguoguayuan/>
18. Си Цзиньпин да мэн чуньцю...
19. Там же.
20. Чуань Синьцзяпо мяочжунь Чжунго 7000 вань ганьбу пэйсюнь шинчан: [По слухам, Сингапур нацелился на обучение 70 млн китайских чиновников]. URL: <http://news.sohu.com/20091217/n269021378.shtml>.
21. Чжунго Жэньминь Иньхан фуханьчжан Ху Сяолян дао уого цзяолю фанвэнь: [Заместитель руководителя Народного банка Китая Ху Сяолян прибыла в Сингапур с целью обмена]. URL: <http://www.23yy.com/2560000/2550263.shtml>.
22. Хуэйцзюй чжиголичжэн дэ дунфан чжихуэй: [Собрание восточной мудрости об управлении государством]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/1109/c64387-27793303.html>.
23. *Minxin Pei*. The Real Singapore Model. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-misappropriates-singapore-model-by-minxin-pei-2015-03>.
24. *Stephan Ortmann, Mark R. Thompson*. China and the «Singapore Model» // *Journal of Democracy*. 2016. Vol. 27. № 1. P. 39–48.
25. Си Цзиньпин чжэнгай чжиपाю...
26. Си Цзиньпин да мэн чуньцю.
27. Там же.
28. *Shambaugh D*. China's Future. London: Polity Press, 2016. URL: <https://books.google.ru/books?id=bwi8CwAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=david+shambaugh+china's+future&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewiniqvDnpbOAhVJjiwKHbtGCKkQ6AEIJjAA#v=onepage&q&f=false>.
29. Там же.

Становление Китая как глобальной инновационной державы

© 2017

Я. М. Бергер

В статье рассмотрены достижения Китая в инновационной сфере и перспективы дальнейшего наращивания инновационного потенциала страны. Автор проанализировал проблемы развития в КНР фундаментальных научных исследований и превращения ее в ведущую интернет-державу мира.

Ключевые слова: Китай, инновационное развитие, Интернет-держава, фундаментальная наука, соперничество с США.

Одним из основных направлений курса на реформы и открытость в КНР первоначально было стремление получить доступ к современным западным технологиям в обмен на почти беспрепятственный допуск иностранных инвесторов к своему необъятному рынку. Этот замысел, получивший дальнейшее развитие с вступлением Китая в ВТО в 2001 г., удался не полностью. Ему препятствовало, в частности, нежелание иностранных инвесторов делиться ключевыми технологиями с набирающим силу китайским конкурентом. Немалую выгоду Китай все же извлек. Используя и адаптируя зарубежные технологии к своим потребностям, он значительно поднял технологический уровень экономики. Китай играет все возрастающую роль в техно- и наукоемких отраслях производства и услуг, на которые приходится сейчас 29% его ВВП. В мировом высокотехнологичном производстве доля Китая составляет 27%, лишь немного уступая доле США (29%)¹. Несколько меньше его роль в наукоемком сервисе (финансах, информации), но здесь ему удалось обойти Японию и выйти на третье место в мире после США и ЕС.

Чтобы стать ведущей инновационной державой и мировым лидером наук и технологий, Китаю предстоит совершить скачок, не меньший по масштабам, чем тот, который он совершил, опираясь на прежние двигатели развития. В Глобальном инновационном индексе, составленном совместно Корнелльским университетом (США), Школой бизнеса INSEAD (Франция) и Всемирной организации интеллектуальной собственности при ООН (с охватом 128 стран мира), Китай поднялся с 43-го места в 2010 г. до 25-го — в 2016 г.² Этот рейтинг учитывает как коммерческие результаты инноваций, так и политику правительств по их стимулированию, включая размер расходов на исследования

Бергер Яков Михайлович (ум. 31.12.2016), доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: pdv@ifes-ras.ru.

и научно-технические разработки, внедрение инноваций в производство, а также расходы на образование и развитие инфраструктуры.

В инновационном индексе агентства Bloomberg (Bloomberg 2016 Innovation Index) Китай оказался на 21-м месте в рейтинге 50 наиболее инновационных стран³. Этот индекс учитывает такие категории, как научно-исследовательская деятельность, добавочная стоимость для промышленности, продуктивность, число высокотехнологических компаний, эффективность высшего уровня, концентрация разработчиков, патентная активность.

Движение к инновационному развитию

В 2006 г. был принят Государственный план научно-технического развития КНР до 2020 г. Им предусмотрено поступательное увеличение расходов на НИОКР из центрального и местных бюджетов, а также из негосударственного сектора экономики с 1,5% до 2,5% ВВП, постепенная замена в ключевых отраслях импортных технологий отечественными и вхождение Китая в пятерку ведущих экономик мира по числу патентов и научных публикаций.

После принятия этого документа за две пятилетки удалось существенно увеличить инвестиции в НИОКР относительно ВВП, хотя Китай еще отстает от стран-лидеров в этой области — Южной Корее, Израиля, Японии, США.

Китайская экономика, растущая в эти годы высокими темпами, вышла на 2-е место в мире, что позволило КНР по абсолютным показателям инвестиций в НИОКР опередить ряд конкурентов, приблизившись к США. По данным Национального научного фонда США, с 2003 по 2013 г. Китай ежегодно увеличивал расходы на НИОКР в среднем на 19,5%. США еще остаются глобальным лидером по абсолютной величине затрат на НИОКР (27% мировых расходов). Но затраты Китая уже немногим меньше — 20%⁴.

За годы после принятия курса реформ и открытости Китай продвинулся в деле развития естественных наук (хотя пока что в этой области еще уступает развитым странам). Фундаментальные и прикладные исследования финансируются в основном вузами, а экспериментальные работы в подавляющем большинстве — бизнесом.

Китай существенно продвинулся в сфере научно-технологического образования, что весьма благоприятствует развитию НИОКР, техно- и наукоемких отраслей индустрии. Он — первый в мире по числу специалистов с дипломами бакалавров в области естественных наук и инженерии. На эту сферу в Китае приходится 49% всех студентов бакалавриата (в США — 33%). В 2012 г. из 6 млн бакалавров по естественным наукам и инженерному делу в мире на долю Китая пришлось около 23%, на долю ЕС — около 12% и на долю США — около 9%⁵. Выросло и число выпускников вузов.

В ноябре 2015 г. Госсовет КНР обнарудовал план повышения глобальной конкурентоспособности высшего образования, нацеленный на дальнейшее развитие принятых ранее правительственных программ, известных под номерами 985 и 211, в соответствии с которыми за предыдущие годы на создание университетов мирового уровня, на повышение их исследовательского потенциала и глобального рейтинга было израсходовано 33 млрд долл. В некоторых богатых административных единицах (например, г. Шанхай, или пров. Гуандун) на поддержку местных университетов к государственным ассигнованиям добавлялись средства из региональных бюджетов.

Новый правительственный план предусматривает: к 2020 г. достичь мирового уровня в нескольких университетах, к 2030 г. по ряду университетов и дисциплин стать лучшими в мире, а к 2050 г. иметь одну из лучших в мире систем высшего образования.

Кстати, согласно 13-му ежегодному международному рейтингу QS World University Rankings, составляемому компанией QS (Quacquarelli Symonds), в Top-100 лучших вузов мира вошли четыре китайских университета (на 24-м месте — Университет

Цинхуа в Пекине, на 39-м — Пекинский университет, на 43-м — Фуданьский университет в Шанхае, на 61-м — Шанхайский университет транспорта⁶.

Большое число студентов из Китая обучается в вузах и колледжах Великобритании, США, Австралии, Южной Кореи, Японии: в Великобританию направляются за магистерскими дипломами, в США — за докторскими, в Южную Корею — в бакалавриат.

По данным «Синей книги» Министерства образования КНР, в 2015 г. на учебу за рубеж отправились более полумиллиона китайских студентов⁷. Всего с начала осуществления курса на реформы и открытость (1978 г.) 4 млн граждан КНР получили зарубежное образование. Почти все они (97%) учились на собственные средства.

Примечательно, что в последние годы 70–80% окончивших курс обучения возвращаются на Родину. Прежде, когда китайская экономика еще сильно отставала от западных и спрос на специалистов был меньше, очень многие искали работу за рубежом. 80% из вернувшихся имеют дипломы магистра, 10% — докторскую степень (PhD) и только менее 10% — бакалавров. Зарубежный диплом, несомненно, повышает шансы на трудоустройство, особенно в малых и средних городах, где конкуренция на рынке труда не так велика, как в мегаполисах, но не гарантирует высоких заработков. Около половины обладателей дипломов бакалавра зарабатывают меньше 5 тыс. юаней (примерно 800 долл.) в месяц, а 86,6% обладателей магистерских дипломов — меньше 10 тыс. юаней⁸. Большинство возвращающихся дипломированных специалистов стремятся работать в сферах финансов, образования, культуры, информационных технологий.

Важную роль сыграла в Китае «Программа тысячи талантов». Введенная в действие в конце 2008 г., она стимулировала привлечение на работу, в том числе из-за рубежа, специалистов и талантливых молодых людей, способных осуществить прорыв в ключевых технологиях или повысить потенциал КНР в высокотехнологичных отраслях.

Программа включает в себя несколько подпрограмм, обращенных к разным группам специалистов — известным ученым, предпринимателям, молодым профессионалам, экспертам. Первая из этих категорий — лица до 55 лет, желающие работать в Китае на постоянной основе и имеющие звание профессора (или его эквивалент) в престижных иностранных университетах и научно-исследовательских институтах, или занимающие высокие посты в известных международных компаниях или финансовых институтах. Им присваивается титул «выдающихся государственных экспертов», и обеспечиваются подходящие условия для работы и жизни. Эти лица могут занимать руководящие должности в университетах, НИИ, на госпредприятиях центрального подчинения, в государственных коммерческих и финансовых учреждениях. Они привлекаются в качестве руководителей и консультантов проектов государственных программ и фондов, поддерживающих научные исследования, при составлении планов научных исследований и разработке научных стандартов, а также участвуют в научной жизни страны, в выборах в Академию наук Китая и в Китайскую инженерную академию, могут быть номинированы на получение различных государственных наград.

«Выдающиеся государственные эксперты», их супруги и несовершеннолетние дети, имеющие иностранное гражданство, вправе получить вид на постоянное жительство для иностранцев, многократные въездные визы со сроком действия до двух—пяти лет. Имеющие китайское гражданство могут проживать в любом городе КНР по своему выбору, независимо от места прописки. Каждый «выдающийся государственный эксперт» получает из центрального государственного бюджета единовременное пособие в размере одного миллиона юаней, социальное страхование, включающее пенсионное обеспечение, медицинскую страховку и страхование от несчастных случаев, связанных с трудовой деятельностью. Он может приобрести одно жилье для личных нужд. Расходы на проживание, питание, образование детей в течение пяти лет не облагаются налогом. Работодатель обязан предоставить возможности трудоустройства супругам и гарантировать

школьное обучение детям. Уровень дохода устанавливают путем переговоров на предыдущем месте работы за рубежом.

К концу 2010 г. выявилась потребность в профессионалах высокого класса в области гуманитарных и общественных наук, особенно в специалистах по правам интеллектуальной собственности, защите среды обитания и ресурсов, международному праву, дипломатии, психологии. Специалисты такого плана особенно требовались для реализации программы «Ключевые государственные инновационные проекты». Они должны поддерживать КПК и социалистическую систему, соблюдать Конституцию, законы, порядки и политику КНР. Помимо наличия профессорского статуса в престижных зарубежных университетах, исследовательских институтах, учреждениях культуры и желания работать в Китае кандидаты должны обладать высокой мировой репутацией и пользоваться влиянием в тех академических областях, в которых остро нуждается Китай. Возрастной ценз для таких специалистов — 60 лет.

Научная продукция

Усилия, предпринимаемые для развития науки и технологий, выражаются, в частности, в быстром количественном и качественном росте научной продукции китайских ученых. Начиная с 1980-х годов число китайских научных публикаций приумножается двузначными темпами. Соответственно возрастает доля Китая в мировой научной продукции, хотя последняя тоже существенно увеличивается. В результате по этому показателю Китай переместился в мировом рейтинге с 37-го места на второе.

За десятилетие, с 2003 по 2012 г., количество научных публикаций в США выросло на 50%, а в Китае — вчетверо. Китай стремится догнать США и по числу наиболее цитируемых публикаций. По данным Института научно-технической информации Китая, за период с 2004 по 2013 г. в стране было опубликовано более 10 тыс. высокоцитируемых научных работ, или 5,2% первоклассной мировой продукции, что выдвинуло Китай на 4-е место в мире — после США, Великобритании и ФРГ⁹.

Один из наиболее авторитетных в мировых научных кругах журнал *Nature* свидетельствует, что Китай вышел на второе место в мире по высококачественным научным публикациям. Этот вывод сделан на основании анализа публикаций в 68 лучших журналах мира, которые учитываются в базе данных *Nature Index* начиная с 2012 г. В составленном на основе этого индекса рейтинге стран в 2015 г. по количеству первоклассной научной продукции в мире лидируют США, а вторым является Китай. (Хотя между ними — более чем двукратный разрыв). С 2012 по 2015 г. число статей китайских ученых в индексируемых журналах росло ежегодно в среднем на 14%¹⁰.

По данным ОЭСР, Китай может обойти США в восьми из 27 научных дисциплин, где с 2003 по 2012 г. абсолютно доминировали США; среди них — материаловедение, математика, химия, энергетика, компьютерные технологии и др.¹¹ Уже в первом десятилетии XXI в. средняя цитируемость китайских научно-технических публикаций в таких областях, как гражданское строительство, компьютерные технологии, энергетика, электронные коммуникации, промышленное производство и операционные системы, была на уровне развитых стран Запада, Японии и Южной Кореи, а количество публикаций было примерно сопоставимым.

Стремительный рост числа научных публикаций в Китае связан с рядом факторов. Прежде всего обращает на себя внимание быстро растущая численность занятых в сфере НИОКР: с 668 тыс. до 1 113 тыс. человек в период с 2003 по 2014 г. (причем, в 2007 г. Китай по этому показателю обошел США). По китайским масштабам численность персонала НИОКР отнюдь не чрезмерна. Резервы для дальнейшего его пополнения еще весьма велики. В 2012 г. на долю НИОКР в Китае приходилось только 12 полных работников из 10 тыс. занятых, тогда как в Германии, Великобритании, Франции, Японии

еще 30 лет назад работников этой сферы было более сотни. Для Китая проблема состоит в том, что он выходит на траекторию создания постиндустриального общества знаний, не завершив еще индустриализацию и урбанизацию.

В целом нет сомнения, что подавляющая часть китайской научной продукции является доброкачественной и произведена благодаря упорному и квалифицированному труду. Весьма достойное и продолжающее расти число научных публикаций, которые вправе считаться первоклассными, включено в престижный индекс научного цитирования (SCI).

Однако следует признать, что на результативность труда китайских ученых не могла не наложить отпечатка погоня за валом — нередко в ущерб качеству, от которой страдает вся экономика страны. Присуждение грантов на научные исследования исходя из количества публикаций, без должного учета их качества порождает плагиат, фальсификацию результатов работы и даже фальшивые издания. Как сообщал упомянутый журнал *Nature*, в 2010 г., согласно одному правительственному докладу, треть из 6 000 исследователей из шести научных институтов признали в своих работах наличие плагиата, фабрикации или фальсификации данных¹². Детали расследования не были опубликованы, что затрудняет сравнительный анализ его результатов с аналогичными расследованиями на Западе.

Ведущие западные журналы отклоняют немало статей из КНР из-за плагиата или попыток дублировать текст в разных изданиях¹³. В стране существует рынок заказных публикаций, которым пользуются и некоторые недобросовестные научные работники и коррумпированные правительственные чиновники, стремящиеся приобрести или повысить свой академический статус. Так, в ходе судебного процесса в 2013 г. над видным функционером министерства железных дорог Чжан Шугуаном подсудимый признался, что, стремясь к избранию в Академию наук Китая, потратил миллионы долларов на взятки и оплату труда ученых, писавших за него научные работы. Для избрания ему не хватило всего одного голоса¹⁴.

После 2000 г. Китай вышел на ведущие позиции в мире по заявкам на патенты и патентованию изобретений своих граждан. С вступлением Китая в ВТО в начале нашего столетия в стране отмечается стремительный рост заявок на патенты и выдачи патентов на изобретения отечественным резидентам. В 2010 г. Государственное агентство по интеллектуальной собственности КНР опубликовало Национальную стратегию развития патентного дела (2011–2020), которая ставила задачу увеличить ежегодную регистрацию патентных заявок к 2015 г. до двух миллионов. В 2014 г. было зарегистрировано 920 тыс. заявок, или 34,6% всех заявок на получение патентов в мире, значительно больше, чем в США и Японии. Основную их массу составили заявки от небольших, но весьма успешных фирм в электронной промышленности¹⁵. Развитие патентного дела в Китае особенно выделяется на фоне одновременного отрицательного роста этого показателя в половине стран мира.

Количественное наращивание патентных заявок само по себе недостаточно для превращения Китая в глобальную инновационную державу. Решающее значение имеет их качество (а оно с ростом количества иногда может снижаться). Согласно проведенному в 2012 г. анализу, из более чем 1,6 млн патентных заявок, зарегистрированных в Китае в 2011 г., лишь 32% соответствуют высшим критериям качества патентов и могут считаться новыми изобретениями¹⁶.

В Китае выдают патенты не только на изобретения, но также на дизайн и на так называемые полезные модели, поступательное развитие которых может усовершенствовать уже существующий продукт, хотя редко ведет к технологическому прорыву. Таковы две трети всех патентов, выданных за последние годы средним и крупным государственным предприятиям. В США патенты на «полезные модели» не выдаются, но такая практика существует в некоторых других развитых странах, например, в Германии¹⁷.

В отличие от США и европейских стран, где число отечественных и иностранных заявок на патенты примерно равно, в Китае на долю отечественных резидентов приходится три четверти заявок. Это связано, во-первых, с государственным субсидированием последних и, во-вторых, с менее требовательным отношением к ним со стороны патентных органов¹⁸.

Китайские изобретения сравнительно редко патентуются за рубежом. Особенно мало так называемых тройственных патентов, которые выдаются совместно патентными органами трех крупнейших в мире технологических рынков — японского, американского и европейского. Получение таких патентов обходится дорого и длится долго, иногда до пяти—шести лет, но зато они обеспечивают их обладателю самую широкую защиту интеллектуальной собственности и предлагают наилучшие шансы высокого дохода на глобальном рынке. В 2013 г. китайские резиденты подали около 750 тыс. заявок на отечественные патенты, из них, по данным ОЭСР, лишь 1785 — «тройственных». Для сравнения, в США в том же году было выдано 14 606 «тройственных» патентов, в Японии — 15 970¹⁹.

Интернет-держава

На нынешнем этапе, в ходе реализации 13-го пятилетнего плана (2016–2020 гг.), приоритетом в развитии инноваций в Китае является становление его как ведущей Интернет-державы. На этом пути он уже добился больших успехов. Число интернет-пользователей превысило 700 млн, численность пользующихся «умными телефонами» достигла 600 млн человек. По числу доменных имен, веб-сайтов и интернет-предприятий Китай занимает ведущее место в мире. Три китайские компании: «Хуавэй», «Чжунсин Тэнсюнь» и «Ляньсян» входят в десятку мировых интернет-гигантов. Более 300 млн человек покупают товары через Интернет. Объем покупок в Интернете в 2014 г. превысил 3 трлн юаней, а общий объем электронной торговли — 15 трлн.

Вместе с тем, как отмечают китайские эксперты, по уровню глобальной информатизации Китай занимает место лишь в седьмом десятке стран. Seriously запаздывает создание базовых сооружений для широкополосного Интернета, его распространение в расчете на душу населения отстает от передовых стран. Ключевые технологии все еще находятся в чужих руках. Способность к самостоятельным инновациям невелика. Кибербезопасность подвержена серьезным вызовам. Велика «цифровая пропасть» между городом и деревней, между отдельными регионами. Поэтому чрезвычайно сложно решать задачи по стимулированию индустриализации и урбанизации нового типа, модернизации сельского хозяйства и государственного управления посредством информатизации²⁰.

Значимость курса на строительство глобальной Интернет-державы подчеркнута созданием в 2013 г. Центральной руководящей группы по кибербезопасности и информатизации во главе с Си Цзиньпином. Выступая на заседании группы в феврале 2014 г., он указал, что безопасность в киберпространстве неразрывно связана с национальной безопасностью и развитием.

Эти установки были развиты во вступительной речи Си Цзиньпина на 2-й Всемирной конференции по Интернету, состоявшейся в г. Учжэне (пров. Чжэцзян) в декабре 2015 г. Основное внимание китайский лидер уделил вопросам кибербезопасности и управления глобальным Интернетом. Подчеркнув, что кибернаблюдение, кибератаки и кибертерроризм стали бичом для всего человечества, Си Цзиньпин предостерег от превращения киберпространства в арену противоборства между странами и рассадник криминала. Он осудил использование двойных стандартов при поддержании кибербезопасности и попытки строить свою безопасность за чужой счет, призвал совместно бороться со злоупотреблениями в сфере информационных технологий.

Существующие правила управления киберпространством, отметил Си Цзиньпин, вряд ли отвечают желаниям и интересам большинства стран. При выстраивании системы управления Интернетом не должно быть односторонности и беззакония. Мощный рост китайского Интернета, заверил он участников конференции, предоставляет обширный рынок для предприятий и стартапов из всех стран: двери Китая, открытые всему миру, больше не затворятся.

Забота Пекина о своей кибербезопасности редко встречает понимание и тем более поддержку на Западе. Принятый Постоянным комитетом ВСНП в ноябре 2016 г. и вступающий в силу с июня 2017 г. «Закон о кибербезопасности» вызвал критику как в бизнес-сообществе, так и со стороны различных правозащитных организаций. Неприятие вызвало, в частности, обращенное к операторам критической информационной инфраструктуры требование хранить персональную информацию и важные данные о бизнесе на территории Китая и оказывать техническую поддержку полиции и службам государственной безопасности, расследующим преступления. К критическим областям отнесены информационные службы, транспорт и финансы. Бизнес компаний, хранящих или предоставляющих интернет-данные за пределами Китая без разрешения, может быть закрыт, а лицензия на его ведение — отобрана. Беспокойство связано с опасением по поводу передачи интеллектуальной собственности и возможного открытия «черного хода» к продуктам, используемым в Китае.

Дж. Циммерман, председатель Американской торговой палаты в Китае, полагает, что Закон представляет собой шаг назад в инновациях, мало способствует укреплению безопасности и нацелен скорее на усиление протекционизма. «Чем труднее будет данным пересекать китайскую границу, тем труднее будет для компаний внутри этих границ продвигать инновации, и Китай рискует оказаться в технологической изоляции от остального мира», сказал он²¹.

По словам Дж. Паркера, вице-президента Америко-китайского делового совета по операциям в Китае, Совет обеспокоен тем, что определение «операторов критической информационной инфраструктуры» в последней версии Закона имеет более широкое толкование, чем в предыдущих проектах, и может быть расширено еще больше²². Правозащитная организация *Human Rights Watch* усмотрела в Законе дальнейшее ограничение свободы коммуникации в Интернете, а *Amnesty International* призвала *Facebook*, *Microsoft*, *LinkedIn* и другие компании сопротивляться «Оруэлловскому подходу к Интернету». Роуз Энн Райф, директор программы восточноазиатских исследований в *Amnesty International*, заявила, что Китай дает понять западным компаниям, под чью дудку они должны танцевать, если хотят получить или сохранить доступ к богатствам китайского рынка, где пока доминируют китайские компании. Новый закон о кибербезопасности, полагает она, идет дальше, чем когда-либо ранее, в ужесточении и без того репрессивного давления правительства на Интернет. Это, по ее словам, гигантская гуманитарно-технологическая система цензуры в Интернете, не имеющая аналога в мире²³.

Возражения встречает и обращение официального Пекина к идее национального суверенитета в киберпространстве. Отвергается довод о том, что ужесточение мер по обеспечению внутренней безопасности необходимо для защиты страны от угроз, исходящих извне.

Становление Китая как ведущей Интернет-державы обусловлено не только интересами безопасности, но и экономики. Интернет призван стать мощным локомотивом экономического роста.

В июле 2015 г. Госсовет КНР обнародовал программу «Интернет Плюс», нацеленную на внедрение интернет-технологий в традиционные отрасли промышленности, в которой предусматривается интегрировать в производство мобильные и «облачные» технологии, концепцию «Интернета вещей» и технологии обработки большого объема данных.

Группа исследователей из Глобального института МакКинси (*McKinsey Global Institute, MGI*) изучила перспективы использования Интернета в китайской экономике и пришла к выводу, что благодаря Интернету темпы ежегодного прироста ВВП в период между 2013 и 2025 г. могут увеличиться на 0,3–1,0 процентных пункта. К 2025 г. это сулит дополнительную прибавку к ВВП в размере от 7 до 22%, или от 4 до 14 трлн юаней²⁴.

Интернет не только добавит необходимую динамику Китаю на годы вперед, но и изменит саму природу экономического роста, который станет опираться не на обильные инвестиции и дешевую рабочую силу, а на производительность, инновации и потребление. Он также усилит конкуренцию между предприятиями и создаст информационную прозрачность, которая усовершенствует инвестиционные решения, будет способствовать повышению качества рабочей силы и стимулировать потребление.

Исследователи MGI разработали показатели по измерению масштабов «Интернет-экономики» КНР, согласно которым она в 2010 г. составляла 3,3% ВВП, что ниже, чем в большинстве развитых стран. В 2013 г. этот показатель возрос до 4,4%, что вывело Китай в число мировых лидеров. Китаю удалось создать динамичный технологический сектор, быстро развивающиеся социальные сети и крупнейший в мире рынок электронной торговли.

Но в китайский бизнес Интернет еще только начинает проникать. По данным MGI, в 2013 г. типичная китайская компания тратила на информационные технологии 2% своего дохода — вдвое меньше среднемирового показателя. Прогнозы MGI учитывают также эффект, оказываемый на всю экономику более конкурентным финансовым сектором. Обработка больших массивов данных, позволяющая управлять кредитными рисками, и онлайн-каналы, сокращающие стоимость транзакций, позволяют финансовым институтам увеличивать кредитование малых и средних предприятий. Более эффективное размещение капитала может к 2025 г. добавить к движимому Интернетом ВВП от 459 млрд до 1,5 трлн юаней. Благоприятствуя росту ВВП и производительности, Интернет дает значительную выгоду и для потребителя: увеличение прозрачности и конкуренции может снижать цены и повышать качество товаров.

Фундаментальные исследования и перспективы научно-технологического прогресса

Становление Китая как глобальной инновационной державы, опирающейся в большой степени на отечественные инновации, предполагает развитие в стране фундаментальной науки — источника всех инноваций, создание отечественных школ во всех основных научных дисциплинах. В первые десятилетия политики реформ и открытости Китай ставил перед научно-технологической сферой в основном задачи прикладного характера, которые могли решаться в кратко- или среднесрочной перспективе. По мере своего возвышения он стал уделять все больше внимания и долгосрочным, базовым проблемам науки. Тем не менее на фундаментальные исследования направляется еще относительно небольшая доля расходов на НИОКР (бюджетных, корпоративных и частных) — всего 4,7%, против 24,1% во Франции, 17,6% в США и 12,6% в Японии²⁵.

В июне 2016 г. Национальный фонд естественных наук Китая (НФЕНК), главный спонсор фундаментальных исследований в стране, обнародовал план развития на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.). Как сообщил вице-президент Фонда Гао Вэнь, к 2020 г. вложения Фонда в фундаментальные исследования достигнут уровня стран с наибольшими расходами на науку. По плану к 2030 г. Китай должен вносить в глобальное научное развитие вклад, сопоставимый с прочими научно-технологическими соперниками, став в некоторых областях лидером, а к 2050 г. его вклад должен стать решающим. Эти ориентиры коррелируют с графиком достижения целей научно-технологического развития страны, согласно которому Китай должен стать одной из наиболее инновацион-

ных стран мира к 2020 г., ведущим инноватором — к 2030 г. и глобальной научно-технологической державой — к 2049 г. (100-летию основания КНР).

Расходы на фундаментальные исследования в 2015 г. увеличились до 67,1 млрд юаней, но Китай еще отстает по оригинальным исследовательским достижениям, по числу ведущих ученых мирового класса, по общей обстановке для инноваций²⁶.

На период 13-й пятилетки НФЕНК определил в качестве приоритетных 118 самостоятельных дисциплин и 16 междисциплинарных областей, включая квантово-информационные технологии, обнаружение космического излучения, изменения в глобальной экологии, кибербезопасность и оптоэлектронные устройства. В предыдущей пятилетке НФЕНК финансировал 200 тыс. программ: примерно, на 89 млрд юаней из госбюджета и на 1,75 млрд юаней из других источников. В 13-й пятилетке предполагается поддерживать научные публикации с расчетом, что они закрепят за Китаем 2-е место в мире по цитируемости, добиваться, чтобы китайские ученые вошли в первую десятку наиболее цитируемых мировых исследователей и чтобы цитируемые публикации вышли на среднемировой уровень. Фонд намерен ежегодно вести до десяти опережающих программ, способствовать тому, чтобы больше китайских ученых входило в руководство главных мировых академических организаций и чтобы им принадлежало авторство примерно в пяти значительных исследовательских достижениях²⁷.

Существенное приращение глобального научного потенциала откроет Китаю новые каналы для инноваций, укрепит готовность и возможность мирового сообщества адекватно отвечать на глобальные угрозы и вызовы. Но стремление КНР занять передовые позиции в мировой науке и инновациях воспринимается на Западе (прежде всего в США) неоднозначно. С одной стороны, выражается готовность к сотрудничеству, с другой — не скрывается озабоченность возможной утратой лидерства в научных исследованиях.

О желании расширять научно-исследовательскую кооперацию говорилось в августе 2016 г. на встрече в Вашингтоне представителей НФЕНК и Американской ассоциации по развитию науки. Были определены четыре направления сотрудничества: стимулирование участия женщин в науке, помощь молодым исследователям, укрепление связей по линии научного образования и исследований, совершенствование научной коммуникации. Президент НФЕНК Вэй Ян заявил, что фундаментальная наука не имеет границ, американские ученые составляют половину всех иностранных участников международного научного сотрудничества Китая. По данным Национального научного фонда США, в числе публикаций, написанных американскими учеными в соавторстве с иностранцами, 18% выполнены совместно с китайскими исследователями²⁸. Для американцев кооперация с иностранными учеными в определенной степени стимулируется более легким в этих случаях доступом к грантам Национального научного фонда, что немаловажно в условиях обостряющейся конкуренции за получение финансирования фундаментальных исследований в США.

Годом раньше, в апреле 2015 г. Массачусетский технологический институт опубликовал доклад «Отложенное будущее». Его авторы утверждают, что сокращение федеральных инвестиций в фундаментальные исследования угрожает «дефицитом инноваций» в Америке в то время, когда ее конкуренты осуществляют амбициозные проекты в таких областях, как исследование космоса, суперкомпьютеры, кибербезопасность, биология растений. Хотя США пока еще доминируют во многих областях исследований, однако доля расходов на НИОКР в федеральном бюджете сократилась с почти 10% в 1968 г. до менее 4% в 2015 г. Доля федеральных расходов на НИОКР во внутреннем валовом продукте уменьшилась с 1,25% в 1977 г. до 0,78% в 2014 г. В докладе отмечается, что фундаментальные исследования почти исчезли как статья расходов во многих американских компаниях. А конкуренты США в 2014 г. заметно продвинулись вперед. Европейское космическое агентство осуществило первую посадку космического аппарата на комету, а Китай создал самый быстрый в мире суперкомпьютер, осуществляет крупные

вложения в создание квантовых компьютеров, в биологию растений. ОЭСР пришел к заключению, что по масштабам финансирования НИОКР Китай превзойдет США в 2019 г.

Близки к этому и выводы проф. Дж. Уолша. Со времен Великой депрессии ежегодные темпы роста НИОКР в США опережали динамику ВВП, пишет он, но в 2008–2013 гг. они составили (с поправкой на инфляцию) лишь 0,8% при среднегодовом приросте ВВП 1,2%. Львиную долю федерального бюджета — до 55% — съедают военные расходы, а науке в 2015 г. досталось всего 3%. США тратятся на огромную массу инструментов разрушения тогда, как Китай создает научные и технологические предприятия. В свете впечатляющих достижений КНР в экономическом развитии и НИОКР, пишет Уолш, не следует ли Соединенным Штатам, остановить свой воинственный выход в западную часть Тихого океана и установить взаимовыгодные отношения с Китаем? Конфронтация с КНР — наследие колониального и неоколониального прошлого, с которым Китай решительно покончил в 1949 г. Эту реальность должен принять истеблишмент США, чтобы не навлечь несчастья на Америку и на весь мир²⁹.

Сокращение в США ассигнований на невоенные НИОКР, как ни парадоксально, отчасти компенсируется китайскими вложениями. Почти не имея еще десятилетие назад партнеров среди американских исследователей, китайские компании, включая *Huawei Technologies* и *ZTE Corp*, теперь используют таковых для получения патентов. Патентуемые изобретения китайских фирм за последние три года удвоились. Впрочем, доля китайских вложений в НИОКР США — пока относительно скромная. Существенно больше патентуют с помощью американских исследователей другие развитые страны (ФРГ, Канада). Да и китайцы все активнее используют германских и японских коллег. Деятельности китайских компаний в США мешают барьеры, воздвигаемые по соображениям безопасности. Именно они помешали неоднократным попыткам *Huawei* расширить свое присутствие в США³⁰.

Промежуточную позицию в диалоге алармистов и тех, кого не беспокоят перспективы американо-китайского соперничества, занимают те, кто, не отрицая наличия тенденций к определенному упадку науки в США и признавая опережающий научный прогресс Китая, полагают, что США все же сумеют сохранить за собой мировое лидерство, хотя им и придется потесниться. К таковым принадлежит, например, заслуженный профессор Мичиганского университета Се Ю: «Наука США сохранит лидерство, но не в той бесспорной позиции доминирования, в которой они пребывали в прошлом. В будущем больше не будет одного мирового центра науки, но будет множество центров. Когда больше ученых из таких стран, как Китай и Индия, станут активно участвовать в исследованиях, мир науки станет глобализованным как единое мировое сообщество»³¹.

Научные связи Китая с США превосходят любое другое международное партнерство. Такая тенденция, движимая долголетним сотрудничеством двух стран, несет с собой вызовы, но главный ее результат — благо для науки, считает автор одной из публикаций в журнале *Nature*³². Анализ 68 высококачественных журналов, включенных в *Nature Index*, показывает, что американские и китайские исследователи сотрудничают в передовых журналах чаще, чем какие-либо другие иностранные партнеры. За последние четыре года китайско-американское партнерство в физических науках и науках о жизни возросло более чем вдвое. Американский эксперт по научной политике Китая Ричард Сатмайер, почетный профессор университета штата Орегон, вместе с коллегами выяснил, что во многих случаях имеет место сотрудничество между обширной диаспорой китайских исследователей в США и их соплеменниками в Китае. Этот феномен, названный им «внутриэтнической кооперацией», способствует тому, что связи Китая с США теснее, чем с прочими англоговорящими странами³³. В результате почти четверть из 400 тыс. родившихся за рубежом обладателей докторской степени по науке и инженерному делу в США, по данным «*Science and Engineering Indicators 2016*», происходят из Китая³⁴.

* * *

Как утверждают футурологи, мир стремительно вступает в эпоху четвертой промышленной революции. Буквально на наших глазах рождаются изобретения, происходят открытия в сферах создания искусственного интеллекта, робототехники, «Интернета вещей», беспилотных транспортных средств, 3D-печати, нанотехнологии, биотехнологии, новых материалов, энергетики, квантовых компьютеров.

Если курс на становление Китая как глобальной инвестиционной державы реален, то Пекину нужно встать во главе этой революции по всем ее направлениям. Более того, Китай должен одновременно стать не только лидером кардинального обновления производительных сил, но также первопроходцем в трансформации производственных и едва ли не всех иных общественных отношений. Это тем более важно, что инновационные технологии несут с собой не только повышение производительности и эффективности труда, но и обратные следствия этого процесса, связанные с сокращением возможностей приложения труда, упразднением ряда массовых профессий и соответственно — с углублением общественного неравенства и социальной напряженности.

Иными словами, предстоит создать не только материальную основу общества XXI века, но и само это общество. Сегодня крайне трудно представить себе даже в самом общем виде контуры такого общества. Можно лишь с большим или меньшим основанием надеяться на то, что оно сумеет распорядиться плодами нынешней промышленной революции лучше, чем это было в прошлом. Что оно не станет угрожать самонстреблением рода человеческого, опираясь на новейшие достижения науки и технологий. Что различия в цвете кожи, чертах лица, социальном и политическом устройстве, верованиях, культах и обрядах не станут, как бывало не раз, поводом для проявления того зла, что вместе с добром изначально присуще природе человека и сохраняется, несмотря на все достижения разума. Хочется верить, что человечество сумеет покончить с самоуничтожением, остановив деградацию среды своего обитания.

Четвертая промышленная революция создаст возможности для еще большего раскрытия творческого потенциала человека, облегчая ему доступ к знаниям, необычайно расширяя каналы социального общения и коммуникации. Она рождает инструменты, которые способны при разумном их использовании укреплять личную, общественную, национальную и интернациональную безопасность. Но те же инструменты могут быть использованы и для усиления диктаторских, репрессивных режимов, даже погрузить человечество в хаос и беспредел.

1. National Science Foundation. U.S. science and technology leadership increasingly challenged by advances in Asia. URL: https://www.nsf.gov/news/news_summ.jsp?cntn_id=137394.
2. URL: http://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2016/article_0008.html.
3. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%98%D0%A2-%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D1%85#Bloomberg_Innovation_Index.
4. National Science Foundation...
5. Ibid.
6. 33 университета КНР вошли в международный рейтинг QS World University Rankings. URL: <http://ekd.mc/2016/09/chinese-universities/>
7. URL: <http://monitor.icef.com/2016/04/a-record-number-of-chinese-students-abroad-in-2015-but-growth-is-slowing/>
8. Xu Heqian. About Three-Quarters of Students Going Abroad Return to China. Report. URL: <http://www.caixinglobal.com/2016-03-28/101011777.html>.

9. National Innovation Index Report 2013.
URL: <http://www.most.gov.cn/kjtj/201511/P020151117383919061369.pdf>.
10. US tops global research performance. URL: <http://www.natureindex.com/news-blog/us-tops-global-research-performance>.
11. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2015: Innovation for growth and society.
URL: http://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-science-technology-and-industry-scoreboard-2015_sti_scoreboard-2015-cn.
12. *Qiu J.* Publish or perish in China // *Nature*. 2010. No. 463. P. 142–143.
13. A flawed system for judging research is leading to academic fraud.
URL: <http://www.economist.com/news/china/21586845-flawed-system-judging-research-leading-academic-fraud-looks-good-paper>.
14. *Mihai A.* Faking of scientific papers on an industrial scale in China // *ZME Science*. 2013. Sept. 30.
URL: <http://www.zmescience.com/science/scientific-papers-china-3009>.
15. Are patents indicative of Chinese innovation? URL: <http://chinapower.csis.org/patents>.
16. *Prud'homme D.* A statistical analysis of China's patent quality situation and larger innovation ecosystem. URL: https://mpr.aub.uni-muenchen.de/51619/1/MPPA_paper_51619.pdf.
17. Там же.
18. China: A Patent Rise in Innovation? URL: <https://www.legallanguage.com/legal-articles/china-patents-innovation/>
19. Are patents indicative of Chinese innovation? URL: <http://chinapower.csis.org/patents>.
20. *Ван Юйкай.* Ванло цянго чжаньлюе чжутуй фачжан чжуансинь: [Стратегия Интернет-державы способствует трансформации развития]. Жэньминь жибао. 17.02.2016.
21. URL: <http://qz.com/829248/chinas-new-cybersecurity-law-is-so-vague-that-its-keeping-foreign-tech-firms-out-of-the-country/>
22. URL: <http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2043646/china-pushes-through-cybersecurity-legislation-heavily>.
23. Facebook, Microsoft, LinkedIn and others must resist China's Orwellian vision of the internet // *South China Morning Post*. 16.11.2016.
24. China's digital transformation: The Internet's impact on productivity and growth. July 2014.
URL: http://www.mckinseyonmarketingandsales.com/sites/default/files/pdf/Chinas_digital_transformation_Full_report.pdf.
25. *Yang Wei.* Policy: Boost basic research in China // *Nature*. 2016. № 534. P. 467–469.
26. Сяньхуа. 15.06.2016.
27. Сяньхуа. 26.08.2016.
28. URL: <http://en.yibada.com/articles/155806/20160831/china-science-organizations-agree-cooperate-research.htm#ixzz4RVanNnLY>.
29. URL: <http://chinarising.puntopress.com/2016/05/31/chinas-science-technology-research-development-the-us-better-wake-up-china-rising-radio-sinoland-with-john-v-walsh-160601/>
30. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-china-investment-insight-idUSKBN0P10KD20150621>.
31. *Yu Xie.* Is U.S. Science in Decline? // *Issues and Studies in Science and Technology*. V. XXX. 2014. Issue 3.
32. *Gupta S.* Science superpowers find common ground // *Nature*. 2016. № 539. P. 6–9.
33. *Bihui Jin, Rousseau R, Suttmeier R., Cong Cao.* The role of ethnic ties in international collaboration: the Overseas Chinese Phenomenon / *Proceedings of the ISSI 2007*; D.Torres-Salinas & H.F. Moed (eds.); CSIC. Madrid. P. 427–436. Цит. no: URL: <http://china-us.uoregon.edu/pdf/madrid.pdf>.
34. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/#/figures>.

Обрабатывающая промышленность КНР: состояние и перспективы развития

© 2017

Н.Н. Коледенкова

Одна из приоритетных задач социально-экономического развития Китая во втором десятилетии XXI в. решается в обрабатывающей промышленности, что подтверждено принятием соответствующей программы, нацеленной на ускоренную модернизацию отрасли путем инноваций. В статье анализируются состояние и перспективы развития обрабатывающей промышленности КНР.

Ключевые слова: Китай, обрабатывающая промышленность, инновации, программа «Сделано в Китае — 2025».

Прогресс за годы реформ

В последние годы обрабатывающая промышленность КНР, будучи базовой сферой экономики страны, развивалась весьма быстрыми темпами, что позволило Китаю стать четвертым в комплексном индексе ведущих в данной сфере стран, уступая лишь США, Германии и Японии. По данным Инженерной академии Китая, разрыв в этой сфере между КНР и промышленно развитыми странами сократился за полтора десятилетия XXI в. наполовину¹. Однако в Докладе о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2016 г.) премьер Госсовета КНР Ли Кэцзян выразил неудовлетворенность состоянием дел, оценив обрабатывающую промышленность страны как «крупную, но не сильную»², упрекнув ее в дефиците инноваций, расточительстве энергии и сырья, загрязнении окружающей среды.

Судя по включенной в табл. 1 статистике, в 2016 г. наивысший против 2015 г. прирост наблюдался в выпуске электромобилей, смартфонов, промышленных роботов (т.е. в ассортименте явственно инновационного характера). Позитивные тенденции налицо, однако это не означает, что критика, прозвучавшая на сессии ВСНП была несправедливой или неожиданной. Ведь не далее, как в 2015 г. была принята Программа «Сделано в Китае — 2025», нацеленная на серьезную перестройку обрабатывающей индустрии.

К этому документу мы обратимся ниже, сначала следует рассмотреть успехи развития важных отраслей обрабатывающей промышленности, достигнутых к моменту его принятия.

Конкретизируя реальные достижения Китая в сфере современных технологий, в первую очередь следовало бы назвать искусственные спутники Земли, пилотируемые космические корабли, ракетно-ядерный потенциал (по которому КНР входит в тройку мощнейших держав мира).

Если же брать достижения в сугубо гражданской сфере, то для представления об уровне развития обрабатывающей промышленности следует остановиться на трех важных отраслях машиностроения: производстве оборудования для энергетики, железнодорожного транспорта и станкостроения.

Таблица 1

Основные показатели обрабатывающей промышленности КНР в 2016 г.

Продукция	Ед. измерения	Производство	Темпы прироста к 2015 г., %
Сталь	млн т	808,36	0,6
Прокат*	млн т	1138,0	1,3
Цветные металлы (10 видов)	млн т	53,1	3,0
в т.ч. рафинированная медь	млн т	8,43	6,0
Алюминий электролитический	млн т	31,87	1,5
Цемент	млн т	2410,0	2,3
Этилен	млн т	17,8	3,9
Минеральные удобрения (в пересчете на 100% действующих веществ)	млн т	71,28	-4,1
Энергетическое оборудование	млн кВт	132,2	6,3
Автомобили	млн ед.	28,12	14,8
в т.ч. легковые	млн ед.	12,11	4,1
электромобили	тыс ед.	459,0	40,0
Крупные и средние трактора	тыс ед.	630,0	-8,5
Бытовые холодильники	млн шт.	84,8	6,1
Цветные телевизоры	млн шт.	157,7	8,9
в т.ч. жидкокристаллические	млн шт.	157,1	9,2
в т.ч. смарт-телевизоры	млн шт.	93,1	11,1
Мобильные телефоны	млн шт.	2058,2	13,6
в т.ч. смартфоны	млн шт.	1537,6	9,9
Портативные компьютеры	млн шт.	290,1	-7,7
Промышленные роботы	ед.	72426,0	30,4

* Показатель проката включает 344 млн т стали, которая была подвергнута повторной обработки.

Источник: *Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2016. National Economic and Social Development. National Bureau of Statistics of China. Feb. 28, 2017.* URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201702/t20170228_1467503.html.

Оборудование для энергетики. Большим достижением Китая стало производство энергетического оборудования. Поскольку одной из основных задач в развитии народного хозяйства страны было заявлено построение к 2020 г. стабильного, эффективно-го и экологически чистого энергетического комплекса, выпуск энергетического оборудования в 2015 г. достиг 124,3 млн кВт, в 2016 г. — 132,2, его установленная мощность на конец 2015 г. составила 1,508 млрд кВт. По показателям установленной мощности и выработки электроэнергии Китай уже — мировой лидер.

Китай является крупнейшим после США производителем сложнейших агрегатов для гидроэлектростанций. Ключевым звеном в развитии его гидроэнергетики стало возведение ГЭС «Санься» на реке Янцзы. Китай способен производить гидроагрегаты мощностью 700 МВт и 800 МВт.

Не исключено, что в ближайшие пять лет он войдет в тройку мировых лидеров по получению энергии от АЭС. Совокупная мощность его 23-х реакторов ныне составляет 23 ГВт (4% всей электроэнергии страны), но в 13-й пятилетке (2016–2020 гг.) здесь предполагается инвестировать на атомные электростанции 80,6 млрд. долл. и довести мощность реакторов до 58 ГВт. Освоено строительство реакторов второго поколения

мощностью 2 млн СР 1000, причем 80–85% основного оборудования для них Китай способен выпускать самостоятельно.

С 2015 г. он — мировой лидер в солнечной и ветроэнергетике. Только в первом полугодии 2016 г. установил 20 ГВт по первой из них, или втрое больше, чем за аналогичный период 2015-го.

В КНР создана единая энергетическая система, ядром которой служит ГЭС «Санься», внедрено в производство сверхвысоковольтное оборудование для передачи электроэнергии; построена линия электропередач переменного тока напряжением в 1000 киловольт (протяженностью 654 км).

Не менее впечатляет прогресс в железнодорожном машиностроении. Одной из главных задач стала разработка и производство высокоскоростных электропоездов. В первые годы XXI в. было решено заимствовать современные технологии из-за рубежа. Железнодорожное машиностроение вышло на технологический уровень, позволяющий строить (в г. Циндао) электропоезда со скоростью 200 и 250 км/час. В 2009 г. появился центр по производству скоростных железнодорожных составов (где уже разрабатываются опытные образцы с вдвое большей скоростью).

В 2010 г. На Северо-Востоке Китая, на базе Чанчуньской компании по производству пассажирских составов был создан центр разработок и производства скоростных подвижных поездов — крупнейший в мире по масштабу и по оснащению передовым оборудованием. Там при содействии компаний Франции, Германии, США стали производить еще более совершенные поезда CRH 2С со скоростью 350 км/час и CRH 380А со скоростью до 380 км/час. Была создана опытная технология торможения на вихревых токах для данных типов поездов.

Тогда же в Тяньцзине появился комплекс «Хэсе» («Гармония») для производства электровозов высокой мощности. Он способен за год обслуживать до 700 электровозов «Хэсе» и выпускать 200 новых.

Всего четверть века назад средняя скорость китайских поездов в Китае составляла 48 км/час, сегодня он мировой лидер по протяженности линий высокоскоростных поездов, а экспорт железнодорожного оборудования и подвижных составов дает выручку, приближающуюся к объемам экспорта российского ВПК.

В последние годы в Китае было развернуто серийное изготовление грузовых тепловозов и электровозов мощностью 6400 кВт, предназначенных для вождения тяжеловесных поездов массой до 10 тыс. т. Датунская компания по производству электровозов разработала 6 новых типов мощных электровозов переменного тока. В 2012 г. ею был создан (совместно с французской компанией Alstom) первый грузовой двухсекционный электровоз нового поколения общей мощностью 10 тыс. кВт. Он способен тянуть 100 вагонов тоннажем по 80 т. (при максимальной скорости 120 км/ч.)

Велики успехи в станкостроении. Внедрение в производство собственных разработок, многочисленных зарубежных высокоэффективных технологий и ключевого оборудования позволило повысить долю производимых в Китае станков с числовым программным управлением, отвечающих современным требованиям обработки. В 2010 г. 10 мировых производителей станков создали в Китае совместные предприятия. Выпускаемые ими токарные, фрезерные и специальные станки с ЧПУ при сравнительно умеренной цене отличаются высокой точностью и производительностью. Считается, что они способны конкурировать с европейскими станками. Одним из флагманов станкостроения Китая является завод «Neway», построенный по японским технологиям. Основная его продукция — станки престижной марки Solex.

Переход к средне-высокой ступени развития

Успехи Китая впечатляют. И все же, оценивая состояние его обрабатывающей индустрии в целом, сравнивая ее с уровнем стран Запада, некоторые эксперты характеризуют достигнутую Китаем ступень развития как «средне низкую». На переход к «средне-высокой» ступени развития и нацелена принятая в 2015 г. Программа «Сделано в Китае — 2025», представляющая собой первый в истории страны десятилетний план действий по модернизации отечественной индустрии.

Приоритетные направления. Их в Программе определено девять:

- подъем инновационного потенциала обрабатывающего сектора;
- повышение уровня интеграции информационных технологий и индустрии;
- укрепление потенциала базовых отраслей промышленности;
- активизация процесса формирования китайских брендов;
- всестороннее внедрение «зеленого» производства;
- обеспечение прорывов в развитии *десяти ключевых отраслей*;
- углубление структурной перестройки обрабатывающего сектора;
- активное развитие обслуживающих производств и производственных услуг;
- повышение уровня интернационализации обрабатывающего сектора.

Десять ключевых отраслей. Под ними подразумеваются:

- ИТ-индустрия нового поколения;
- станки с цифровым управлением и роботы высокого класса;
- аэрокосмическое оборудование;
- морское инженерное оборудование и высокотехнологичные суда;
- передовое оборудование для рельсового транспорта;
- энергосбережение и автомобили, работающие на новых источниках энергии;
- электроэнергетическое оборудование;
- сельскохозяйственное машиностроение;
- новые материалы;
- биофармацевтика и медицинская техника с высокими характеристиками.

Пять основных проектов. Для достижения поставленных целей внимание, согласно Программе, будет направлено на:

- создание Национального центра по развитию отечественных производственных отраслей,
- налаживание интеллектуального производства,
- повышение базовой конкурентоспособности обрабатывающей промышленности,
- организацию экологического производства,
- инновации в сфере высокотехнологичного оборудования.

Программа «Сделано в Китае — 2025» вполне соответствует, по оценке китайских экономистов, реалиям страны. В последнее десятилетие для отрасли, как уже отмечалось выше, было характерно устойчивое развитие, ее показатели по валу быстро росли. В 2013 г. на долю Китая приходилось 20,8% мирового производства промышленной продукции. Хуже было с качественными характеристиками. Таблица 2 позволяет сопоставить то, что было достигнуто к моменту принятия Программы «Сделано в Китае — 2025» с видами на перспективу (когда Программа будет реализована).

Примечательно, что, несмотря на задачи, поставленные по развитию обрабатывающей промышленности, темпы прироста объема инвестиции несколько снижаются. В табл. 3 дана динамика инвестиций обрабатывающей промышленности. По данным ГСУ КНР, объем инвестиций без учета крестьянских дворов в 2015 г. составил 18037,0 млрд юаней, темпы прироста по отношению к предыдущему году достигли лишь 8,0%.

Кроме того, произошли изменения и в отраслевой структуре капиталовложений. Так, темпы прироста инвестиций в обрабатывающей отрасли (без крестьянских дворов)

в 2014–2016 гг. были ниже, чем в целом по стране. В 2016 г. по отношению к 2015 г. этот показатель составил 4,2%, в то время как по стране в целом — 8,1%. В результате се удельный вес в отраслевой структуре капиталовложений упал с 33,3% в 2014 г. до 32,7% в 2015 г. и 31,5% в 2016 г.

Таблица 2

Качественные показатели обрабатывающей промышленности КНР

Показатели	2013	2015	2020	2025
Доля расходов на инновационные разработки в общем объеме доходов сверхлимитных предприятий, %	0,88	0,95	1,26	1,68
Число патентов на изобретение на каждые 100 млн доходов сверхлимитных предприятий	0,36	0,44	0,70	1,10
Индекс конкурентоспособности*	83,1	83,5	84,5	85,5
Добавленная стоимость			Темпы прироста по отношению к 2015 г. 2%	Темпы прироста по отношению к 2015 г. 4%
Производительность труда			Темпы прироста против 2015 г. 7,5%	Темпы прироста против 2015 г. 6,5%
Коэффициент охвата населения информационными сетями, %	37	50	70	82
Средний показатель использования станков с ЧПУ, %	27	33	50	64
Снижение расходов энергии на единицу продукции против 2015 г.			-18%	-34%
Снижение выбросов углекислого газа по сравнению с 2015 г.			-22%	-40%
Снижение расхода воды по сравнению с 2015 г.			-23%	-41%
Использование твердых отходов, %	62	65	73	79

* Индекс конкурентоспособности отражает общий уровень развития экономики, рассчитан по 12 параметрам.

Источник: «Сделано в Китае — 2025». URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm.

Нет ли здесь противоречия: в контексте нового этапа промышленной и научно-технической революции реализуется Программа «Сделано в Китае — 2025», но одновременно падают темпы прироста инвестиций в производственные отрасли! Так, в 2013 г. инвестиции в обрабатывающую промышленность против 2012-го выросли на 18,6%, а в 2014 г. — «лишь» на 13,1%. В 2015 г. прирост снизился примерно до 8%, в 1-м полугодии 2016 г. составил лишь 3,3%, а за первые 11 месяцев 2016 г. — 3,6%³.

Китайские экономисты, объясняют это, в первую очередь, работой по развитию новых производств, преобразованием и модернизацией традиционных отраслей, что сопровождалось ликвидацией устаревших производственных мощностей. В 2011–2015 гг. были ликвидированы избыточные мощности по выплавке чугуна на 91,4 млн т,

стали — на 94,8 млн т, в производстве цемента — на 640 млн т, алюминия — на 2 млн т⁴. Как отмечено в заявлении по итогам прошедшего 22 января 2016 г. заседания Госсовета КНР, ликвидация избыточных мощностей есть важная задача в продвижении структурных реформ.

Таблица 3

Динамика инвестиций

Годы	Инвестиции в целом по стране, млрд юаней	Темпы прироста, %	Инвестиции в обрабатывающую промышленность, млрд юаней	Темпы прироста, %
2011	31148,5	11,99	10271,3	15,9
2012	37469,5	20,3	12455,0	21,2
2013	44629,1	19,1	14770,5	18,6
2014	51202,1	14,7	16702,7	13,1
2015	56200,0	9,8	18037,0	8,0
2016*	60646,6	7,9		

Источник: Чжунго тунци няньцзынь. Пекин, 2016. Табл. 10–6.

* *Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2016 National Economic and Social Development. National Bureau of Statistics of China. February 28, 2017. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201702/t20170228_1467503.html.*

Премьер Госсовета Ли Кэцян подтвердил решимость правительства уменьшить избыточные производственные мощности в русле курса на реструктуризацию экономики. То есть, среди задач социально-экономического развития страны на первое место выходит именно сокращение избытка производственных мощностей, для чего необходимы слияние и реорганизация предприятий. Основными критериями сокращения мощностей должна стать степень их соответствия современным нормам производства, экологии, качества, энергопотребления. Предприятия должны будут сокращать производственные мощности путем вывода из эксплуатации устаревшего оборудования, слияния с другими компаниями, перепрофилирования производств, переноса мощностей за рубеж.

На упомянутом заседании Госсовета также было указано на необходимость строгого контроля над вводом новых мощностей.

На реализацию Программы «Сделано в Китае — 2025» государственный Банк развития Китая планирует выделить в 2016–2020 гг. около 300 млрд юаней. Банк заключил соглашение о сотрудничестве с Министерством промышленности и информатизации КНР. Средства будут направлены в развитие как традиционных секторов экономики, так и нарождающихся отраслей. В рамках Программы планируется оказать поддержку промышленным инновациям и реструктуризации, ликвидации избыточных производственных мощностей, стимулированию международного сотрудничества. Среди инноваций, которые включены в программу, названы информационные технологии нового поколения, высокотехнологичное машиностроение и др.⁵

Первые 10 лет отсчета со дня принятия Программы «Сделано в Китае» есть важный этап в развитии обрабатывающей промышленности. Чтобы войти в ряды лидеров по значительному числу технических инноваций, Китаю потребуются решить ряд обозначенных им задач, а именно:

- урегулировать производственную структуру путем развития как традиционных, так и новых производств;
- активизировать внедрение научно-технологических инноваций;
- наращивать возможности отрасли к самостоятельной инновации и овладению ключевыми технологиями;

- опираясь на ключевые объекты и ориентируясь на рынки, стимулировать производство основного оборудования;
- развивать крупные предприятия и создавать компании по производству оборудования;
- готовить специалистов по современной технике.

К моменту принятия Программы «Сделано в Китае» здесь, как отмечалось выше, уже были достигнуты определенные успехи в указанном Программой направлении.

Роль и задачи 13-й пятилетки

Дальнейший прогресс в сфере энергетики. Нельзя не признать, что китайская индустрия по производству энергетического оборудования все еще уступает в международной конкуренции. Его техническое усовершенствование — одна из относительно новых задач при наращивании установленных мощностей.

В связи с этим предполагается:

- внедрять в эксплуатацию в приоритетном порядке сверхмощные тепловые (паровые), газовые турбины, гидроагрегаты, ядерные реакторы «третьего поколения»;
- создавать высокоэффективные генераторы по выработке электричества на «чистых» энергоносителях;
- повышать технологию и уровень прокладки линий электропередачи постоянного и переменного тока со сверхвысоким напряжением;
- в ходе развития отрасли по производству энергетического оборудования ставится задача повышать способность к самостоятельным исследованиям, к овладению ключевыми технологиями.

За годы 13-й пятилетки ожидается:

- формирование «интеллектуальной сети» энергоснабжения, использующей технологии и оборудование передового мирового уровня;
- в числе важнейших задач — совместное с ведущими мировыми производителями энергетического оборудования развитие технологии сохранения энергии;
- внедрение технологии контроля передачи энергии на большие расстояния;
- автоматизации распределения энергии;
- внедрение высокоточных приборов измерения и технологии реагирования на спрос со стороны потребителей.

Автомобили на новых источниках энергии. Другим важным направлением в Китае является развитие производства автомобилей, работающих на новых источниках энергии. В 2015 г. Китай вышел на первое место в мире по производству таких автомобилей. В целях дальнейшего развития производства к 2020 г. в Пекине будет построен крупнейший в стране центр исследований и разработок автомобилей на новых источниках энергии передового мирового уровня. В этот же период будут проводиться работы по разработке автомобилей с приводом от топливных элементов, а также «интеллектуальных» автомобилей.

Поезда на магнитной подушке. Соответствующая программа стартовала здесь в 2016 г. Она предусматривает разработку высокоскоростного поезда на магнитной подушке со скоростью до 600 км/час и среднескоростного поезда на магнитной подушке со скоростью до 200 км/час. Таким образом, в недалеком будущем в КНР возникнет новое поколение поездов, станут практиковаться новые технологии транспортной системы.

Станки и роботы. Согласно программе «Сделано в Китае — 2025», планируется организовать новое производство прецизионных станков, производственных роботов. Создать автоматические линии и системы автоматического контроля. Ускорить разработку интеллектуального оборудования для станкостроения⁶.

13-я пятилетка станет важным этапом в деле роботостроения. Как предполагается, модернизация обрабатывающей промышленности создаст в этот период благоприятные условия для его развития, выведя темпы роста примерно на 25% в год. К 2020 г. количество роботов должно достигнуть 800 тыс. штук (т.е. на 400 тыс. больше по сравнению с концом 12-й пятилетки), а стоимость продукции роботостроения превысит 100 млрд юаней.

Интернет. При развитии обрабатывающей промышленности в направлении интеллектуализации планируется опираться на Интернет, поэтому программа «Сделано в Китае — 2025» тесно координируется с принятой здесь в 2015 г. концепцией «Интернет Плюс». Предстоит сращивание Интернета, облачных технологий, цифровых хранилищ, а также интеграция Интернета с современным производством, развитие производственных информационных сетей.

Как отметил министр промышленности и информатизации Мяо Вэй на форуме «Развитие Китая — 2016», реализация программы «Сделано в Китае — 2025» создает условия для создания более открытой индустриальной базы высокого уровня. Китай готов активно развивать обрабатывающую промышленность, особенно 10 ключевых отраслей и содействовать их выходу на уровень среднего и высшего класса. В процессе реализации концепции «Сделано в Китае — 2025» планируется углублять инновационное сотрудничество с зарубежными производителями, расширять сферы сотрудничества в ключевых отраслях машиностроения. Китай рассматривает промышленно развитые страны и страны, расположенные вдоль Пояса и Пути как важных партнеров в обрабатывающей отрасли.

Программа «Сделано в Китае — 2025» призвана ускорить, по мнению китайских экономистов, процесс перехода от «Сделано в Китае» к усложненному формату «Сделано в Китае на основе интеллектуальных технологий». Ожидается, что после выполнения Программы «Сделано в Китае — 2025» последуют еще два подобных плана. В результате, как предполагается, КНР к 2035 г. выйдет на средний уровень развития промышленно развитых стран. Ну а к 2049 г., к великому юбилею, когда будет отмечаться 100-летие со дня образования Китайской Народной Республики⁷, Китай предстанет миру не просто как сегодняшний промышленный гигант, но как одна из мощнейших в промышленном плане мировых держав.

1. Китай занимает 4-е место по комплексному индексу стран с мощной обрабатывающей промышленностью. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016-0513/c31518-905715.html>.
2. Доклад премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 12-го созыва, март 2016. URL: <http://russian.people.com.cn/2016/0318/c95181-9032270.html>.
3. Investment in Fixed Assets for the First Eleven Months of 2016. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201612/t20161214_1441602.html.
4. China makes headway in industrial restructuring. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/970414.shtml>.
5. На программу «Сделано в Китае — 2025» потратят 44 млрд долл. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/14854>.
6. «Сделано в Китае — 2025». URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm.
7. «Сделано в Китае — 2025». URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm.

Сравнительный анализ китайского и американского вариантов «Нового Шелкового пути»

© 2017

Ли Син, Ню Ичэи

В статье сопоставляются китайский проект Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и американская New Silk Road Initiative. На основе собственного анализа авторы установили, что трактовка функций и задач «Шелкового пути» у Китая и США расходятся, мера открытости двух проектов, позиционирование в отношении России, Монголии и государств Центральной Азии также неодинаковы. Так, если в рамках ЭПШП для России открыто обширное пространство сотрудничества, то одной из задач New Silk Road Initiative изначально было сдерживание России.

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), New Silk Road Initiative, Евразия, Афганистан, ЕвразЭС, сдерживание Китая и России.

Издrevле возникшее¹, словосочетание «Великий шелковый путь» с наступлением XXI в. вдруг ожило, получило хождение во многих странах, чему способствовало окончание холодной войны с сопутствующей активизацией международного экономического сотрудничества.

Стратегическую концепцию Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) Председатель КНР Си Цзиньпин огласил при посещении Университета Назарбаева в Астане в сентябре 2013 г. Мотивировка им этой идеи произвела фурор в мире. Указав на «новую жизнеспособность древнего Шелкового пути», глава КНР призвал страны Евразийского континента, прилегающие к его маршруту, объединить усилия «для постепенного формирования крупномасштабного регионального сотрудничества», «более тесных экономических связей» и «более обширного взаимодействия»².

Но за два с половиной года до этого, в июле 2011 г., Хиллари Клинтон (будучи тогда госсекретарем США) озвучила в г. Ченнае (Индия) альтернативный вариант возрождения «Шелкового пути» со сходным наименованием — New Silk Road Initiative³, что не могло остаться незамеченным в Китае. Так, в научном журнале «Илунь юй шицзянь» («Теория и практика») в октябре 2012 г. (т.е. примерно через год после выступления Клинтон в Ченнае и за год до речи Си Цзиньпина в Астане) вышла статья под заглавием

Ли Син, профессор Пекинского педагогического университета, руководитель Центра изучения Евразии. E-mail: xingli530@sina.com;

Ню Ичэи, доктор политических наук, научный сотрудник Института России, Центральной Азии и Восточной Европы Китайской академии общественных наук.

Статья подготовлена при поддержке Государственного Фонда общественных наук (проект 14BGJ039) и Фонда общественных наук г. Пекина (проект 13KDB039).

«Краткий анализ американской стратегии нового Шелкового пути», содержащая обстоятельную характеристику New Silk Road Initiative.

Используя выгоды географического положения Афганистана, отмечал автор, США решили сформировать там логистический торгово-транспортный узел, наладить транс- региональную интеграцию и товарообмен с охватом Центральной и Южной Азии. Одновременно Вашингтон рассчитывает смягчить посредством этого проекта напряженность в Афганистане, уладить проблемы его государственности и развития после вывода американских войск (намечавшегося на 2014 г.). Налицо и стремление переориентировать страны Центральной Азии от Китая и России к США, ослабить влияние Китая и России в Индии и Пакистане.

Несходство целей, планов, масштабов

Если Китай с его идеей ЭПШП опирается на многовековые исторические, культурные, религиозные связи в пределах Евразийского материка, то «Шелковый путь» по-американски не располагает на этих пространствах никакими культурно-историческими, географическими корнями. Еще важнее при сопоставлении двух проектов — существенные различия, их несомность в международно-политическом плане.

ЭПШП несравненно внушительней и по масштабам, и по содержанию. Им предусмотрены шесть трансграничных экономических коридоров: Китай — Россия — Монголия; Китай — Центральная Азия; Китай — Центральная Азия — Персидский залив; Китай — Пакистан; Китай — Индия — Бангладеш — Мьянма; Китай — Юго-Восточная Азия.

Тибетское нагорье в проекте ЭПШП также не игнорируется.

Государство вкладывает в реализацию ЭПШП крупные средства. Этот проект состыкуется с государственной стратегией и с внутренним развитием Китая. Его цель — связать Европу и Азию на принципах совместного развития, общей пользы и совместной выгоды. Тем самым, его наименование можно трактовать как адекватное издревле сложившемуся брэндру «Шелковый путь».

Приоритеты ЭПШП — экономика и торговля, дополняемые проблематикой культуры, безопасности, политики. В отличие от этого, в американской *New Silk Road Initiative* на первых местах — проблемы терроризма и безопасности. Направляют связанную с этим проектом деятельность ведомства дипломатии и безопасности. С внутренним развитием страны, как и с ее национальной стратегией, этот американский проект, по сути, не состыкуется.

Концепция Китая жизненно важна, во-первых, для самого Китая, ибо нацелена прежде всего на стимулирование экономического развития его центральной и западной территорий, на снижение зависимости от морских перевозок при товарообмене с внешним миром, на укрепление региональной стабильности в ближнем зарубежье к западу от его границ. Будучи переброшен через евразийский континент, ЭПШП представляет собой трансрегиональный экономический коридор⁴, соединяющий Китай, Центральную Азию, Западную Азию и Европу в направлении Восток — Запад, тогда как побуждения Соединенных Штатов локализованы на Афганистане, на Южной и Центральной Азии. Наконец, в число целей американского проекта входит сдерживание Китая и России в Центральной Азии.

В отличие от противоречивых концепций *New Silk Road Initiative*, ЭПШП вместе с «Морским Шелковым путем XXI века»⁵ предусматривает трансконтинентальное сотрудничество во всех жизненно важных сферах Евразии.

Роль этих проектов во внешней политике КНР и США

Исходная задача Экономического пояса Шелкового пути состоит, как уже говорилось, в содействии социально-экономическому развитию отсталых регионов Центрального и Западного Китая. К тому же, ЭПШП сулит внести весомый вклад в региональную безопасность. Особого внимания заслуживает следующее: китайский Синьцзян традиционно сталкивается с вызовами «трех зол» (терроризма, сепаратизма, экстремизма), тесно связанных с зарубежными радикальными группировками. Ликвидация почвы произрастания «трех зол» возможна, прежде всего, через совместное развитие Центрально-Азиатского региона в целом. Формирование коллективного механизма углубления экономического сотрудничества со странами, расположенными вдоль традиционного Шелкового пути, есть первостепенная задача ЭПШП.

Что же касается проекта Соединенных Штатов, то ему предначертана вспомогательная роль в усилиях по укреплению их статуса мирового гегемона (включая решение афганских проблем, связанных с давно уже намечаемым выводом оттуда вооруженных сил НАТО).

Нельзя не заметить сопутствующую всему этому двойственность: с одной стороны, США жаждут выбраться с помощью своей Silk Road Initiative из афганского тупика, с другой — не прочь максимально усилить свое присутствие в Афганистане и всей Центральной Азии. Выходит, что под видом поддержания своих стратегических интересов администрация США продвигает «инициативу» сугубо тактической (но не стратегической) значимости.

Итак, наш вывод: анализируемые здесь проекты «нового Шелкового пути» занимают неодинаковые места в «рейтинге» внешнеполитической стратегии двух держав. Проект КНР относится к ключевой сфере в макро-стратегии ее развития, американский — к сфере периферийной. То есть ЭПШП есть нечто более гармоничное и устойчивое, чем Silk Road Initiative.

Чтобы реализовать поставленные цели и задачи в рамках Экономического пояса Шелкового пути Китай готов всемерно усиливать свою конструктивную роль, смело принимая на себя соответствующую ответственность за региональное развитие⁶.

Степень открытости двух проектов

ЭПШП предусматривает открытое вовне, чуждое рецидивов изоляционизма экономическое сотрудничество, что наглядно отражают его принципы.

Во-первых, проект открыт для вступления в него других стран. Китай приветствует вступление в ЭПШП всех стран, расположенных вдоль его маршрутов. При этом, радуя за то, чтобы как можно больше стран присоединялось к сотрудничеству на принципах взаимной пользы и общей выгоды, Китай не намерен доминировать в ЭПШП в роли хозяина, он призывает все страны-участницы активно выявлять свою роль, создавая оазисы процветающей экономики.

В отличие от этого, Silk Road Initiative представляет собой закрытый, изоляционистский механизм под эгидой США, которые сами подобрали угодных им партнеров, а именно: пять стран Центральной Азии, Афганистан, Пакистан и Индию. Две крупнейшие державы евразийского пространства, Китай и Россия, Соединенными Штатами как партнеры в их проекте не присутствуют.

Китай в процессе строительства ЭПШП стремится исходить из новой формулы равноправного сотрудничества, руководствуясь такими принципами, как «меньше брать, больше давать», «общие интересы, общая судьба, общая ответственность» и пр. Это благоприятствует состыковке ЭПШП со стратегиями развития сопредельных стран — в частности, со стратегией поддерживаемого Россией Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС)⁷. То есть, подход Китая коренным образом отличается от ряда региональных

интеграционных проектов, что осуществляются под эгидой нынешнего мирового гегемона с целью экономического и политического доминирования в той или иной стране⁸.

Позиции в отношении России и Монголии

Как ЭПШП, так и Silk Road Initiative территориально ориентированы на сердцевицу Евразии — на тот самый регион, где Россия традиционно была метрополией, а ныне является страной-драйвером евразийской интеграции. Для создателей обоих проектов «нового Шелкового пути» эти два обстоятельства должны были бы послужить, как минимум, поводами для серьезных размышлений. Но позиции США и КНР в отношении России противоположны.

Китай и Россия ныне связаны узами всестороннего стратегического партнерства, о чем красноречиво высказался председатель КНР Си Цзиньпин при встрече с президентом России В.В. Путиным во время Зимних Олимпийских игр в Сочи: «Китай и Россия — хорошие соседи, хорошие партнеры, хорошие друзья»⁹.

Китай в полной мере осознает озабоченность России относительно ее исторических связей и современных интересов в Центральной Азии, уважает и признает ее особые интересы и статус в этом регионе¹⁰. Он приветствует участие России в проекте ЭПШП, совместное с ней участие в строительстве трансконтинентальной зоны со стабильной и процветающей экономикой. Это сулит обмен державам огромные выгоды не только в экономике, ведь формирование в их ближнем зарубежье пояса стратегической стабильности благоприятствует и Китаю, и России. Короче говоря, Китай предоставляет России обширное пространство сотрудничества в рамках Экономического пояса Шелкового пути.

Что же касается американской Silk Road Initiative, то ее главенствующей задачей изначально было сдерживание России. Идея транспортировки углеводородов в Индию через Афганистан в значительной мере обусловлена расчетами США предотвратить использование новых российских трубопроводов при экспорте среднеазиатскими странами их энергоресурсов, ограничить зависимость стран Центральной Азии от России, подорвать их связи с Россией. Судя по всему, американский истеблишмент, будучи не в состоянии порвать с логикой холодной войны, по-прежнему пользуется той методологией «сдерживания», что некогда нарабатывалась против СССР.

ЭПШП, в отличие от американской New Silk Road Initiative, привлек к своему проекту и Монголию, у которой, между прочим, налицо немало общего и с Китаем, и с Россией.

В этих трех странах можно увидеть сходные пейзажи, все три относятся к числу крупнейших материковых государств, обладают традиционными историческими, культурными, хозяйственными связями с явными признаками взаимодополняемости.

Важным звеном проекта ЭПШП становится Экономический коридор Китай — Монголия — Россия, включающий две основных ветви:

Первая ветвь: Уланчаб, Эрэн-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия) — Улан-Батор, Сухэ-Батор (Монголия) — Улан-Удэ (Россия) — Транссибирская магистраль — Европа.

Вторая ветвь: Северо-Восточный регион Китая (Далянь, Шэньян, Чанчунь, Харбин, Маньчжоули) — Восточная и Западная Сибирь, Урал, Европа.

Территория монгольских степей и горных краев послужит связующим звеном масштабного хозяйственного коридора трех стран в таких сферах, как инфраструктура, транспорт, трансрегиональное сотрудничество, энергетическое взаимодействие, гуманитарные связи и пр. При этом Монголия обретает выход к морю, освобождается от внутриконтинентальной закрытости. Согласно видению авторов данной статьи, перспективы

ЭПШП, как и его важной составной части — Экономического коридора Китай — Россия — Монголия, весьма многообещающи и вполне реализуемы.

Черты сходства китайского и американского проектов

Нельзя не признать, что наряду с серьезными различиями китайский и американский проекты «нового Шелкового пути» имеют и черты сходства.

Во-первых, реализация обоих проектов разворачивается, в основном, в одном и том же регионе — в Центральной Азии.

Во-вторых, формально совпадают и стратегические цели, преследуемые обоими проектами: улучшение ситуации с региональной безопасностью в Центральной Азии через развитие экономики и торговли (для США при этом приоритетом пользуется Афганистан).

В-третьих, под конкретным содержанием сотрудничества в обоих проектах подразумевается строительство инфраструктуры и энергетика. Как в хозяйственных программах ЭПШП, так и в New Silk Road Initiative, делается акцент на экспорт-импорт углеводородов, там и там по ходу совершенствования инфраструктуры огромное внимание уделяется приумножению сети автомобильных и железных дорог, развитию авиаперевозок.

В-четвертых, оба проекта реализуются под патронатом крупных держав (КНР — в ЭПШП, США — в New Silk Road Initiative). А поскольку к двум проектам «нового Шелкового пути» добавился ЕврАзЭС, где «первую скрипку» играет Россия, налицо активизация большой игры в «треугольнике» США — Китай — Россия. Серьезным «игроком» здесь становится также и Индия, склонная взаимодействовать и с New Silk Road Initiative, и с ЕврАзЭС.

В-пятых, перед обоими проектами стоит ряд факторов и неопределенностей, им препятствующих. Например, согласно ранее оглашенным обещаниям экс-президента США Обамы, американские войска должны были быть выведены из Афганистана еще в 2014 г., но обещанное претворяется в жизнь лишь частично и с отсрочками. Ввиду изменения ситуации в сфере радикального исламизма на Среднем и Ближнем Востоке (включая воинственность запрещенного в России движения ИГИЛ), недавние расчеты, планы и намерения претерпевают изменения. Из-за изменения геополитической обстановки на Ближнем Востоке и украинского кризиса реализация проекта ЭПШП также сталкивается с вызовами и угрозами¹¹.

*

*

*

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что китайский Экономический пояс Шелкового пути и американский New Silk Road Initiative существенно различаются вопреки сходству их наименований. Сопоставление структурных особенностей делает правомерным такой вывод: ЭПШП более привлекателен и для Китая, и для сопредельных стран. Соответственно, он более перспективен.

(Перевел с китайского А.С. Крушинский)

1. Речь идет о караванном маршруте из Китая в Индию, на Ближний Восток и в Европу, возникшем во II в. до н.э. Начинаясь в г. Сиане, он в Дуьхуане раздваивался: северная ветка шла через Турфан и Памир в Фергану; южная — мимо озера Лоб-Нор по южной окраине пустыни Такла-Макан и Памир вела в Индию и на Ближний Восток. (Термин «Великий Шелковый путь» для обозначения этого караванного пути был введен немецким географом Рихтгофеном в 1877 г. — Прим. ред.)

2. *Xi Jinhing. Chuangxin hezuo moshi gongtung jianshe sizhouzhi lu jingji dai* : [Си Цзиньпин. Обновляя модель сотрудничества: сообща проложим Экономический пояс великого Шелкового пути] // Веб-портал Жэньминь жибао. 09.07.2013. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0907/c1024-22840801.html>.
3. «Альтернативный вариант» возрождения «Шелкового пути» родился в США еще до того, как Си Цзиньпин стал председателем КНР, а Х. Клинтон — госсекретарем США. Так, еще в 2009 г. в статье главы Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса Ф. Стара была сформулирована задача превратить Афганистан в «круговую развязку на новом Шелковом пути... с шоссе и железными дорогами, ведущими на север, юг, восток и запад». — *Прим. ред.*
4. Его протяженность составляет, по некоторым расчетам, примерно 12 тыс. км.
5. Эту идею, предусматривающую прокладку не только сухопутных, но и морских маршрутов из портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского и Тихого океанов (как и через Северный Ледовитый океан до Европы). Си Цзиньпин презентовал в Индонезии осенью 2013 г. вслед за упомянутым выступлением в Университете Назарбаева. — *Прим. ред.*
6. Это, в целом, совпадает с усилиями России, предпринимавшимися как в дореволюционные, так и в советские времена. — *Прим. ред.*
7. Согласованные совместные формулировки относительно сотрудничества по проекту были зафиксированы в российско-китайском заявлении, принятом в мае 2014 г. по итогам визита В.В. Путина в КНР. «Россия считает важной инициативу Китая по формированию “Экономического пояса Шелкового пути” и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе ее разработки и реализации, — отмечено в документе. — Стороны продолжают поиск путей возможного сопряжения проекта “Экономического пояса Шелкового пути” и создаваемого Евразийского экономического союза». URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642). — *Прим. ред.*
8. *Ouya jingji*. 2014. № 4. P. 12.
9. Си Цзиньпин хуэйдянь Пудин цзунтун: [Си Цзиньпин встретился с президентом Путиным] // Синьхуа. 02.06.2014. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0206/c1024-24285729.htm>.
10. Доказанные запасы нефти в Центральной Азии близки к 27 млрд т (2-е место после запасов в Персидском заливе), запасы газа оцениваются в 5,5 трлн куб.м. На Казахстан приходится почти 25% мировых запасов урана, крупные месторождения которого есть также в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии. Благодаря распаду СССР Китай получил доступ к этим ресурсам (что является одной из первопричин его «экономического чуда»). — *Прим. ред.*
11. За ходом прокладки ЭПШП внимательно наблюдает научное сообщество РФ. Так, последние три номера ПДВ за 2016 г. содержали соответствующие предостережения: в статье главного научного сотрудника Тихоокеанского института географии Романова «Владивосток, Ляньюньган и евразийские трансконтинентальные экономические оси» обоснована политическая и экономическая целесообразность вовлечения в структуру ЭПШП Владивостокской агломерации и Транссиба; кандидат наук Е. Краннина в статье «Китай: ускорение строительства “экологической цивилизации”» (Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 102–111) пишет о правовых гарантиях того, чтобы производственные мощности, вывозимые Китаем в сопредельные страны вдоль «Шелкового пути», неукоснительно отвечали китайским же природоохранным нормам; а профессор Ю. Морозов в статье «Интеграционные проекты для Евразии: подходы Китая, России и США» (Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 32–41) пишет, в частности, о нездоровой конкуренции, значительно ущемляющей политические и коммерческие интересы России на финишной стадии «Шелкового пути», где литовские и латвийские порты перехватывают у портов РФ грузы, прибывающие от берегов Тихого океана. — *Прим. ред.*

Долговая проблема Японии: ретроспективный анализ факторов и тенденций

© 2017

В.Ю. Додонов

Рассмотрены процессы наращивания государственного долга Японии и факторы, оказывавшие влияние на них. Анализируются основные параметры системы государственных финансов Японии. Внимание акцентируется на японской специфике ключевых бюджетных и долговых индикаторов.

Ключевые слова: государственный долг Японии, бюджетная система Японии, дефицит бюджета, облигационная зависимость.

Государственный долг в настоящее время является, пожалуй, наиболее острой экономической проблемой Японии, острота которой постоянно нарастает. Относительный размер государственного долга (в процентах к ВВП) уже давно находится на предельных для развитых стран уровнях и значительно превышает аналогичный показатель даже у самых финансово неблагополучных стран ЕС, включая хронически проблемную Грецию. В XXI в. этот показатель устойчиво рос с отметки примерно 150% и к 2016 г. составил, по разным оценкам, от 230 до 250%¹. Среди стран «большой семерки» Япония является безусловным лидером по относительному размеру государственного долга (рис. 1).

На остроту проблемы гипертрофированного государственного долга Японии уже длительное время указывают многие эксперты, включая представителей академических кругов, финансовых аналитиков, экспертов международных организаций и пр. Международный валютный фонд (МВФ) в своих страновых отчетах по Японии регулярно фиксирует, что «государственный долг неустойчив при текущей политике»² и прогнозирует его рост к 2030 г. до уровней в 280–300% ВВП. Отмечая, что соотношение долга и ВВП превысило 100% еще в 1990-е годы, аналитики банка Societe Generale характеризуют Японию как «страну с самым большим долгом в мире, опережающую периферийные страны еврозоны»³. На угрозу срыва долговой проблемы в неуправляемый режим при текущих размерах долга обращают внимание многие специалисты. По мнению бывшего главного экономиста МВФ О. Бланшара, государственный долг Японии, который в 2016 г. достигнет 250% ВВП, под воздействием нулевых ставок может «сорваться вверх по неустойчивой траектории»⁴.

Гипертрофированный размер государственного долга является как следствием, так и причиной хронического бюджетного дефицита, что создает замкнутый круг взаимного влияния, порождающий рост этих двух параметров. Хроническая дефицитность бюджета, причем на больших уровнях, также существенно превышает показатели развитых стран (рис.2), обуславливает неуклонное увеличение размера государственного долга, за счет которого финансируется дефицит.

Додонов Вячеслав Юрьевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.
E-mail: dodonovv@mail.ru.

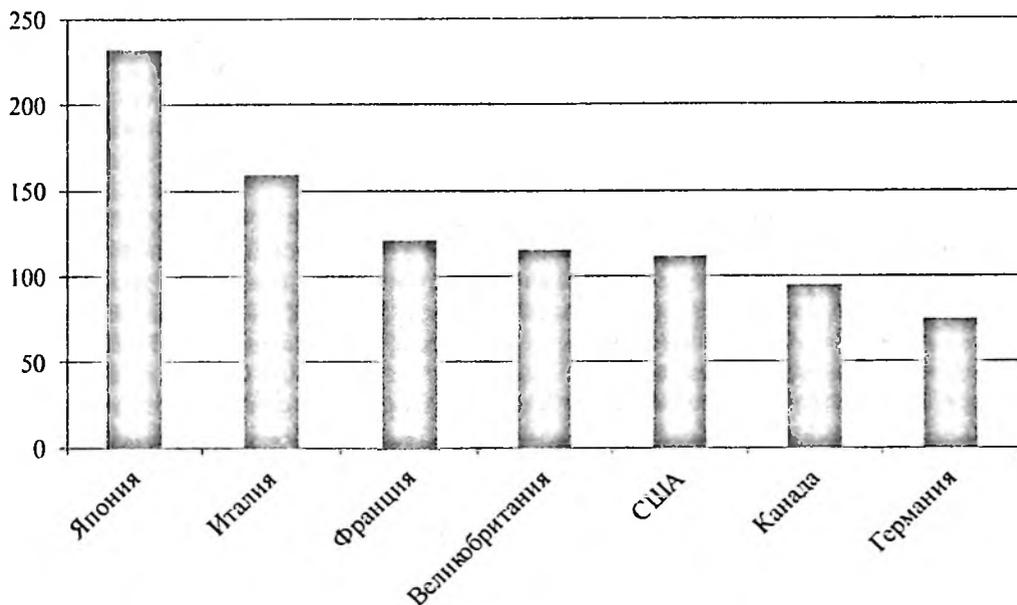

Рис. 1. Соотношение государственного долга и ВВП у стран G7 по итогам 2015 г.⁵

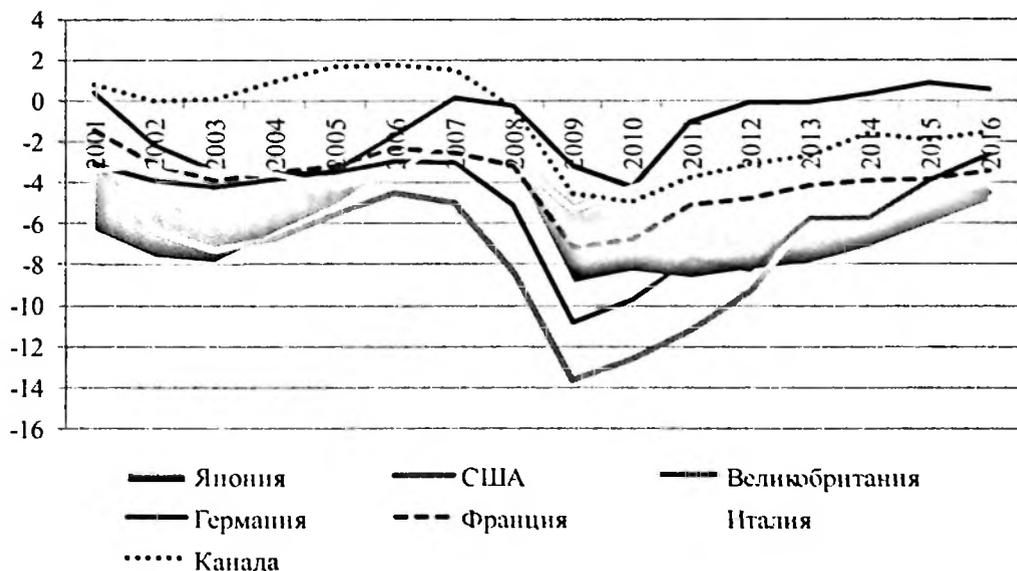

Рис. 2. Сравнительная динамика размеров бюджетного дефицита стран G7 в 2001–2016 гг.⁶

На протяжении большей части первых пятнадцати лет XXI в. дефицит бюджета Японии находился в интервале 6–8% ВВП, то есть на уровнях, которые для других развитых стран являлись экстремальными и стали следствием острейшего кризиса 2008–2009 гг. Очевидно, что чрезмерные величины как государственного долга, так и бюджетного дефицита явились результатом хронических и долговременных проблем в сфере государственных финансов. В числе основных причин, которые привели к росту дефицита

государственного бюджета и стали основным фактором наращивания государственного долга, обычно называют экономическую стагнацию и поступательное увеличение расходов на социальное обеспечение, вызванное старением населения. В частности, Т. Клитгард и Г. Уилер отмечают, что причиной увеличения бюджетного дефицита стало «драматическое замедление экономического роста, который упал с 4,5% в 80-е годы до 1,5% в 90-е»⁷. Министерство финансов Японии, комментируя рост эмиссии государственных облигаций, делает основной акцент на быстром увеличении расходов на социальные цели, «ставшем результатом старения японского общества»⁸.

На наш взгляд, эти два фактора не могут служить основной причиной наращивания государственного долга столь быстрыми темпами и до таких высоких уровней. Действие социально-демографических факторов заметно растянуто по времени и не влечет необходимости резкого увеличения эмиссии государственных облигаций. Иными словами, процесс старения населения носит плавный характер и несопоставим по своим темпам с приростом государственного долга Японии, который вырос почти в два раза в период 2000–2015 гг. Что же касается замедления экономического роста, то этот фактор проявился в японской экономике с начала 1990-х годов, тогда как в предыдущие три десятилетия темпы роста были высокими и опережали среднемировые. Но и в этих условиях Япония начала быстро наращивать свой государственный долг за счет скачкообразного увеличения эмиссии облигаций (рис. 3).

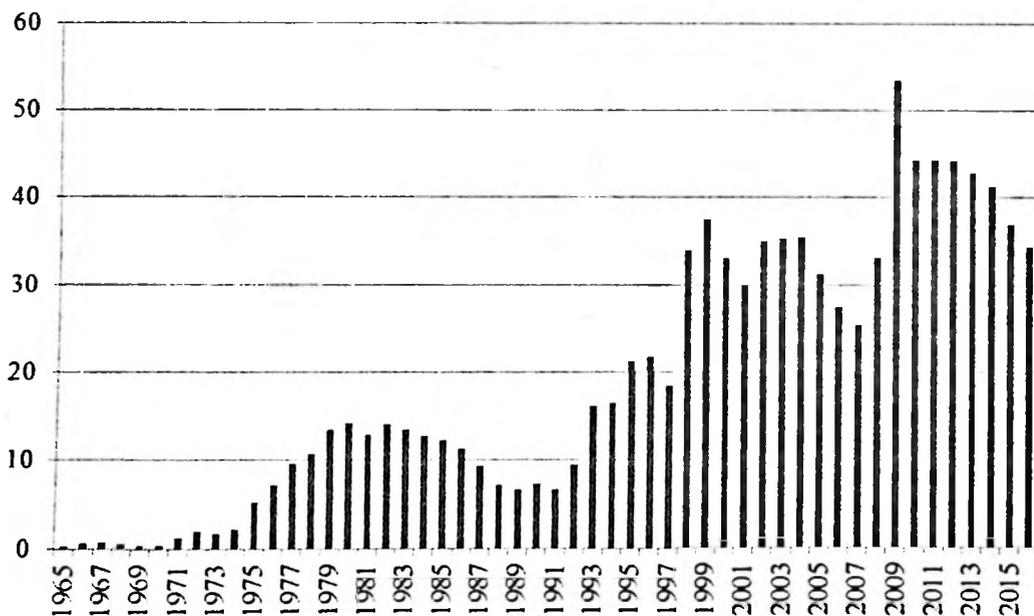

Рис. 3. Объем годового выпуска государственных облигаций Японии, трлн иен⁹.

1990-е годы, на которые пришлось экономическая стагнация и заметное старение населения, были не первым периодом резкого увеличения государственного долга: темпы его прироста в то время были медленнее, чем в 1970-е годы. С 1990 по 1999 г. объемы годового выпуска государственных облигаций увеличились в 5,4 раза (с 7 до 38 трлн иен), а с 2000 по 2009 г. — в 1,6 раза (с 33 до 53 трлн иен). При этом эмиссия в 2009 г. (год апогея кризиса) была все равно экстремальной даже по японским меркам; без учета этого года совокупный рост объемов выпуска государственных облигаций с 1990 по 2012 г., когда она составляла 44 трлн иен, увеличился в 6,3 раза.

Несмотря на то, что в контексте долговой проблемы Японии основное внимание уделяется именно периоду, начавшемуся в 1990-е годы, с так называемого потерянного десятилетия, рост эмиссии государственных облигаций в 1970-е годы был значительно интенсивнее. С 1970 по 1979 г. объем их выпуска увеличился почти в 40 раз (с 0,35 до 13,5 трлн иен); именно этот бурный рост долговой эмиссии, по сути, заложил основу для будущих проблем. В результате всплеска в Японии государственной эмиссионной активности уже к началу 1980-х годов соотношение госдолга и ВВП составляло более 50% и значительно превышало аналогичный показатель у других развитых стран. В США данный показатель тогда был менее 30%, в Великобритании — около 45%, Франции — примерно 20%. История чрезмерного долгового бремени государства в Японии насчитывает примерно четыре последних десятилетия. Проблема высокой государственной задолженности возникла еще в период интенсивного экономического роста. То есть до того, как остро встал вопрос старения населения и увеличения социальных расходов, которые резко выросли только в XXI в. (еще в 1995 г. по размеру бюджетных расходов на социальное обеспечение относительно ВВП Япония занимала 22-е место из 24 стран ОЭСР¹⁰).

Большинство современных исследований по экономике Японии обходят вниманием этот очень важный эпизод экономической истории страны — беспрецедентный взлет объемов государственных заимствований в 1970-е годы. 1970-е годы рассматриваются преимущественно в контексте становления экономического и технологического лидерства Японии, ее своеобразной модели государственного регулирования, корпоративного менеджмента и пр. Долговая же проблема Японии исследуется преимущественно на отрезке с 1990 г. и увязывается большинством экономистов с проблемными факторами финансовых рынков — крахом рынка недвижимости, банковским кризисом 1991 г. и, конечно, стагнацией экономического роста. Таким образом, из поля зрения выпадает ключевой, по нашему мнению, период 1970-х годов, обусловивший последующее скатывание государственной финансовой системы в углубляющийся долговой кризис, приобретающий к 2010-м годам беспрецедентно гигантские масштабы.

Рис. 4. Динамика параметров бюджета Японии, связанных с долговым фактором, %¹¹

Ключевая роль этого периода в формировании последующего замкнутого круга бюджетных и долговых проблемы Японии определяется не столько масштабами эмиссии государственных облигаций, которая в 1980-е годы существенно уменьшалась, сколько критическим влиянием этой практики на бюджетный процесс в плане резкого обременения его расходной части большими тратами на обслуживание государственного долга. Именно в 1970-е годы, после быстрого увеличения выпуска облигаций, эмиссия которых стала формировать более 20% доходов бюджета, начался стремительный рост бюджетных расходов на обслуживание выросшего долга (рис. 4). Последующее сокращение объемов эмиссии облигаций в 1980-х годах и даже уменьшение доли долгового финансирования в доходах бюджета уже не смогли изменить ситуацию, и долг, достигший высоких абсолютных уровней, с конца 1980-х годов требовал на обслуживание около 40% бюджетных расходов.

Таким образом, фундамент долговой проблемы Японии был заложен в 1970-е годы, тогда как в период 1990-х годов, «потерянного десятилетия»¹², проблема старения населения и увеличение расходов на социальное обеспечение только усугубили рост долга. Расходы на социальное обеспечение стали фактором бюджетной разбалансированности совсем недавно и в настоящее время (в 2016 фин. г.) занимают 33,1% в расходах бюджета (32 трлн иен), тогда как еще в 1990 г. по этой статье расходовалось всего 17,5% бюджета (11,6 трлн иен)¹³.

Другой основной причиной хронического бюджетного дефицита и, как следствие, растущего государственного долга часто называется стагнация налоговых поступлений, которая явилась результатом прекращения экономического роста. Действительно, налоговые поступления в японский бюджет в период «потерянных десятилетий» сокращались как в абсолютном, так и в относительном выражении на фоне неуклонного роста расходов (рис. 5).

Рис. 5. Сравнительная динамика бюджетных расходов, налоговых поступлений и доли налогов в доходах бюджета Японии в 1965–2016 гг.¹⁴

Пик налоговых поступлений пришелся на 1990 г. (60,1 трлн иен), после чего началось снижение этой части бюджетных доходов, которое продолжалось по 2009 г., когда они достигли минимального уровня в 39 трлн иен, соответствующего показателю 1985 г. Аналогичное снижение демонстрировал и удельный вес налогов в доходах бюджета, сократившийся с 84% в 1990 г. до 37,7% в 2009 г. После 2010 г. как абсолютный, так и относительный показатели налоговых поступлений в бюджет стали расти, особенно заметно — после 2013 года, что было вызвано прежде всего повышением ставки налога на потребление (аналог НДС) с 5 до 8% в 2014 г. Повышение этого налога обеспечило в 2014 г. увеличение поступлений на 5 трлн иен, однако даже это нововведение не вернуло объем собираемых налогов и их долю в бюджетных доходах к уровню 1990 г.

Фактор стагнации и заметного сокращения налоговых поступлений, безусловно, оказывал значительное влияние на увеличение дефицита бюджета и, как следствие, на рост государственных заимствований. Однако к тому времени, когда этот фактор стал серьезно влиять на бюджетный процесс, то есть к началу XXI в., проблема как хронического дефицита бюджета, так и несоразмерно большого государственного долга уже приняла серьезный характер. Соответственно, обслуживание огромного долга требовало очень больших бюджетных расходов, как в абсолютном, так и в относительном выражении. С 1990 по 2016 г. объем этих расходов увеличился почти вдвое — с 14 до 24 трлн иен¹⁵.

Роль снижения налоговых поступлений в увеличении госдолга и дефицита не следует переоценивать, учитывая историю бюджетного процесса в Японии до 1990 г. Доля налоговых поступлений в доходах бюджета была традиционно велика: с середины 1960-х годов¹⁶ и до начала 1990-х она составляла в среднем 73%. В отличие от периода «потерянных десятилетий», когда происходило сокращение налоговых сборов, за десять лет, с 1965 по 1974 г., объем налоговых поступлений вырос в пять раз. Но именно на этом фоне, как отмечалось выше, точнее, с середины 1970-х годов произошел резкий взлет объемов эмиссии государственных облигаций, и государственный долг стал быстро расти. То есть наращивание государственного долга началось в условиях высокой собираемости налогов и их доли в бюджетных поступлениях (около 80%). Таким образом, первый толчок к необратимому росту долга был дан отнюдь не проблемами со сбором налогов или экономической стагнацией.

Впервые к выпуску облигаций Япония прибегла в середине 1960-х годов, до этого все бюджеты были бездефицитными. В 1965 г. при исходно сбалансированном бюджете правительством был предложен дополнительный бюджет, требовавший выпуска облигаций для покрытия выпадающих доходов. В 1966 г. эмиссия облигаций была заложена уже в исходном варианте бюджета. «Можно сказать, что в середине 1960-х годов правительство отказалось от сбалансированной бюджетной политики и начало полагаться на облигации для финансирования расходов»¹⁷. Однако до определенного момента масштабы эмиссии долговых инструментов сдерживались законом (The Public Finance Law), по которому правительству разрешалось выпускать государственные облигации только для финансирования государственных проектов, преимущественно инфраструктурного характера. Эти облигации назывались «строительными» (construction bonds) и с 1966 по 1974 г. были единственным типом выпускавшихся государственных облигаций.

Законодательство было изменено под влиянием нефтяного кризиса 1973 г., оказавшего негативное влияние на Японию, которое проявилось, в том числе, и в сокращении налоговых поступлений. В результате законодательных поправок стала возможной эмиссия не только «строительных» облигаций, но и облигаций для финансирования бюджетного дефицита (special deficit-financing bonds) в 1975 фин. г. (поначалу поправки предусматривали возможность облигационного финансирования только для одного этого года). В дальнейшем правительству приходилось ежегодно, до 1989 г., проводить аналогичные законы для выпуска облигаций, закрывающих бюджетный дефицит.

Именно с 1975 г., когда законодательство позволило впервые осуществлять выпуск долговых инструментов для покрытия дефицита бюджета, и начался стремительный взлет сначала объемов выпуска этих ценных бумаг, а затем и самого размера государственного долга, достигшего к 1980 г. 50% ВВП. Впрочем, долгое время основной объем эмиссии приходился все же на «строительные» облигации, а не на облигации, финансирующие бюджетный дефицит. Последние стали преобладающим инструментом государственного фондирования только в 1999 г., тогда как с середины 1970-х до середины 1980-х годов объемы выпуска двух основных типов облигаций были примерно равны, а с конца 1980-х до конца 1990-х годов «дефицитные» облигации либо не выпускались вообще, либо составляли небольшую долю эмиссий.

В качестве причин быстрого роста эмиссии облигаций в 1970-х годах министерство финансов Японии указывает стагнирующие налоговые поступления, быстрый рост расходов на социальное обеспечение в рамках курса на достижение «высоких стандартов социального благосостояния», а также увеличение расходов на государственные проекты (public works), которые были призваны улучшить экономические условия¹⁸. На наш взгляд, ни одна из трех указанных причин не была достаточно веским основанием для столь резкого разбалансирования бюджетной политики. Экономический рост 1970-х был в Японии достаточно интенсивным, после кратковременного спада в 1974 г. последующий период также характеризовался высокими темпами (3,5–5,5%). Увеличение государственных расходов на инфраструктурные проекты ценой роста бюджетного дефицита до 4–6% ВВП сложно признать рациональным обоснованием. Повышение же качества социальных стандартов за счет долгового финансирования вообще не стыкуется ни с теорией, ни с практикой макроэкономики.

Безусловно, нефтяной кризис и вызванные им в 1973–1974 гг. трудности в мировой экономике вынуждали японское правительство проводить активную политику поддержки бизнеса, сильно пострадавшего от падения спроса, в том числе зарубежного. Серьезные проблемы испытала металлургия, одна из ключевых отраслей японской экономики того периода, негативные последствия кризиса проявились в повышении уровня безработицы, обострилась конкуренция на внешних рынках с новыми индустриальными странами Юго-Восточной Азии, снизилась ценовая конкурентоспособность японской продукции, которая ранее поддерживалась дешевизной рабочей силы. Очевидно, что без принятых мер государственной поддержки экономики, в том числе в части наращивания инфраструктурных проектов, финансирование которых обеспечивалось эмиссией «строительных» облигаций, темпы роста японского ВВП во второй половине 1970-х годов были бы ниже.

С другой стороны, цена этой поддержки в форме резкого разбалансирования всей системы государственных финансов представляется несоразмерной характеру проблем, что дает основания выдвигать и другие версии относительно стремления японского государства резко увеличить объемы государственного бюджета — от политических факторов до активной внешнеэкономической экспансии, активно осуществлявшейся в 1970-е годы. Тогда объем японского экспорта вырос пятикратно, а финансовый сектор страны стремительно развивал присутствие на внешних рынках: «с 1970 по 1978 г. количество зарубежных отделений японских банков возросло более чем в 2 раза — с 54 до 123, филиалов почти в 4 раза — с 6 до 23, а представительств почти в 6 раз — с 25 до 148. В результате к концу 1970-х годов Япония имела 293 банковских учреждения за границей, уступая лишь Англии и США»¹⁹. Эта экспансия в рамках патерналистской японской модели государственно-монополистического капитализма, в конечном итоге, требовала и затрат государства, часть которых финансировалась из долгового источника.

Размер расходной части государственного бюджета в период 1969–1979 гг. вырос в 5,5 раз — с 7 до 39 трлн иен, и весомый вклад в обеспечение этого роста внесли поступления от эмиссии облигаций, размер которых к 1979 г. вырос до 13,5 трлн иен, то есть составлял почти 35% бюджета. С 1976 г. японский бюджет стал хронически дефицит-

ным, за исключением четырехлетнего периода, с 1990 по 1993 г., когда облигации для финансирования дефицита не выпускались²⁰.

Рассматривая проблемы бюджетного дефицита Японии, необходимо сделать небольшое отступление и отметить, что определение дефицита и соответствующая статистика в этой стране имеют свою специфику. Дефицитом (вместо термина «deficit/surplus» используется «balance») называется не традиционная разница между доходами и расходами государственного бюджета, а более сложный показатель, имеющий двухуровневую градацию. Есть показатель «первичного дефицита» (primary balance), который представляет собой разницу между традиционными доходами (налоговые и неналоговые поступления), без учета облигационных поступлений (которые при этом входят в состав бюджетных поступлений в целом) и расходами за вычетом всех трат на обслуживание госдолга. И есть также показатель «фискального (или финансового) дефицита» (fiscal balance), который и представляет аналог показателя бюджетного дефицита в общеупотребительном значении — именно этот показатель Японии используется при международных сравнениях. Показатель фискального дефицита больше, чем первичный дефицит на величину выплат процентов по государственному долгу, но меньше, чем разница между общими расходами и общими доходами бюджета на величину погашения государственного долга. Фактически этот дефицит существенно меньше, чем реальный разрыв между расходами и доходами бюджета — в бюджете на 2016 фин. г., например, погашение долга измерялось 13,7 трлн иен, что составляло 14,2% бюджетных расходов²¹.

Такая практика учета бюджетного дефицита японским министерством финансов делает международные сопоставления бюджетных проблем Японии и других стран не вполне корректными, так как в традиционной практике все расходы на обслуживание госдолга входят в общий объем расходов. В японском же бюджетном процессе фактическая разница между расходами и доходами, которая покрывается выпуском облигаций, называется специальным термином «коэффициент облигационной зависимости» (bond dependency ratio), но это скорее техническое, служебное определение, и этот эвфемизм фактического дефицита используется преимущественно в информационно-аналитических целях. Значение данного коэффициента для бюджета на 2016 фин. г. составляет 35,6%, а его динамика была рассмотрена выше (рис. 4).

Разницу в подходах к формальному определению бюджетного дефицита можно проиллюстрировать сравнением основных параметров японского и американского бюджетов (табл. 1), где американский выступает в качестве примера традиционной практики как определения дефицита, так и его финансирования.

Таблица 1

Сравнительные параметры бюджетного процесса Японии и США в 2015 г.

	Япония	США
Доходы бюджета*	59479	3250
Расходы бюджета	96342	3688
Разница между доходами и расходами (фактический дефицит)	36863	438
Отношение разницы к доходам бюджета, %	38,3	11,9
Официальный дефицит бюджета	23600	438
Выпуск государственных облигаций	36863	337
Выпуск государственных облигаций/расходы бюджета, %	38,3	9,1

* Для Японии — без поступлений от эмиссии облигаций.

Источник: Ministry of Finance Japan website. URL: <http://www.mof.go.jp/english/budget/budget/fy2015/01.pdf>; Office of Management and Budget. The White House website. URL: https://www.whitehouse.gov/omb/budget/Analytical_Perspectives (дата обращения: 11.11.2016).

Фактический бюджетный дефицит Японии, то есть разница между доходами бюджета без облигационных поступлений и всеми расходами, включая обслуживание госдолга (которое делится на две основные части — выплату процентов и погашение долга) значительно выше того показателя, который приводится в соответствующей статистике (табл. 1). Кроме того, разрыв между доходами и расходами японского бюджета многократно выше аналогичных показателей США — 38% расходной части против 12%, что иллюстрирует степень остроты проблемы сбалансированности японского бюджета и глубину долговой зависимости бюджетного процесса страны.

К концу 1980-х годов бюджет на недолгое время вновь стал бездефицитным, во всяком случае, в тех терминах, которые используются в Японии. В 1987–1988 гг. эмиссия «дефицитных» облигаций резко уменьшилась, затем на несколько лет прекратилась и в 1994–1995 гг. оставалась на низких уровнях. Период с 1989 по 1991 г. стал относительно благополучным для японского бюджета, так как удалось сократить выросшие к середине 1980-х важнейшие параметры, связанные с государственным долгом, включая коэффициент облигационной зависимости. Однако катастрофический финансовый кризис, вызванный лопнувшими пузырями на фондовом рынке и рынке недвижимости, вновь актуализировал тему государственной поддержки экономики и финансирования этой поддержки за счет наращивания госдолга. К тому же в 1990-е годы ошутимо проявились новые депрессивные факторы — экономическая стагнация, старение населения и обусловленный этим рост стоимости социального обеспечения. Расходы на социальное обеспечение с 1990 по 2015 г. выросли с 47 до 117 трлн иен при том, что покрытие этих расходов инструментами социального страхования увеличилось гораздо меньше — с 39,5 до 63 трлн иен²².

Кроме того, в 1990-е годы постоянно уменьшался объем налоговых поступлений в бюджет. Это было вызвано не столько экономической стагнацией и сокращением прибылей предприятий, сколько снижением налоговой нагрузки на корпоративный сектор, которое осуществлялось несколько раз в рамках стимулирующих программ. Первое такое снижение налогов на общую сумму 6 трлн иен (1,3% ВВП) было проведено в 1994 фин. г. в рамках борьбы с последствиями разрушительного землетрясения в Кобе (Великое землетрясение Хансин-Авадзи). Затем налоговые сокращения осуществлялись в 1995 г. (на 5,5 трлн иен) и в 1996 г. — в аналогичных масштабах.

Помимо налоговых льгот в те годы принимались стимулирующие программы, что наряду с сокращением налоговой базы имело следствием быстрое увеличение объема годового выпуска облигаций и доли облигационного финансирования в бюджетных доходах, которая к 1997 г. достигла 28,8%²³.

Интенсивное наращивание государственного долга и рост облигационной зависимости бюджета актуализировали необходимость бюджетной консолидации, и в 1997 г. была предпринята попытка повысить доходную часть бюджета наряду с сокращением расходов. Практика предыдущих лет по сокращению налогов прекратилась, напротив, значительно возросла ставка налога на потребление — с 3 до 5%; объем выпуска облигаций существенно урезан, что уменьшило коэффициент облигационной зависимости до 21,6%. Однако процессу бюджетной консолидации помешал финансовый кризис в Юго-Восточной Азии и проблемы финансового сектора страны, в результате чего в 1998 г. вновь было применено налоговое сокращение, а объем выпуска облигаций и их доля в формировании бюджета выросли. Новые стимулирующие программы, реализованные в 1998–1999 гг., довели объемы годового выпуска облигаций до 31–34 трлн иен, а их долю в доходах бюджета до 38–40%²⁴.

За последние двадцать лет абсолютные размеры государственного долга центрального правительства выросли в 3,2 раза — с 334 трлн иен в 1996 г. до 1,05 квадриллиона иен в 2016 г.

На увеличение государственного долга в XXI в. оказали влияние факторы, аналогичные тем, которые обуславливали его рост в 1970-е и особенно в 1990-е годы. С кон-

ца 1990-х годов начался резкий рост расходов на социальное обеспечение: в 1999 г. они выросли на 7,5 трлн иен относительно уровня 1990 г., к 2009 г. на 17,2 трлн, к 2015 г. — на 20,7 трлн²⁵. Кроме того, был отмечен спад налоговых доходов бюджета, который особенно усилился на фоне глобального кризиса 2008–2009 гг.: в 2009 г. японский бюджет получил налогов на 15 трлн иен меньше, чем в 1990 г.²⁶

Были, правда, и отличия в политике противостояния глобальному кризису, которые отразились на сфере государственных финансов. Во время последнего кризиса не использовался инструмент увеличения работ по государственным проектам, напротив, по этой линии в 2010-е годы даже фиксировалось сокращение расходов. Однако этот фактор практически не повлиял на тенденцию уверенного роста государственного долга, размер которого в бюджете 2016 фин. г. оценивался в интервале от 1062 до 1225 трлн иен, что означает рост в 4,5 раза относительно уровня 1990 г.

Комментируя эти параметры, следует отметить, что учет государственного долга в Японии отличается своей спецификой и имеет три градации показателей только в части совокупного долга (включающего задолженность как центрального, так и местного уровней), в связи с чем могут возникать достаточно существенные различия в оценках его относительных параметров.

Первый показатель — «долгосрочный долг центрального и местных правительств» — включает «общий объем долгосрочного долга, погашение и выплаты процентов по которому в основном покрываются налоговыми поступлениями»²⁷, в нем учитываются облигации центрального правительства, меньшая часть займов и часть обязательств местного уровня, в 2016 фин. г. он предполагается на уровне 1062 трлн иен. Следующий показатель — «государственные облигации и займы» — имеет более широкий охват, представляя также «деятельность по привлечению капитала на рынках»²⁸, а его размер на 2016 фин. г. составляет 1191 трлн иен. Наконец, третий и основной показатель — «валовой долг правительства» — включает помимо обязательств центрального и местных правительств, обязательства по фондам социального обеспечения. Величина этого индикатора в бюджете 2016 г. составляет 1225 трлн иен, и он чаще употребляется в международных сопоставлениях, особенно при расчете относительного размера долга. В то же время в долговой статистике японского министерства финансов и в международных сопоставлениях чаще всего используется другой показатель, существенно меньший по размеру, «долг центрального правительства», в котором не учитываются местные долги. Практика изъятия местных долгов и гарантированного государством долга из подсчета наиболее употребительных долговых индикаторов не является специфически японской: аналогичный статистический прием используется, например, в США.

Несмотря на то, что в настоящее время государственный долг Японии имеет гигантский абсолютный объем, темпы его наращивания в последние несколько лет заметно сократились, прежде всего, за счет последовательно реализуемой политики бюджетной консолидации. Замедление темпов роста долга началось после 2012 г., то есть в период реализации так называемой *абэномики*. После того, как долг центрального правительства в 2013 г. преодолел рубеж в 1 квадриллион иен, прирост этого показателя стал заметно умереннее: с 2012 по 2015 г. он вырос всего на 5% (с 997 до 1044 млрд иен), тогда как в предыдущие четыре года, с 2009 по 2012 г., увеличение составило 14,5% (с 871 до 997 млрд иен²⁹).

В течение периода, следовавшего за глобальным кризисом 2008–2009 гг., также значительно сократилась доля эмиссии государственных облигаций в доходах бюджета Японии: с исторического максимума в 52,1%, достигнутого в 2009 г., этот показатель снизился до 35,6% в бюджете на 2016 фин. г. Таким образом, в последние несколько лет в сфере государственных финансов Японии наблюдается определенный прогресс, однако ситуация все же остается крайне напряженной, что в значительной мере обуславливает и общеэкономическую стагнацию.

Подводя итог рассмотрению тенденций наращивания государственного долга Японии, можно сделать следующие выводы:

– тенденции ключевых параметров государственных финансов Японии можно охарактеризовать как поступательную деградацию, вызванную высоким уровнем фактического дефицита бюджета и как следствие, быстрым ростом государственного долга;

– фундамент долговой проблемы был заложен в 1970-е годы экономической политикой кейнсианского типа с высокой ролью государства, в том числе государственного заказа и государственных работ и проектов, осуществляемых за счет бюджетных средств, что привело к быстрому росту расходов бюджета и скачкообразному увеличению эмиссии государственных облигаций;

– после активной эмиссии облигаций в 1970-е годы основными особенностями японской системы государственных финансов, сформировавшимися в конце 1970-х — начале 1980-х годов, стали, с одной стороны, чрезвычайно высокая зависимость бюджета от заемного финансирования, с другой — очень высокая доля расходов на обслуживание долга в бюджетных расходах;

– высокая зависимость бюджета от эмиссии долговых обязательств, наряду со стагнацией налоговых поступлений и их сокращением, привели к образованию замкнутого круга увеличения расходов на обслуживание госдолга и наращивания долга для их рефинансирования, что привело к формированию беспрецедентного для современной экономики относительного уровня государственного долга, а также зависимых от него бюджетных параметров как в части доходов, так и расходов;

– неприемлемо высокий уровень государственного долга и в целом ухудшение показателей системы государственных финансов обусловили курс на бюджетную консолидацию в 2010-х годах, реализация которого позволила в течение последних лет добиться определенного улучшения ситуации, остающейся тем не менее крайне напряженной и требующей новых мер по ее выправлению.

1. Расхождение в оценках данного параметра вызвано тем, что состав финансовых инструментов, которые могут быть отнесены к государственному долгу в Японии, весьма широк, и их включение в состав общего объема отличается у разных организаций, составляющих соответствующую статистику.
2. Japan. 2016 article IV consultation—press release, and staff report // IMF Country Report. No. 16/267. P. 48. August 2016. International Monetary Fund. Washington, D.C.
URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2016/cr16267.pdf>.
3. Rising Public Debt in Japan: How Far Is Too Far? // ECONOTE. Societe Generale Department of Economic Studies. No. 21. November 2013. P. 1.
URL: https://www.societegenerale.com/sites/default/files/documents/Econote/131121%20EcoNote_21_Japon_EN.pdf.
4. Olivier Blanchard eyes ugly 'end game' for Japan on debt spiral // The Telegraph. 11 April 2016.
URL: <http://www.telegraph.co.uk/business/2016/04/11/olivier-blanchard-eyes-ugly-end-game-for-japan-on-debt-spiral/> (дата обращения: 04.11.2016).
5. Japanese Public Finance Fact Sheet. 2016 // Ministry of Finance Japan website.
URL: <http://www.mof.go.jp/english/budget/budget/fy2016/03.pdf>.
6. Japanese Public Finance Fact Sheet. 2016...
7. Klitgaard T., Wheeler H. The Rapidly Changing Nature of Japan's Public Debt. Federal Reserve Bank of New York // Liberty Street Economics. 2016. June 22.
URL: <http://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2016/06/the-rapidly-changing-nature-of-japans-public-debt.html> (дата обращения: 04.11.2016).
8. Japanese Public Finance Fact Sheet. 2016...
9. Рассчитано по: Summary of Revenues and Expenditures in General Account // Statistics & Data (As of June, 2010). Ministry of Finance Japan website.

- URL: <http://www.mof.go.jp/english/budget/statistics/201006/index.html> (дата обращения: 26.10.2016).
10. Japanese Public Finance Fact Sheet...
  11. Рассчитано по: Summary of Revenues and Expenditures in General Account...
  12. *Hayashi F., Prescott E.* The 1990s in Japan: A Lost Decade. October 2001, revised and expanded August 2003. URL: http://hayashi.fc2web.com/Prescott1/Postscript_2003/hayashi-prescott.pdf.
  13. Japanese Public Finance Fact Sheet...
  14. Рассчитано по: Summary of Revenues and Expenditures in General Account...; Japanese Public Finance Fact Sheet. 2016...; Highlights of the Budget for FY2011. December 2010 // Ministry of Finance Japan website. URL: <http://www.mof.go.jp/english/budget/budget/fy2011/e20101224a.pdf>.
  15. Japanese Public Finance Fact Sheet. 2016...
  16. С момента появления соответствующей статистики, доступной на сайте Министерства финансов Японии.
  17. The Japanese Budget in Brief. 2001 // Ministry of Finance Japan website.
URL: <http://www.mof.go.jp/english/budget/budget/fy2001/brief/brief03.htm> (дата обращения: 09.11.2016).
  18. Ibid.
  19. Япония / Я.А. Певзнер [и др.]; отв. ред.: Я.А. Певзнер, Д.В. Петров, В.Б. Рамзес; Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. М.: Мысль. 1981.
  20. Financial Statistics of Japan 2006 // Ministry of Finance Japan website.
URL: http://www.mof.go.jp/english/pri/publication/financial_statistics_of_japan/2006.htm (дата обращения: 10.11.2016).
  21. Japanese Public Finance Fact Sheet. 2016...
  22. Ibid.
  23. The Japanese Budget in Brief. 2001...
  24. Ibid.
  25. Japanese Public Finance Fact Sheet. 2016...
  26. Ibid.
  27. Ibid.
  28. Ibid.
  29. National Government Debt // Public Finance. Statistics. Bank of Japan website.
URL: <http://www.boj.or.jp/en/statistics/public/ngd/index.htm/#p01> (дата обращения: 25.10.2016).

Российский Дальний Восток

Внешняя торговля Дальневосточного федерального округа в 2016 г.

© 2017

Д.В. Суслов

В статье рассмотрены основные тенденции развития внешней торговли Дальнего Востока России в 2016 г. Показана территориальная, товарная и страновая структура экспорта и импорта Дальневосточного региона.

Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, импорт, Дальний Восток России, регионы, товарная структура, Северо-Восточная Азия.

Негативные тенденции, наметившиеся во внешней торговле Дальневосточного федерального округа (ДФО) еще в 2014 г., определили ее динамику и в 2015–2016 гг. Падение цен на нефть, низкий курс рубля относительно доллара и евро, зарубежные санкции, рецессия в экономике страны привели к резкому спаду внешнеторговой активности в регионе. Вследствие небольшого срока влияния негативных факторов, сокращение внешнеторгового оборота ДФО в 2014 г. было незначительным (на 2,7%, до уровня в 39 млрд долл.). Однако в 2015 г. объем внешней торговли региона уменьшился уже на 33%, до 26,1 млрд долл., а в 2016 г. он сократился еще на 6,5% — до 24,4 млрд долл.¹ Показатели 2016 г. стали самыми низкими за последние семь лет (рис. 1).

Снижение объемов внешнеторгового оборота произошло за счет уменьшения объемов экспорта на 8,7% при росте импорта на 1,4%. Объем экспорта региона в 2016 г. уменьшился до 18,6 млрд долл. (2015 г. — 20,4 млрд долл.), объем импорта увеличился до 5,8 млрд долл. (с 5,7 млрд долл. в 2015 г.).

Изменение стоимостного объема экспорта в 2016 г. практически не отразилось на его структуре. Большую долю в экспорте региона традиционно составляла продукция сырьевых отраслей — топливно-энергетического (ТЭК), рыбохозяйственного и лесопромышленного комплексов (табл. 1).

Снижение мировых цен на продукцию ТЭК было главным фактором, определившим динамику экспорта региона в 2016 г., так как на эту продукцию приходится более половины дальневосточного экспорта. По топливно-энергетическим товарам было зафиксировано уменьшение стоимостного объема на 27,2% по сравнению с 2015 г. при увеличении экспорта их физического объема (табл. 2).

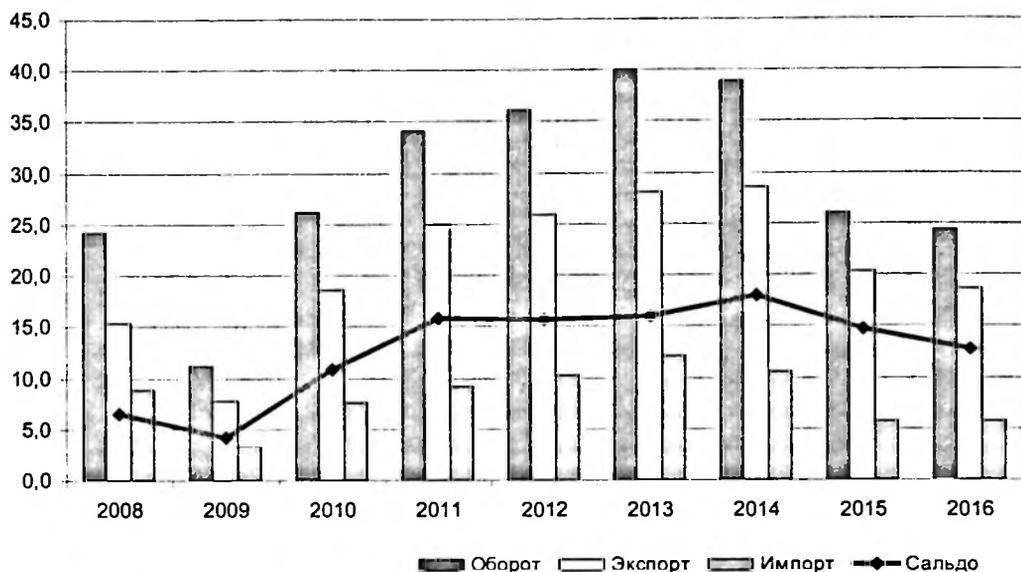
Рис. 1. Динамика внешней торговли ДФО в 2008–2016 гг., млрд долл.²

Таблица 1

Товарная структура экспорта ДФО по стоимости в 2015–2016 гг., %

Код ТН	Наименование группы	2015	2016
01–24	Продовольственные товары и с/х сырье (кроме текстильного)	12,4	14,2
25–27	Минеральные продукты	63,2	52,1
в т.ч. 27	Топливо-энергетические товары	61,5	49,1
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	0,2	0,2
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,0	0,0
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4,2	4,9
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,0	0,0
72–83	Металлы и изделия из них	1,7	1,6
84–90	Машины, оборудование и транспортные средства	2,6	5,1
68–71, 91–97	Прочие товары	15,7	21,9

Источник: составлено на основе данных таможенной статистики ДВТУ ФТС. URL: dvtu.customs.ru.

Уменьшение стоимости дальневосточного экспорта было напрямую связано как с ценовыми факторами, так и с уменьшением физических объемов вывоза продукции (например, нефтепродуктов) из-за сокращения внешнего спроса. Уменьшение стоимостных объемов экспорта в 2016 г. было характерно для таких товарных позиций, как кожевенное сырье, пушнина и изделия из них (на 41,8%); металлы и изделия из них (на 15,5%).

Увеличение стоимостных объемов наблюдалось в экспорте таких товарных позиций, как продовольственные товары и с/х сырье, кроме текстильного (на 4,3%); продукция химической промышленности (на 24,6%); древесина и целлюлозно-бумажные изделия (на 6,8%); текстиль, текстильные изделия и обувь (практически в два раза); машины, оборудование и транспортные средства (на 78,8%).

Таблица 2

Динамика и товарная структура экспорта ДФО продукции ТЭК в 2015–2016 гг.

Товарная позиция	2015			2016		
	кол-во	стоимость, млн долл.	%	кол-во	стоимость, млн долл.	%
Всего, в т.ч.:	—	12543,2	100,0	—	9135,9	100,0
уголь каменный, тыс. т	10232,9	660,9	5,3	11545,9	665,2	7,3
нефть сырая, тыс. т	12785,2	5786,4	46,1	14311,4	4718,8	51,7
нефтепродукты, тыс. т	4594,9	1254,8	10,0	2867,3	561,2	6,1
газ природный, сжиженный, куб. м	21332520,4	4539,2	36,2	24144769,6	2894,3	31,7
электроэнергия, 1000 квт. ч	3583800,0	187,2	1,5	3611146,7	175,5	1,9
прочие		114,7	0,9		120,9	1,3

Источник: составлено на основе данных таможенной статистики ДВТУ ФТС. URL: dvtu.customs.ru.

Рассмотрим более подробно экспорт древесины и изделий из нее. В 2016 г. из ДФО было вывезено 7,5 млн т древесины и изделий из нее стоимостью 923,9 млн долл. По сравнению с 2015 г. физический объем вывоза увеличился на 16%, стоимость возросла на 9%. Основными странами-импортерами традиционно стали Китай (81%), Япония (12,5%), Республика Корея (4%).

В 2016 г. 73% экспорта древесины и изделий из нее составили необработанные лесоматериалы (в 2015 г. — 75%). Необработанных лесоматериалов задекларировано 6,7 млн куб. м, стоимостью 520,0 млн долл. По сравнению с 2015 г. объем (в куб. м) увеличился на 13% (в 2015 — 6 млн куб. м), стоимость — на 7,4%. Экспорт необработанных лесоматериалов осуществляется в основном в Китай (более 97% от всего объема). В Японию экспортируется 2,4%, в Республику Корея — 0,3%.

Необработанных лесоматериалов ценных пород (дуб, ясень) в 2016 г. экспортировано 286,4 тыс. куб. м, стоимостью 56 млн долл. По сравнению с 2015 г. объем уменьшился на 1,1%, стоимость снизилась на 3%.

Экспорт обработанных лесоматериалов в 2016 г. составил 1,86 млн куб. м стоимостью 278,5 млн долл. По сравнению с 2015 г. объем увеличился на 12,5% (в 2015 г. — 1,66 млн куб. м), стоимость — на 5%. Обработанные лесоматериалы вывозятся в основном в Китай (88%), Республику Корея (7%) и Японию (3%). Вывоз обработанных лесоматериалов ценных пород (дуб, ясень) по объему, в сравнении с 2015 г., увеличился на 7% и составил 297 тыс. куб. м, по стоимости увеличился на 3% (84,7 млн долл.).

Объемы и структура импорта ДФО в 2016 г. формировались под влиянием таких негативных факторов, как девальвация рубля, снижение доходов населения и падение внутреннего спроса. Структура импорта в 2016 г. оставалась традиционной для региона: первую позицию заняла машинотехническая продукция, вторую — продовольственные товары, третью — металлы и изделия из них. Но доли продукции всех товарных позиций в дальневосточном импорте изменились незначительно (табл. 3).

В 2016 г. произошло умеренное уменьшение стоимостных объемов импорта практически по всем товарным позициям, кроме машин, оборудования и транспортных средств. Падение было отмечено по следующим товарным позициям: продовольственные товары и с/х сырье (на 0,2%); минеральные продукты (на 16,4%); продукция химической промышленности (на 13,4%); текстиль, текстильные изделия и обувь (на 15,7%); металлы и изделия из них (на 14,3%).

Таблица 3

Товарная структура импорта ДФО по стоимости в 2015–2016 гг., %

Код ТН	Наименование группы	2015	2016
01–24	Продовольственные товары и с/х сырье (кроме текстильного)	14,6	14,4
25–27	Минеральные продукты	1,7	1,4
в т.ч. 27	Топливоно-энергетические товары	1,3	1,3
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	11,0	9,4
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,8	0,3
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,6	1,4
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	4,6	3,9
72–83	Металлы и изделия из них	12,2	10,3
84–90	Машины, оборудование и транспортные средства	46,9	52,6
68–71, 91–97	Прочие товары	6,6	6,4

Источник: составлено на основе данных таможенной статистики ДВТУ ФТС.
URL: dvtu.customs.ru.

Сокращение импорта продукции машиностроения и промышленных товаров — общая тенденция российской экономики, сложившаяся еще в 2014 г. Поскольку продукция машиностроения традиционно является основной статьёй дальневосточного импорта, увеличение объемов импорта этой продукции (на 13,8%, до 3 млрд долл.) существенно повлияло на общие стоимостные показатели импорта ДФО, которые продемонстрировали небольшой рост — на 1,4%.

Территориальная структура внешней торговли региона в 2016 г. оставалась относительно стабильной. Сложившаяся дифференциация субъектов ДФО по степени вовлеченности во внешнеторговое сотрудничество обусловлена уровнем их экономического развития, структурой хозяйства, наличием эффективных природных ресурсов и географическим положением. Большую часть (92,6%) оборота внешней торговли федерального округа традиционно обеспечили Сахалинская область, Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края. Данные субъекты ДФО лидировали как по объемам экспорта (совокупная доля в экспорте ДФО составила в 2016 г. 92,3%), так и по объемам импорта (93,5%) (табл. 4).

Среди дальневосточных субъектов РФ в 2016 г. наибольший удельный вес во внешнеторговом обороте региона был у Сахалинской области. При этом ее доля в объеме внешней торговли региона уменьшилась на 4,7 проц. пункта, по сравнению с 2015 г., что произошло на фоне уменьшения стоимостного объема экспорта (на 22,3%) и роста импорта в 1,5 раза, не позволившего, однако, компенсировать общее падение товарооборота области.

Экспорт Сахалинской области в 2016 г. составил 77,7% от объемов 2015 г., но область сохраняет лидирующие позиции в формировании дальневосточного экспорта. Экспорт, как и прежде, практически полностью (86,4%) состоял из продукции ТЭК. При значительном уменьшении стоимости (на 25,8%) доля области в экспорте ДФО этой продукции составила 85,2% (2015 г. — 79,4%). Основными потребителями продукции ТЭК являлись Япония (48,8% от экспорта продукции ТЭК области), Республика Корея (40,4%) и КНР (7,4%). На фоне сокращения стоимости экспорта продукции ТЭК произошел умеренный рост объемов экспорта рыбопродукции (на 2,3%), доля которой в структуре экспорта области увеличилась до 6,9% (2015 г. — 5,2%). В основном рыбопродукция поставлялась в страны СВА — Республику Корея (43,5%), КНР (41,3%), Японию (11,8%).

Объемы импорта Сахалинской области в 2016 г. увеличились на 56,7%, и при этом значительно выросла доля области в общем импорте ДФО (до 29,5%). В структуре

импорта традиционно преобладала машинотехническая продукция (74,4%), металлы и изделия из них (15%), химические товары (3%).

Таблица 4

Территориальная структура внешней торговли ДФО, млн долл. / %

Территория	2015 г.			2016 г.		
	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт	оборот
ДФО, в т.ч.:	20390,6	5709,2	26099,8	18618,7	5788,4	24407,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Амурская область	397,9	167,8	565,7	340,2	165,5	505,6
	2,0	2,9	2,2	1,8	2,9	2,1
Еврейская автономная область	37,5	40,6	78,1	34,6	27,2	61,8
	0,2	0,7	0,3	0,2	0,5	0,3
Камчатский край	554,9	62,5	617,4	570,5	88,2	658,7
	2,7	1,1	2,4	3,1	1,5	2,7
Магаданская область	141,5	45,2	186,7	392,8	48,6	441,3
	0,7	0,8	0,7	2,1	0,8	1,8
Приморский край	2704,4	3591,5	6295,9	2177,0	3189,4	5366,4
	13,3	62,9	24,1	11,7	55,1	22,0
Республика Саха (Якутия)	3736,0	182,6	3918,6	4463,3	98,4	4561,7
	18,3	3,2	15,0	24,0	1,7	18,7
Сахалинская область	11583,8	1088,2	12672,0	8998,8	1704,9	10703,7
	56,8	19,1	48,6	48,3	29,5	43,9
Хабаровский край	1142,6	459,9	1602,5	1545,8	414,1	1959,9
	5,6	8,1	6,1	8,3	7,2	8,0
Чукотский автономный округ	92,1	70,9	163,0	95,8	52,2	148,0
	0,5	1,2	0,6	0,5	0,9	0,6

Источник: составлено на основе данных таможенной статистики ДВТУ ФТС.
URL: dvtu.customs.ru.

Внешнеторговый оборот Республики Саха (Якутия) в 2016 г. увеличился на 16,4%. При этом экспорт возрос на 19,5%, а объем импорта уменьшился почти в 2 раза (на 46,1%). Такие изменения обусловлены особенностями товарной структуры внешней торговли республики. Экспорт практически полностью (87,9%) состоял из драгоценных камней, которые вывозились в Бельгию (56,7%), Индию (19,4%), Израиль (11,8%), Гонконг (3,4%), ОАЭ (5,8%). Существенную роль (10,9%) в экспорте республики играет и каменный уголь. Основными потребителями данной продукции в 2016 г были: КНР (54,4%), Япония (19,7%), Республика Корея (17,0%).

Импорт Республики Саха (Якутия) традиционно практически полностью (77,2%) состоит из машинотехнической продукции.

Среди лидеров ДФО по внешней торговле находится и Приморский край, на территории которого традиционно концентрируются импортные потоки региона (55,1%). В 2016 г. доля Приморского края во ввозимой в ДФО по основным товарным группам продукции составила: 42,3% — машины, оборудование, транспортные средства (2015 г. — 53,5%); 86,6% — продовольственные товары (87,4%); 42,6% — металлы и изделия из них (43,8%); 72,3% — химические товары (71,7%); 73,5% — кожаное сырье, пушнина и изделия из них (79,6%); 78,2% — древесина и целлюлозно-бумажные изделия (81,5%).

Приморский край играет важную роль и в формировании экспорта региона. Товарная структура экспорта края более диверсифицирована по сравнению с Сахалинской

областью. Доля края в стоимости основной продукции дальневосточного экспорта в 2016 г. составила: в группе продовольственные товары и с/х сырье (кроме текстильного) — 38,5%; в продукции ТЭК — 5,4% (2015 г. — 9%); по древесине и целлюлозно-бумажным изделиям — 40% (41,1%); по статье машины, оборудование, транспортные средства — 4,3% (4%); по статье металлы и изделия из них — 54,4% (44%).

Особенность внешней торговли ДФО — ее ориентированность на страны Азиатско-Тихоокеанского региона и, в первую очередь страны Северо-Восточной Азии (КНР, Республику Корея и Японию). Доля этих стран во внешнеторговом обороте региона в 2016 г. составила 69% (2015 г. — 76,7%), в экспорте — 72,5% (80,1%), импорте — 57,8% (64,2%). Благодаря этому санкции и продуктовое эмбарго, связанные с украинским кризисом, не оказали сильного влияния на внешнюю торговлю ДФО в рассматриваемый период (табл. 5).

Таблица 5

Динамика торговли ДФО с отдельными странами и объединениями, %

	2014 г.			2015 г.			2016 г.		
	Экс-порт	Им-порт	Обо-рот	Экс-порт	Им-порт	Обо-рот	Экс-порт	Им-порт	Обо-рот
Все страны	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
СВА	82,3	73,3	79,6	80,9	72,6	78,7	72,5	57,8	69,0
КНР	19,4	46,8	27,7	19,0	45,0	26,0	20,7	39,4	25,1
Корея	30,1	12,1	24,7	32,0	10,6	26,2	26,2	11,0	22,6
Япония	32,6	14,4	27,1	29,7	16,9	26,3	25,7	7,3	21,3
АСЕАН	0,8	1,9	1,1	1,0	2,1	1,3	1,6	2,9	1,9
НАФТА	0,7	7,6	2,8	1,1	7,2	2,7	0,4	13,6	3,5
США	0,6	5,9	2,2	0,8	5,9	2,2	0,3	12,6	3,2
ЕС28	9,8	10,4	10,0	9,7	10,6	10,0	13,2	11,7	12,8
Страны СНГ	0,1	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	1,3	1,3	1,3
Прочие	6,3	6,3	6,3	7,2	7,4	7,2	10,9	12,8	11,5

Источник: составлено на основе данных таможенной статистики ДВТУ ФТС.
URL: dvtu.customs.ru.

В 2016 г. наблюдалось значительное уменьшение экспортных поставок: в Японию — на 26,7%, в Республику Корея — на 17,9%. Падение экспорта в КНР составило 0,8%. Лидирующую позицию в дальневосточном экспорте заняла Республика Корея (26,2%). Доля Японии — 25,7; КНР — 20,7%.

В 2016 г. на японский рынок было поставлено 43,5% от экспорта ДФО продукции ТЭК, на южнокорейский — 37,5%, на китайский — 13,8%. Распределение экспортных поставок рыбопродукции (код ТН 03 — рыба, ракообразные, моллюски и другие водные беспозвоночные) несколько отличалось: 43,2% данной продукции поставлялось в Республику Корея, 42,9% — в КНР. Доля Японии была не столь значительна (11,7%), но она занимала третью позицию в экспорте ДФО данной продукции. Экспорт древесины распределился между странами «большой тройки» следующим образом: КНР — 81,7%; Япония — 12,3%; Республика Корея — 4,5%.

В 2016 г. объемы импорта уменьшились: из Японии — на 40,8%, из КНР — на 8,8%. Импорт из Республики Корея увеличился на 43%. Уменьшение импортных поставок из Японии в большей степени было связано со снижением внутреннего спроса на соответствующую продукцию. Наряду со странами СВА заметный вклад в импорт ДФО вносят США. В 2016 г. стоимостной объем импорта из США составил 729,3 млн долл. (увеличение на 18,6%), за счет этого доля страны в дальневосточном импорте составила 12,6% (2015 г. — 10,8%). В структуре импорта из США преобладали машинотехническая

продукция (51,9%), изделия из черных металлов — трубы (16,8%), различная промышленная продукция (10,7%) и 6 вертолетов (6,6%).

Таким образом, в 2016 г. в ДФО наблюдался спад внешнеторговой активности, что в значительной степени обусловлено снижением цен на нефть и другие основные продукты экспорта, падением курса рубля. Поскольку особенностью ДФО является ориентированность на страны СВА, в перспективе формирование объемов и структуры внешней торговли региона будет зависеть от структуры и динамики внешнего спроса со стороны этих стран, улучшения общей конъюнктуры рынков, а также от экономической ситуации в основных отраслях, обеспечивающих экспортные поставки, от стабилизации и расширения спроса на импортируемую продукцию.

-
1. Суслов Д.В., Мазитова М.Г. Внешняя торговля Дальневосточного федерального округа // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 2. С. 48–56.
  2. Материалы официального сайта Дальневосточного таможенного управления ФТС РФ. URL: dvtu.customs.ru (дата обращения: 14.02.2017).

Геополитический «разворот» России на Восток и развитие собственных восточных территорий

© 2017

М.Т. Романов, И.М. Романова

Вопросы «разворота России на Восток» рассматриваются как попытки устранения значительных дисбалансов в ее экономическом сотрудничестве с Западом и Востоком и диверсификации российской внешней политики. Особое внимание уделено проблемам модернизации сложившихся территориально-хозяйственных структур и формированию новых структурных звеньев в недостаточно освоенных районах российского Дальнего Востока.

Ключевые слова: разворот России на Восток, пространственное развитие, территориально-хозяйственные структуры, хозяйственное освоение, заселение, диверсификация.

В последние годы, в связи с очередной «волной» геополитического давления Запада и некоторой активизацией России во внешнеэкономическом сотрудничестве со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), реализацией на своих дальневосточных землях ряда крупных национальных проектов появились отдельные научные публикации о «развороте» страны на Восток¹. Многими специалистами признается, что разворот России на Восток — это один из естественных способов ее реагирования на очередное ухудшение международных отношений с Западом. И в то же время — это не только реакция государства на экономические санкции и усиление НАТО вдоль российских границ, но, прежде всего, некоторая попытка устранения значительных дисбалансов в сотрудничестве России с Западом и Востоком. Именно в достижении баланса в отношениях России с Западом и Востоком, наряду, естественно, с наращиванием собственного геополитического потенциала, следует видеть укрепление позиций России в мире. Следует признать, что пока во внешнеторговых оборотах России с Евросоюзом (по данным таможенной статистики, — 417,5 млрд долл. в 2013 г. и 377,35 млрд долл. в 2014 г.) и Востоком, в лице сопредельных стран: Китая + Японии + Республики Корея (146,5 млрд долл.) сохраняется более чем двукратный дисбаланс².

О масштабности и долговременности намерений России совершить «разворот на Восток» свидетельствует, например, ее активное участие в реализации двух глобальных международных проектов — создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР) БРИКС, нацеленных, прежде всего, на стимули-

---

Романов Матвей Тихонович, доктор географических наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: romanov@tig.dvo.ru.

Романова Ирина Матвеевна, доктор экономических наук, заведующая кафедрой маркетинга, коммерции и логистики Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: rim.6767@mail.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14–18–03185 «Факторы, механизмы и типы структурной трансформации и модернизации территориальных социально-экономических систем Тихоокеанской России» (2014–2016 гг.).

рование экономического сотрудничества и финансовую поддержку крупных инфраструктурных проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. О серьезности намерений России совершить «разворот на Восток» можно судить и по тому, что в 2013 г. развитие регионов Сибири и Дальнего Востока Президентом РФ было объявлено «... национальным приоритетом на весь XXI век»³. Выступая на 2-м Восточном экономическом форуме во Владивостоке в 2016 г., он вновь подтвердил данное заявление: «Мы поставили перед собой в полном смысле амбициозную, огромную по масштабам, задачу: сделать Дальний Восток одним из центров социально-экономического развития нашей страны — мощным, динамичным и передовым. Как уже говорил, это — один из наших важнейших общенациональных приоритетов»⁴.

В связи с этим вице-премьер РФ, представитель Президента в ДВФО Ю.П. Трутнев, выступая в Давосе в январе 2016 г., отметил, что разворот России на Восток должен восприниматься и как разворот страны к своему Дальнему Востоку. Такой разворот наглядно подтверждается крупномасштабными национальными проектами, которые реализуются или уже реализованы здесь в последние годы: нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» (2006–2012 гг.), стройки саммита АТЭС—2012 («Русский» и «Золотой») вантовые мосты через пролив Босфор Восточный и залив Золотой Рог, корпуса ДВФУ в 2008–2012 гг.), газопровод «Сахалин — Хабаровск — Владивосток» (2009–2012 гг.), газопровод «Сила Сибири» (реализуется с 2014 г.), крупнейший в России Дальневосточный судостроительный комплекс в Большом Камне (реализуется с 2011 г.), космодром «Восточный» вблизи г. Свободного (реализуется с 2012 г.) и другие объекты, курируемые непосредственно Президентом РФ. Еще одним из таких крупномасштабных проектов, реализующихся на Дальнем Востоке, сегодня должно стать опережающее формирование Владивостокской агломерации как центра международного сотрудничества России в АТР и исходной «точки роста» транссибирской экономической оси.

Следует также отметить, что «разворот России на Восток» — это не изобретение сегодняшнего дня. Попытки укрепления собственной экономики за счет более активного внешнеэкономического сотрудничества со своими восточными соседями делались и в предыдущие периоды. Это неоднократно было отражено, например, в программных документах развития Дальнего Востока и отдельных его регионов. Более того, становление Российского государства издавна (с середины XVI в.) было связано с его географическим «разворотом на восток» и пространственным развитием в восточном направлении. В предыдущие века пространственное развитие Российского государства понималось в большей мере как хозяйственное и селитебное освоение новых территорий. Сначала это было хозяйственное и селитебное освоение Урала и примыкающей к нему части Западной Сибири (вхождение в состав России и основание первых городских поселений — с 1533 по 1598 г.), затем остальной части Сибири и некоторых северных территорий Дальнего Востока (с 1598 по 1698 г.). Вхождение Камчатки и Чукотки в состав России произошло в 1698–1740 гг. «Волна» пространственного развития России в первой половине XVIII в. докатилась и до северо-запада Американского континента, однако в 1867 г., в связи с продажей Аляски, вернулась в свои современные евразийские границы. Селитебное и хозяйственное освоение юга русского Дальнего Востока происходило уже в 1792–1867 гг., по мере разграничения здесь земель между Россией и Китаем.

Сегодня Россия вновь стоит перед необходимостью укрепления собственной экономики за счет совершения очередного рывка в своем пространственном развитии на Восток и, как особенностью данного этапа, — активного внешнеэкономического сотрудничества со своими восточными соседями. В связи с этим возникает закономерный вопрос: в какой мере разворот России к своим восточным регионам, к их пространственному развитию и сотрудничеству с Востоком происходит сегодня, и соответствуют ли достигнутые в этой области результаты намерениям государства и масштабам проблем? Реальность разворота России на Восток можно оценивать, например, по таким наглядным статистическим пока-

зателям, как динамика объемов инвестиций и объемов строительства в дальневосточный макрорегион в последние годы в сравнении с другими территориями страны.

Отражающая реальное положение дел статистика показывает, что при сопоставлении абсолютных объемов инвестиций в Дальний Восток и другие федеральные округа разворот государства к своим восточным регионам в 2014 г. был еще не столь очевиден⁵, даже при реализации упомянутых выше крупномасштабных проектов. По абсолютным объемам инвестиций, по объемам строительства Дальний Восток в 2014 г. опережали все федеральные округа РФ, за исключением Северо-Кавказского и Крымского. Опережали Дальневосточный ФО даже отдельные субъекты — Москва, Санкт-Петербург и Тюменская область (в 1,3–2,3 раза), а ряд других субъектов (Краснодарский край и Татарстан) имели объемы строительства на его уровне⁶.

И лишь при рассмотрении этих показателей в динамике разворот страны к своему Дальневосточному макрорегиону становится более очевидным. За 2005–2014 гг. объемы инвестиций и объемы строительства на Дальнем Востоке заметно увеличились даже на фоне столичных регионов (рис. 1 и 2). Это позволяет утверждать, что разворот на Восток все-таки реальный, а не мнимый.

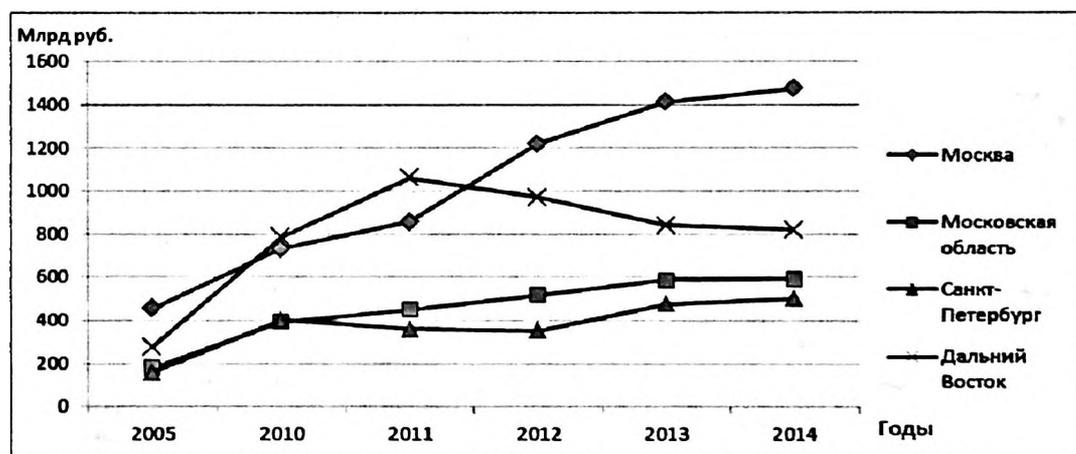

Рис. 1. Динамика объемов инвестиций в отдельные регионы России

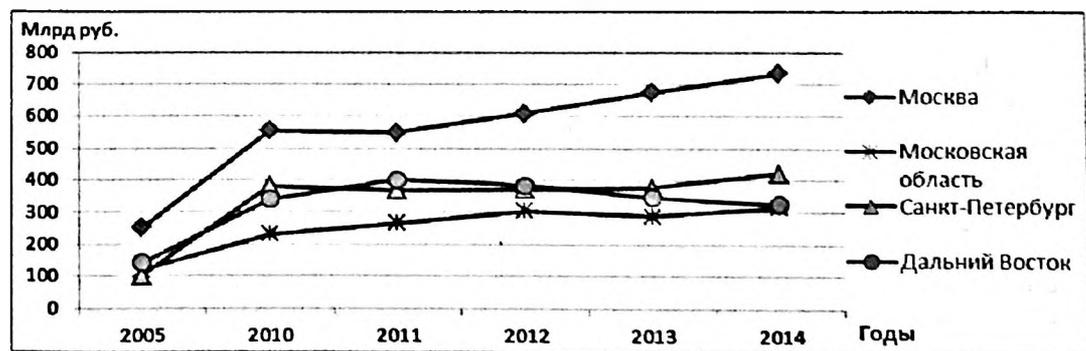

Рис. 2. Динамика объемов строительства в отдельных регионах России⁸

О реальности «разворота» России к своему Дальнему Востоку свидетельствуют и создаваемые здесь территории опережающего развития (ТОРы), и объемы инвестиций в них. Всего к настоящему времени создано или создается 13 территорий опережающего развития, в них заявлено к реализации более 140 инвестиционных проектов, десяти проектам оказывается инфраструктурная поддержка со стороны государства, семи проектам

выделил финансирование Фонд развития Дальнего Востока. На сегодняшний день общий объем привлеченных инвестиций в регионы Дальнего Востока составил 1 трлн 30 млрд рублей, из них 950 млрд — частные инвестиции и 80 млрд — государственные вложения. ТОР на Дальнем Востоке — это десятки тысяч га земли, которые предлагаются потенциальным резидентам. Инвесторы, ставшие резидентами, получают в ТОР не только необходимую инфраструктуру, но и налоговые льготы, упрощенные условия ведения бизнеса и специальные механизмы защиты их прав.

Еще более очевиден разворот России на Восток на международном уровне. 2000-е годы стали для России периодом оптимизации ее мирохозяйственных отношений и быстрого наращивания объемов внешнеэкономических связей со странами АТР, прежде всего, с сопредельными — Китаем, Японией, Республикой Корея. Так, за 2003–2014 гг. внешнеторговый оборот России с Китаем возрос в 6 раз и достиг уровня в 95,3 млрд долл., с Японией — в 5,7 раза (30,8 млрд долл.), с Республикой Корея — в 8,3 раза (27,3 млрд долл.)⁹

Товарооборот России с Евросоюзом возрос за этот период менее чем в 3 раза, хотя абсолютные его объемы уже достаточно значительны — 284 млрд евро в 2014 г. (рис. 3). Эта очевидная тенденция на укрепление связей России со странами АТР во многом и стала основанием говорить о «развороте» России на Восток.

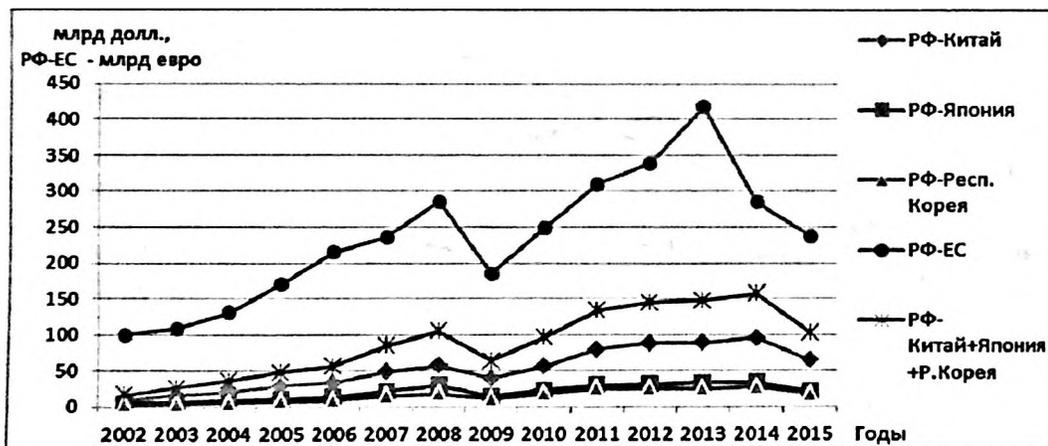

Рис. 3. Динамика внешнеторгового оборота России с «Западом» и «Востоком»¹⁰

В связи с такой тенденцией в развитии мирохозяйственных отношений российский Дальний Восток в 2003–2014 гг. развивал свои внешнеэкономические связи более быстрыми темпами (увеличение внешнеторгового оборота в 2,7 раза), чем страна в целом (в 2,3 раза) (рис. 4).

Имея в целом позитивные показатели, фиксирующие наметившийся разворот России к странам АТР и одновременно к своему Дальнему Востоку, следует отметить, что эти ее земли — огромная территория (6,2 млн кв. км, что более 1/3 площади страны) со столь же огромными природно-ресурсными возможностями и выгодами экономико-географического положения относительно динамично развивающегося Востока. В то же время достигнутые результаты в этом направлении — как в подъеме экономики собственного дальневосточного макрорегиона, так и в масштабах внешнеэкономического сотрудничества с Востоком, — в свете складывающейся вокруг России геополитической ситуации представляются явно недостаточными.

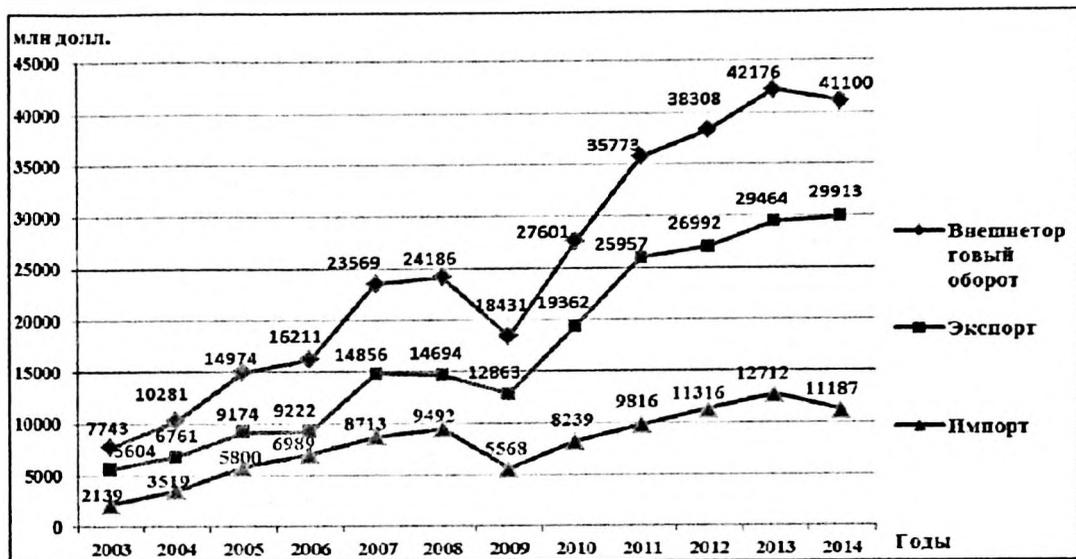

Рис. 4. Динамика внешнеэкономического оборота регионов Дальнего Востока и Забайкалья в 2003–2014 гг., млн долл.¹¹

Поэтому, учитывая совокупность факторов глобального характера, в т.ч. и нарастание геополитической напряженности, и имеющиеся масштабные ресурсные и иные возможности, России на данном этапе следует совершить еще более масштабный разворот на Восток в целях достижения баланса во внешнеэкономическом сотрудничестве с Западом и Востоком и совершения рывка в пространственном развитии собственных восточных территорий.

Для России диверсификация ее внешней политики, исторически больше ориентированной на Запад, и усиление сотрудничества со странами АТР, прежде всего с сопредельными, в экономической, научно-технической и политической сферах сегодня представляются крайне важными. В этих целях необходимы незамедлительные меры по снятию сохраняющихся геополитических проблем в этом регионе мира, как это было, например, сделано здесь при демаркации границ России и Китая. Для России сегодня это исключительно важно с позиций решения накопившихся экономических и научно-технических проблем и обеспечения национальной безопасности.

Во-первых, сопредельные Китай, Япония и Республика Корея — это экономически мощные и динамично развивающиеся страны со значительными научно-техническими и военными потенциалами; во-вторых, в данном регионе мира уже долгие годы сохраняются сложные геополитические проблемы, препятствующие укреплению связей взаимодействующих экономик. О мощи сопредельных стран Востока свидетельствует, например, то, что Китай сегодня — 1-я держава мира по экономическому потенциалу (при оценке ВВП по ППС) и вторая — по геополитическому¹², Япония — 4-я (после Китая, США и Индии) экономическая держава мира, Республика Корея — 13-я¹³. Кроме того, в Японии и Республике Корея, обладающих значительными собственными военными потенциалами, на основе двусторонних договоренностей размещены военные базы США, что вносит дополнительную напряженность в этот регион.

Наиболее сложными здесь для России остаются проблемы геополитических отношений с Японией, с которой до сих пор не заключен мирный договор после окончания Второй мировой войны. В условиях все нарастающего прессинга со стороны НАТО России никак нельзя иметь «за спиной» такие масштабные нерешенные проблемы, тем более, что сегодня у Японии есть взаимный, хотя, возможно, и недолговременный, интерес к их решению. Поэтому следует оперативно найти взаимоприемлемую форму решения этой за-

старелой проблемы, возможно, начиная с реализации масштабной программы взаимовыгодного экономического сотрудничества, предложенной главой правительства Японии Синдзо Абэ на 2-м Восточном экономическом форуме во Владивостоке в 2016 г.¹⁴

Не менее сложная геополитическая проблема в этом регионе мира, препятствующая развитию взаимовыгодных экономических связей России (в данном случае, с обеими корейскими республиками) и реализации масштабных трансграничных проектов (например, модернизации транскорейской железной дороги и восстановлению движения по ней, организации грузопотоков из Республики Корея в Россию и Европу и обратно по Транссибу, строительству нефте- и газопроводов из России на юг корейского полуострова и т.д.) — это сохраняющаяся уже более 60 лет напряженность на корейском полуострове после военного конфликта в 1950–1953 гг. Разрешение данной проблемы, возможно, на основе объединения корейских республик и ликвидации здесь военных баз США, могло бы стать важным фактором безопасности и активного взаимовыгодного сотрудничества для всех стран этого региона мира, в т.ч. и России.

Сотрудничество России с Японией и Республикой Корея, особенно в подъеме Дальнего Востока, с учетом их структурной, ресурсной, научно-технической, финансовой взаимодополняемости, более чем важно. Помимо решения проблем эффективности взаимосвязанного развития, здесь имеет немаловажное значение и сбалансированность отношений России со странами этого макрорегиона: с Китаем (с которым у России уже сложилось масштабное сотрудничество) и другими, где успехи не так значительны, в т.ч. и в силу сохраняющихся проблем.

Намерения Японии и Республики Корея активизировать сотрудничество с Россией, изложенные на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в 2016 г.¹⁵, для российской стороны представляют несомненный интерес. Так, японская программа сотрудничества предусматривает поддержку российских шагов по промышленному развитию Дальнего Востока, оказание содействия в создании экспортных производств, нацеленных на азиатско-тихоокеанский рынок, модернизацию морских портов и аэропортов, финансирование работ по увеличению добычи нефти и газа на шельфе Сахалина, значительное расширение сотрудничества в сфере медицины, сельского хозяйства, городской инфраструктуры. Отдельные намерения по российско-японскому сотрудничеству уже доведены до уровня принятия соглашений.

Заинтересованность сопредельных стран Востока в активизации сотрудничества с Россией в сегодняшних условиях крайне важна и требует оперативных встречных шагов. Для России это выгодно с позиций повышения эффективности ее экономики, опережающего развития собственных дальневосточных территорий, укрепления национальной безопасности. Для совершения страной очередного рывка в пространственном развитии дальневосточных земель сегодня складываются сравнительно благоприятные по отдельным важным признакам геополитические условия — как в плане заинтересованности в этом сопредельных стран, так и наличия здесь необходимых инфраструктурных условий (нефте- и газопроводов, свободных портов и др.).

В целом же весьма перспективный и стратегически важный Дальний Восток (или Тихоокеанская Россия) все еще остается слабоосвоенным регионом¹⁶. Его доля в РФ по численности населения на конец 2014 г. составила лишь 4,6%, а в производстве ВВП — 5,5%¹⁷, что никак не свидетельствует о пространственной сбалансированности страны и ее реальном развороте к своему Дальнему Востоку. Об уровне пространственного развития восточных территорий можно судить, например, по месту, занимаемому ими в РФ по основным социально-экономическим показателям¹⁸. Так, по валовому региональному продукту (ВРП) в 2014 г. Сахалинская область занимала в стране 18-е место, Республика Саха — 25-е, Приморский край — 26-е, в то же время Магаданская область — лишь 75-е место, ЧАО — 78-е, а Еврейская автономная область — 82-е из 85 (табл. 1).

Таблица 1

Места, занимаемые Дальневосточными субъектами в РФ по основным социально-экономическим показателям

Дальневосточные субъекты РФ	Место, занимаемое субъектом в РФ по объему ВРП*	Место, занимаемое субъектом в РФ по численности населения**
1. Сахалинская область	18 (793,5)	73 (487,3)
2. Республика Саха (Якутия)	25 (660,2)	56 (959,7)
3. Приморский край	26 (643,5)	25 (1929,0)
4. Хабаровский край	30 (549,3)	36 (1334,6)
5. Амурская область	55 (235,4)	62 (805,7)
6. Камчатский край	69 (145,4)	78 (316,1)
7. Магаданская область	75 (97,0)	83 (146,3)
8. Чукотский авт. округ	78 (56,6)	84 (50,2)
9. Еврейская авт. область	82 (41,7)	82 (166,1)

* В скобках указан объем ВРП, произведенный субъектом в 2014 г., млрд руб.

** В скобках указана численность населения, проживавшего на территории субъекта, по данным на 1 янв. 2016 г., тыс. человек.

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2015; Численность населения регионов России. 2016. URL: www.statdata.ru.

Хозяйственный потенциал ряда дальневосточных субъектов — Сахалинской области, Республики Саха, Приморского и Хабаровского краев достаточно высок — в первой «тридцатке» субъектов РФ по ВРП (из 85). Впереди Сахалинской области и Приморского края, например, по стоимости ВРП лишь «столичные» города-области и нефтегазодобывающие, «староиндустриальные» регионы, такие, как Тюменская, Свердловская, Челябинская, Нижегородская, Новосибирская области. Большинство же областей Центральной России, Поволжья и, тем более, республик Северного Кавказа значительно уступают по показателю ВРП этим Дальневосточным субъектам. В то же время Магаданская область и Чукотский АО находятся в конце ранжированного ряда субъектов РФ, наряду с Северо-Кавказскими республиками.

По численности населения Дальневосточные субъекты занимают, как правило, еще более низкие позиции среди субъектов РФ (табл. 1). С учетом этих особенностей территорий и следует формировать подходы к их дальнейшему пространственному развитию.

В целях дальнейшего пространственного развития Дальнего Востока нами была выполнена балльная оценка современного уровня освоенности и заселенности его территорий. Балльный метод был использован в связи с необходимостью оперирования различными показателями, хотя в оценке каждого из них лежат строгие количественные меры. Для корректности оценки учитывался широкий ряд показателей, в совокупности дающих достаточно целостную и адекватную картину развития этого макрорегиона (табл. 2). При разработке подхода к оценке исходили из того, что уровень освоенности и заселенности рассматриваемой территории правомерно оценивать лишь на фоне всех других регионов страны. Для получения интегральной балльной оценки уровней освоенности/заселенности был применен следующий алгоритм:

1) определялся перечень основных показателей, в совокупности дающих достаточно целостную картину уровня освоенности территории. В качестве таковых нами определены: плотность населения, плотность всей совокупности населенных пунктов, плотность городов, стоимость валового регионального продукта в расчете на единицу

площади, стоимость фондов в экономике в расчете на единицу площади, сельскохозяйственная освоенность территории, плотность дорог (железных и автомобильных);

2) оценивались количественные значения принятых в качестве основных (определяющих) показателей;

3) наибольшему значению каждого такого показателя по регионам (или более дробным территориально-хозяйственным единицам в зависимости от решаемых задач) присваивался самый высокий балл, в данном случае – по пятибалльной равномерной шкале. Равномерная шкала корректировалась таким образом, чтобы среднестатистическое значение каждого показателя по РФ находилось в пределах среднего балла (в данном случае приближалось к 3);

4) проводилась балльная оценка частных показателей уровней освоенности и заселенности регионов, для чего их абсолютные значения укладывались в пятибалльную шкалу;

5) для получения интегрального показателя уровня освоенности/заселенности макрорегионов (или более дробных единиц) определялось в баллах среднестатистическое значение по всей совокупности учитываемых показателей (табл. 2).

Таблица 2

Балльная оценка хозяйственной освоенности и заселенности федеральных округов России по основным и среднестатистическому показателям

Федеральный округ	Плотность населения	Плотность населенных пунктов	Плотность городов	Плотность ВРП	Плотность ОПФ	Сельскохозяйственная освоенность	Плотность дорог (ж/д и авто)	Среднестатистическое значение
Центральный	5	5	5	5	5	4	5	4.9
Сев.-Западный	3	3	3	3	2	2	3	2.7
Южный	4	3	4	3	4	5	4	3.9
Приволжский	4	4	4	3	4	4	4	3.9
Уральский	2	2	3	3	3	2	2	2.4
Сибирский	2	1	1	2	2	2	2	1.7
Дальневосточный	1	1	1	1	1	1	1	1.0
в т.ч. южный суб-регион ДВ	2	1	2	2	2	2	2	1.9

Источники: Расчеты авторов.

Затемненным фоном в табл. 2 отмечены округа, имеющие по результатам нашей оценки среднестатистические значения уровней освоенности/заселенности ниже 3 баллов, т. е. ниже среднего значения по РФ. Эти территории правомерно рассматривать как слабоосвоенные. Дальневосточный федеральный округ в числе таких территорий. Однако здесь, даже в сравнении с другими слабоосвоенными регионами России, уровень освоенности-заселенности значительно ниже — в 1,7 раза, чем в Сибирском федеральном округе, в 2,4 раза, чем в Уральском и в 2,7 раза, чем в Северо-Западном.

С применением такого же подхода нами оценивалась хозяйственная освоенность и заселенность субъектов Тихоокеанской России (табл. 3).

Таблица 3

**Балльная оценка хозяйственной освоенности и заселенности регионов
Тихоокеанской России**

Регионы (края, области, республика, авт. округ)	Плотность населения	Плотность населенных пунктов	Плотность городов	Плотность ВРП	Плотность ОПФ	С/х освоен- ность	Плотность дорог (ж/д и авто)	Среднеста- тистическое значение
Приморский	4	2	4	3	5	3	4.5	3.75
Сахалинская	3	2	5	5	5	2	3.0	3.50
Еврейская АО	3	2	3	2	4	4	4.0	3.25
Амурская	2	2	1	2	3	2	3.0	2.25
Хабаровский	2	1	1	2	2	1	1.5	1.5
Якутия	1	1	1	1	1	1	1.0	1.0
Магаданская	1	1	1	1	1	0	1*	1.0
Камчатский	1	1	1	1	1	1	1*	1.0
Чукотский АО	1	1	1	1	1	1	1*	1.0
Среднее значе- ние по ДВР	1	1	1	1	1	1	1.5	1.1

* Оценена только плотность автодорог (железные дороги в этих регионах отсутствуют).

Источники: Расчеты авторов.

Как видно из табл. 3, наиболее высокий уровень селитебной и хозяйственной освоенности имеют южные регионы Тихоокеанской России: Приморский край, Сахалинская и Еврейская автономная области. В них уровень селитебно-хозяйственной освоенности составляет 3,75–3,25 баллов, что даже несколько выше среднероссийского значения. Поэтому в них пространственное развитие в дальнейшем должно осуществляться, как и в староосвоенных регионах европейской части страны, по гетерогенному индустриальному или постиндустриальному типу.

В Амурской области и Хабаровском крае (в табл. 3 выделены слабозатемненным фоном), также являющихся субъектами южного субрегиона Дальнего Востока, уровень освоенности/заселенности все еще ниже среднероссийского значения. В Хабаровском крае низкие значения уровня освоенности объясняются, прежде всего, тем, что в его состав включены два типично северных и крайне слабо освоенных района — Охотский и Аяно-Майский, которые занимают чуть ли не половину его площади (326 тыс. кв. км, что почти равно площади всей Японии и значительно больше — Республики Корея). Они соответственно занижают показатели данного региона. Амурская же область, имеющая сравнительно благоприятные природно-климатические условия, значительный ресурсный потенциал и лучшие на Дальнем Востоке земли для сельскохозяйственных целей, пока не попала в поле зрения крупного бизнеса. Здесь нет крупных промышленных производств, которые могут привлечь население и создать масштабный валовой региональный продукт. Ситуация может несколько измениться в обозримой перспективе — в связи со строительством космодрома Восточный и формированием на его базе высокотехнологичной территории опережающего развития «Дальневосточный инновационный аэрокосмический центр», а также созданием межрегионального горно-металлургического кластера на базе Гаринского и других железорудных месторождений Амурской и Еврейской автономных областей и прочих крупных проектов. Поэтому при адекватных управленческих решениях и дальнейшем развитии хозяйственных и селитебных структур Амурская

область и Хабаровский край (без северных районов) уже в обозримой перспективе могут быть в числе субъектов ДВР с высоким уровнем заселенности и освоенности.

Затемненным фоном в табл. 3 отмечены регионы, имеющие по результатам нашей оценки среднестатистические значения уровней освоенности/заселенности ниже 3 баллов, т. е. ниже среднего значения по РФ. В их числе все субъекты северного субрегиона ДВР: Якутия, Магаданская область, Камчатский край и Чукотский АО. Эти регионы правомерно рассматривать как селитебно и хозяйственно слабоосвоенные.

Для всех субъектов Дальнего Востока — как северных, так и южных — освоение остается важной формой пространственного развития. На первоначальных этапах русского освоения Дальнего Востока формирование населения здесь происходило достаточно интенсивно. К 1926 г., несмотря на потери населения в годы Гражданской войны и интервенции, его численность достигла 1,6 млн человек. И в советский период (особенно в период индустриализации), как и в предыдущий царский, численность населения в Дальневосточной России возрастала достаточно быстро. Так, с начала индустриализации (с 1926 г.) до 1939 г., т. е. за 13-летний период, население здесь возросло в 1,9 раза, в то время как в стране в целом лишь в 1,17 раза.

В последующий 50-летний период (1939–1989 гг.), осложненный войной и последующим восстановлением народного хозяйства, динамика населения на Дальнем Востоке оставалась также достаточно устойчивой и высокой — рост в 2,7 раза (в то время как в РФ в целом — в 1,4 раза). Государственные механизмы (экономические, социальные) по заселению нового, по историческим меркам, Дальневосточного региона работали достаточно эффективно: в Сахалинской области и на Чукотке рост населения был более чем 7-кратный, на Камчатке — почти 4-кратный. В Якутии население возросло в 2,6 раза. А в Магаданской области в послевоенный период рост населения замедлился, и за эти годы его численность возросла лишь в 2,5 раза.

В южных регионах Дальнего Востока России рост численности населения был также достаточно значительным в сравнении с РФ в целом, но более умеренным в сравнении с северными и островными территориями: в Хабаровском крае за 1939–1989 гг. — в 2,9 раза, в Приморском крае — в 2,5 раза, в ЕАО — в 2 раза и в Амурской области — в 1,7 раза.

В целом в период с 1926 по 1991 г. заселение российского Дальнего Востока благодаря эффективным государственным мерам происходило достаточно успешно: с 1,6-миллионного уровня в 1926 г. и 3-миллионного уровня в 1940 г. к концу советского периода население увеличилось до более чем 8-миллионного. Но после произошедших перемен в политическом устройстве страны в 1991 г. и отказа государства от механизмов поддержки заселения слабоосвоенных регионов численность населения во всех субъектах Дальнего Востока быстро пошла на убыль.

Сегодня, когда государство вновь обращает внимание на свои восточные территории и даже объявляет их «... национальным приоритетом на весь XXI век», вопросы их пространственного развития должны стать одними из определяющих. Однако, учитывая масштабы рассматриваемого пространства и неизбежные в условиях экономических санкций финансовые ограничения, усилия государства необходимо концентрировать на «ключевых» территориях. Одной из этих трех ключевых зон Тихоокеанской России является Приморско-Приамурская — в силу своего уникального геополитического и экономико-географического положения в контактной зоне с крупнейшими мировыми «центрами силы». Поэтому *пространственное развитие этой наиболее освоенной и структурно развитой в пределах российского Дальнего Востока территории*, так же как и староосвоенных регионов европейской части страны, может и должно происходить преимущественно по интенсивному варианту, на основе формирования территориально-хозяйственных структур гетерогенного, большей частью индустриального и постиндустриального типов.

Пространственное развитие на «новых» или практически не затронутых человеческой деятельностью территориях Дальневосточной России может сводиться к их первичному (или «пионерному») освоению. Это может выражаться в формировании ресурсно-информационных баз, возникновении первичных элементов хозяйственных структур гомогенного, преимущественно ресурсодобывающего типа, первоначальном создании элементов транспортной, энергетической и пр. инфраструктуры.

На слабоосвоенных территориях Тихоокеанской России пространственное развитие преимущественно должно выражаться в дальнейшем инфраструктурном и хозяйственном освоении, заселении. С учетом сохраняющегося здесь значительного природно-ресурсного потенциала и уже имеющихся элементов инфраструктуры, производства, сельхозкультуры и пр., которые можно рассматривать как опорные базы дальнейшего освоения, — их пространственное развитие может происходить более опережающими темпами.

Для «новых» и слабо вовлеченных в хозяйственную деятельность территорий освоение остается основной формой пространственного развития. В этих условиях государство обязано обеспечить:

- 1) дальнейшее формирование транспортного каркаса территории и преобразование Транссиба в скоростную трансконтинентальную магистраль;
- 2) формирование сетки экономических районов и административно-территориальных единиц (АТЕ) с учетом изменившихся геополитических, экономических условий и свойств территорий;
- 3) формирование, в комплексе с транспортной сетью, системы населенных мест, в первую очередь — на ключевых участках прибрежных зон и пересечениях транспортных магистралей как каркаса расселения в дальнейшей перспективе;
- 4) создание сети мощных и эффективных энергоисточников, системы электропередач с учетом перспектив развития территорий;
- 5) планомерное создание высокотехнологичных обрабатывающих производств на основе востребованных на мировом рынке природных ресурсов;
- 6) планомерное развитие прочих обрабатывающих производств (машиностроительных, пищевых, легкой промышленности).

Сложные геоэкономические и геополитические условия в мире в начале XXI в. требуют от России оперативного и эффективного решения этих проблем. В сложившихся условиях пространственное развитие восточных регионов России может одновременно заключаться:

- в инновационном развитии, технической, технологической модернизации сложившихся экономических центров, зон концентрированного расселения;
- в создании новых хозяйственно-поселенческих осей по наиболее перспективным в новых условиях географическим направлениям;
- в формировании макрорегионального «полюса роста» Дальневосточной России (возможно, на «площадке Свободный-Белогорск») и сети центров развития 2-го уровня (на пересечениях магистральных дорог и тихоокеанском побережье);
- в последующем постепенном заселении, освоении пространства между «тыловыми» зонами и новыми хозяйственно-поселенческими осями.

---

1. *Бордачев Т.В.* Поворот России на Восток только начинается. URL: <https://ria.ru/analytics/20160531/1441206933.html>; *Вардацкий Л.Б.* Об азиатском векторе трансформации экономического пространства России // Вопросы географии. Сб. 141; Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С. 539–555; *Казанцев А.А.* Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. № 28/2016/ [А.А. Казанцев, Н.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин]; [гл. ред. Н.С. Иванова]; Российский совет по международным де-

- лам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 52 с.; *Портяков В.Я.* Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. 2013 г. С. 7–15; *Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: Междисциплинарный синтез / отв. ред. В.М. Котляков.* М.: Медиа-пресс, 2013. 664 с.; *Шпангер Х.Й.* Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шелковом пути. URL: www.globalaffairs.ru/.../Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Za...; *Шупер В.А.* Россия между Западом и Китаем // Философские науки. 2011. № 1. С. 86–97; *Он же.* Территориальная организация населения и хозяйства России на пороге тектонических сдвигов // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С. 529–538.
2. Экспорт-импорт важнейших товаров за январь—декабрь 2015 г. URL: www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article...
  3. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 года. URL: kremlin.ru/events/president/news/19825.
  4. Выступления Владимира Путина, Пак Кын Хе и Синдзо Абэ на ВЭФ 3 сент. 2016 г. [стенограмма]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/431685>.
  5. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2015. 1266 с.
  6. Там же.
  7. Там же.
  8. Там же.
  9. Итоги внешнеэкономической деятельности территорий Дальнего Востока и Забайкалья в 2014 году. URL: <https://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/trade/786>; Экспорт-импорт важнейших товаров за январь—декабрь 2015 г. URL: www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article...
  10. Экспорт-импорт важнейших товаров за январь—декабрь 2015 г. URL: www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article...
  11. Итоги внешнеэкономической деятельности территорий Дальнего Востока и Забайкалья в 2014 году. URL: <https://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/trade/786>; Экспорт-импорт важнейших товаров за январь—декабрь 2015 г. URL: www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article...
  12. *Романов М.Т.* Оценка геополитического потенциала крупнейших стран мира // Геополитика и безопасность. 2016. № 2 (34). С. 35–40.
  13. Список стран по ВВП (ППС). Список стран по ВВП (ППС). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_\(ППС\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_(ППС))
  14. Выступления Владимира Путина, Пак Кын Хе и Синдзо Абэ на ВЭФ 3 сент. 2016 г. [стенограмма]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/431685>.
  15. Там же.
  16. См.: *Бакланов П.Я., Мошков А.В.* Структурные трансформации хозяйства в Тихоокеанском регионе России // Экономика региона, 2016. Т. 12 (Вып. 1). С. 46–63; *Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т.* Тихоокеанская Россия: основные факторы и направления долгосрочного развития // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С. 595–618; *Романов М.Т., Бучнева Н.В.* Потенциал территориального развития Тихоокеанской России // Российский Дальний Восток и страны АТР: воспроизводство ресурсов и проблемы социально-экономического развития: материалы междунар. науч. конференции. Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2009. С. 64–68.
  17. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2015; Численность населения регионов России. 2016. URL: www.statdata.ru.
  18. Регионы России. Социально-экономические показатели...

Военное строительство

Военная политика КНР и ее роль в увеличении комплексной мощи государства

© 2017

А.Ф. Клименко, П.Б. Каменнов

Обозначены основные направления военной политики КНР, включая модернизацию НОАК, новую военную реформу, роль армии в обеспечении внутривнутриполитической стабильности, участие КНР в международных форумах безопасности и сотрудничества, а также в миротворческих операциях под эгидой ООН. Анализируется роль военной политики в увеличении комплексной мощи государства.

Ключевые слова: военная политика, стратегия «активной обороны в новых условиях», программа модернизации, новая военная реформа, комплексная мощь государства, невоенные операции.

В конце XX — начале XXI века военная политика Китая направляется на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века (к столетию образования КНР) статуса сильной, модернизированной, объединенной (имеется в виду решение тайваньской проблемы) державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира. Реализацию национальной стратегии в Китае связывают с усилением комплексной государственной мощи (КГМ), которая рассматривается в качестве общей способности государства путем мобилизации всех ресурсов — как национальных, так и мировых — осуществлять данную стратегию. Согласно взглядам китайских аналитиков, в наиболее общем виде КГМ включает следующие четыре подсистемы: 1) материальный фактор, или «твердый компонент» (экономика, наука и технологии, природные ресурсы, национальная оборона); 2) духовный фактор, или «мягкий компонент» (внутренняя и внешняя политика, культура и образование); 3) фактор координации усилий (организация управления страной); 4) фактор окружающей среды (отношения с соседними странами; экология)¹.

Отметим, что беспрецедентные достижения Китая в экономике, науке и технике, в освоении космоса и других областях за последние 30 лет были осуществлены в услови-

---

Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, зам. руководителя Центра изучения стратегических проблем США и ШОС ИДВ РАН. E-mail: klimenko@ifes-ras.ru.

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: kamennov@ifes-ras.ru.

ях мира, внутривполитической стабильности и развития отношений сотрудничества с внешним миром. Дальнейшее движение по данному пути в Китае связывают с необходимостью обеспечения благоприятных внутренних и внешних условий развития страны на новом историческом этапе. При этом военному фактору по существу отводится роль силового аргумента в реализации политики мира и сотрудничества.

Согласно китайским взглядам *международная обстановка в сфере военной безопасности* характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что в отношениях между странами доминирующими тенденциями продолжают оставаться мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности.

На востоке Евразии налицо две противоположные тенденции. С одной стороны — укрепление факторов стабильности. Экономика стран региона продолжает развиваться высокими темпами, а в отношениях между ними складывается атмосфера открытого и взаимовыгодного сотрудничества, основанного на равенстве и использовании многообразных форм взаимодействия. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) вступила в новый этап своего развития и вносит существенный вклад в установление новой модели межгосударственных отношений. Организация АСЕАН достигла прогресса как в строительстве и консолидации своих структур, так и в переговорах относительно создания зон свободной торговли с другими странами. В целом сотрудничество стран Восточной Азии, осуществляемое через механизм АСЕАН плюс КНР, Япония и Южная Корея (10+3), расширяется и играет главную роль в обеспечении здесь мира и стабильности.

С другой стороны, нарастают факторы, осложняющие обстановку в регионе. Беспокойство Пекина вызывают такие направления военной политики Вашингтона, как «возвращение США в АТР», усиление военных связей с Японией и другими союзниками США в регионе; поддержание отношений с государствами-партнерами США, включая страны Юго-Восточной Азии и Индию; формирование многослойной системы отношений с союзниками США, способствующей более активному использованию в американских интересах Восточно-Азиатского саммита и других региональных институтов.

В апреле 2015 г. США заявили о намерении поставить Японии новейшее вооружение и продолжить перегруппировку своих сил, которые находятся на территории островного государства. В заявлении по итогам переговоров министров обороны США и Японии «...стороны подтвердили стратегическую важность поставок наиболее современных и продвинутых американских систем вооружений Японии, что повышает сдерживающие возможности союза двух стран и помогает безопасности Японии и Азиатско-Тихоокеанского региона». При этом Вашингтон подтвердил гарантии по обеспечению безопасности Японии, «включая полный спектр военных возможностей США, в том числе ядерное и обычное оружие»².

Наряду с этим США намерены увеличить свое военное присутствие на Филиппинах. Соответствующее соглашение между США и Филиппинами сроком на 10 лет подписано в апреле 2014 г.; согласно документу на Филиппинах будут размещены дополнительные контингенты вооруженных сил США «на принципах временного и ротационного пребывания». Кроме того, США предоставлено право размещать свои истребители и военные корабли на базах Филиппин³.

Стремление Китая развивать конструктивный диалог с США по проблемам военной безопасности встречает противодействие в виде политики «сдерживания» Китая, направленной на сохранение доминирующего положения США в АТР. В связи с этим заключение в 2014 г. двух соглашений между КНР и США в области военного сотрудничества⁴, а также Соглашения о диалоге в военной сфере 2015 г.⁵, по нашей оценке, не может рассматриваться как шаг в направлении урегулирования коренных противоречий между двумя странами в военно-стратегическом плане. Упомянутые соглашения устанавливают процедуру взаимного уведомления в случае проведения военных учений и других крупных перемещений войск и техники, а также правила поведения сторон в случае на-

хождения их военных судов или самолетов в непосредственной близости друг от друга. Беспокорство Китая вызывает ситуация на Корейском полуострове, прежде всего действия Пхеньяна, направленные на реализацию ядерной и ракетной программ КНДР в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН. 6 января 2016 г. КНДР сообщила об успешном проведении ядерного испытания (четвертого по счету с 2006 г.), а 7 февраля 2016 г. заявила о запуске спутника с помощью ракеты дальнего действия. Пекин поддержал новую резолюцию Совета Безопасности ООН, направленную на блокирование ядерной и ракетной программ КНДР как угрожающих режиму нераспространения ядерного оружия, выразив намерение добиваться возобновления диалога и переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова как единственной возможности ее разрешения⁶.

Большое значение Китай придает участию в *международном военном сотрудничестве*, прежде всего сотрудничеству со странами АТР, в котором стремится занять лидирующее положение. Китай намерен продолжать участие в многосторонних форумах безопасности и сотрудничества АТР, таких как Совещание министров обороны АСЕАН плюс (ASEAN Defense Ministers' Meeting Plus), Региональный форум АСЕАН (ASEAN Regional Forum), Диалог Шангри-Ла (Shangri-La Dialogue), Международный диалог по проблемам обороны Джакарта (Jakarta International Defense Dialogue, Военно-морской симпозиум стран Западной части Тихого океана (Western Pacific Naval Symposium). Наряду с этим уделяется внимание развитию сотрудничества по военной линии со странами-участниками Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также со странами Африки, Латинской Америки и Южной части Тихого океана⁷.

В области реализации положений Декларации действий сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и подготовки Кодекса поведения в Южно-Китайском море в 2015 г. достигнут некоторый прогресс. На состоявшейся в Тяньцзине в августе 2015 г. 9-й встрече полномочных представителей КНР и АСЕАН в области реализации Декларации стороны достигли соглашения о создании трех специализированных технических комитетов по следующим направлениям: «Безопасность мореплавания и поисково-спасательные операции», «Океанологические исследования и охрана окружающей среды» и «Борьба с транснациональной преступностью на море». В переговорах по Кодексу стороны достигли прогресса по пяти направлениям, в числе которых — соглашение о необходимости скорейшего достижения консенсуса по учреждению платформы «Горячая линия КНР — АСЕАН по поисково-спасательным операциям на море» и платформы «Горячая линия дипломатических сотрудников КНР — АСЕАН по чрезвычайным ситуациям»⁸.

Наряду с традиционными вызовами национальной безопасности КНР, в Пекине особо выделяют целый ряд многообразных угроз и вызовов нетрадиционного характера, из которых особое место занимают «три силы зла» — *сепаратизм, терроризм и экстремизм. Угрозу суверенитету и национальной безопасности Китая представляют сепаратистские силы, выступающие за независимость Тайваня, за независимость Восточного Туркестана, за независимость Тибета*⁹.

Одной из главных проблем для китайского руководства остается разрешение тайваньской проблемы на условиях КНР по принципу «одна страна — две системы», которое рассматривается в Пекине как важнейший шаг в направлении завершения «воссоединения нации» после возвращения под юрисдикцию КНР Гонконга и Макао в 1997 и 1999 г. соответственно. Для решения этой проблемы Китай де-юре не исключает использования военного фактора: «Законом КНР о противодействии расколу государства» 2005 г.¹⁰ определены условия, при которых Китай намерен применить «мирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» (ст. 8): 1) если сторонники «независимости Тайваня» тем или иным способом добьются фактического отторжения Тайваня от Китая; 2) если произойдут крупные события, влекущие за собой отторжение Тайваня; 3) если возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны.

В последние годы появились серьезные основания полагать, что Пекин не заинтересован в решении тайваньской проблемы с использованием военной силы. Неурегулированность политических отношений не препятствует развитию торгово-экономических связей между двумя берегами. Материковый Китай прочно утвердился в качестве главного торгового партнера Тайваня и основного получателя его инвестиций. Объем торговли между двумя берегами в последние годы сохраняет устойчивую тенденцию к росту: в 2012 г. — 169 млрд долл., в 2013 — 197 млрд долл., в 2014 — 198 млрд долл. Следует отметить, что в материалах XVII и XVIII съездов КПК (2007 и 2012 г. соответственно) не содержится тезис о возможности использования КНР для решения тайваньской проблемы военного фактора.

Проблема *сепаратизма СУАР* рассматривается Китаем не только как проблема внутренней политики страны, но и как угроза безопасности всей Центральной Азии. Именно этой проблеме Пекином постоянно уделяется большое внимание в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). По инициативе Пекина в рамках деятельности ШОС по обузданию «трех сил зла» (*сепаратизм, терроризм и экстремизм*) и обеспечения региональной безопасности подписана Конвенция о борьбе с этими явлениями, налажено тесное взаимодействие между спецслужбами стран ШОС, составлены списки террористических организаций и лиц, на основании которых казахстанские и киргизские власти выдали Китаю ряд уйгурских боевиков.

Серьезной проблемой для руководства КНР продолжают оставаться акции протеста тибетцев против политики центральной власти по борьбе с *тибетским сепаратизмом*, организуемые «Движением за свободный Тибет» и поддерживаемые различными общественными организациями и общественными деятелями других стран. В основе движения лежит протест против распространения на данный регион политического контроля Центра. Напряженную ситуацию стремятся использовать в своих геополитических интересах США, Индия и Непал, которые рассматривают территорию Тибета как плацдарм для установления контроля над границами и тылом Китая¹¹.

Одним из важных направлений военной политики Китая на современном этапе является *расширение присутствия военно-морских сил НОАК в Индийском океане* с целью обеспечения безопасности морских путей транспортировки импортируемой нефти, а также осуществления контроля за обстановкой в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США. Предпринимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота.

В последние годы степень зависимости экономики Китая от импорта нефти превысила 60% и продолжает возрастать. В 2015 г. объем импорта нефти составил 331 млн т, что на 7% больше аналогичного показателя 2014 г.¹² С целью расширения возможностей транспортировки нефти в КНР, минуя Сингапурский и Малаккский проливы, фактически находящиеся под контролем США, Китай создает в зоне Индийского океана сеть опорных пунктов для ВМС и ВВС НОАК от о. Хайнань в Южно-Китайском море до Юго-Западной Азии (стратегия, получившая в США наименование «жемчужная нить»). В настоящее время сеть включает в себя строящиеся при финансовой и технологической помощи Китая порты Гвадар (Пакистан), Хамбантога (Шри-Ланка), Читтагонг (Бангладеш), Чаупхью (Мьянма)¹³.

Наряду с этим, Пекин, опираясь на растущий военный потенциал, с начала 2015 г. в одностороннем порядке активизировал свою деятельность по освоению не принадлежащих КНР островов архипелага Спратли в Южно-Китайском море путем наращивания территории находящихся здесь рифов и отмелей и превращения их в искусственно созданные острова с взлетно-посадочными полосами, причалами, складами и другими сооружениями. При этом Пекин утверждает, что Китай расширяет территорию, на которую у него имеется полный суверенитет. Однако, согласно Конвенции ООН 1982 г. по

морскому праву (UNCLOS), Пекин не может требовать суверенитета на эти образования, как и на территориальные воды с воздушным пространством над ними и на исключительную экономическую зону (ИЭЗ). Об этом говорится в ст. 56, 60 и 80 упомянутой Конвенции. Суверенные права на них принадлежат только прибрежному государству, в ИЭЗ которого они находятся. Односторонние действия Пекина привели к обострению конфликта по поводу территориального суверенитета в Южно-Китайском море. Спор ведется не только между Китаем и соседними государствами ЮВА, но и между Китаем и такими державами, как США, Япония и Индия. В настоящее время в Арбитражном трибунале в Гааге идет судебное разбирательство в связи с иском по данной проблеме со стороны Филиппин. Однако в Меморандуме Китая 2014 г. Китай поставил под сомнение компетенцию Арбитражного трибунала в данной сфере и дал ясно понять, что не изменит свою позицию в Южно-Китайском море¹⁴.

Согласно впервые опубликованной Госсоветом КНР «Военной стратегии Китая» (январь 2015 г.)¹⁵ подтверждена установка на дальнейшее укрепление обороны и создание вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны в новых условиях. Задачи вооруженных сил в пространственном измерении существенно расширены и включают не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечение безопасности на морях, в Мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространствах.

Согласно документу в области военного строительства Китай следует концепции «активной обороны в новых условиях», при этом деятельность китайских вооруженных сил базируется на следующих принципах:

- подчиненность задаче обеспечения мира для реализации национальной стратегии развития, усиление подготовки к ведению вооруженной борьбы, предотвращение кризисных ситуаций, способность одерживать победу в войнах;
- осуществление военной политики, имеющей оборонительный характер и тесно скоординированной с мерами в области государственной политики, экономики и дипломатии; эффективно отражать потенциальные, в том числе внезапные, угрозы национальной безопасности;
- на плановой основе осуществлять сбалансированную политику по защите прав, с одной стороны, и обеспечению стабильности — с другой; обеспечивать защиту суверенитета и интересов страны на суше и на море, поддерживать безопасность и стабильность на периферии;
- использовать все возможности для ускорения военного строительства; в войне стремиться к захвату стратегической инициативы, развивая активные действия во всех сферах и по всем направлениям; применять гибкую стратегию и тактику, в полной мере использовать эффективность совместных операций разнородных сил;
- готовиться к выполнению задач в любое время и при самых сложных и тяжелых сценариях развития обстановки;
- в полной мере использовать уникальные политические преимущества народных вооруженных сил; обеспечивать абсолютное руководство армией со стороны КПК;
- развивать боевой дух, укреплять воинскую дисциплину, повышать профессионализм войск;
- для победы над врагом использовать применительно к новым условиям принципы, заложенные в концепции «народной войны»; в военной мобилизации главное внимание уделять не человеческим ресурсам, а науке и технологиям;
- активно расширять сотрудничество в военной области и в сфере безопасности, углублять отношения по военной линии с мировыми державами, соседними и развивающимися странами; способствовать созданию региональной структуры безопасности и сотрудничества.

В обозримой перспективе Китай намерен продолжать сотрудничество между китайскими и российскими вооруженными силами в рамках отношений стратегического партнерства между двумя странами и способствовать всестороннему расширению и диверсификации сфер сотрудничества по военной линии¹⁶.

В 2014–2016 гг. продолжалось российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество. Вооруженные силы Китая участвовали в ряде совместных с ВС России и многосторонних в рамках ШОС военных антитеррористических учениях, направленных на отработку совместных действий при отражении террористических угроз на суше, на море и в воздухе. Крупнейшим из них было проведенное в период с 11 по 29 августа 2014 г. на полигоне Чжучжихэ (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) учение стран-участниц ШОС «Мирная миссия — 2014», в котором приняли участие свыше 7 тыс. человек личного состава и 500 единиц военной техники вооруженных сил стран-участниц организации¹⁷.

В период с 20 по 26 мая 2014 г. в акватории Восточно-Китайского моря проведено учение отрядов кораблей из состава ВМС НОАК и ВМФ России «Морское взаимодействие — 2014». На церемонии открытия учений присутствовали главы двух государств — Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин. Активная фаза проводилась с 22 по 25 мая и включала отработку совместных действий по обороне кораблей на якорной стоянке, освобождению захваченных пиратами торговых судов, организации совместной ПВО; кроме того, были проведены противолодочные и поисково-спасательные операции, ракетные и артиллерийские стрельбы по морским и береговым целям¹⁸.

В мае 2015 г. в Средиземном море проведены российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие — 2015» с участием до десяти кораблей различных классов из состава ВМФ России и ВМС НОАК. В ходе учений проводилась отработка совместных действий по охране безопасности судоходства в мировом океане¹⁹.

В сентябре 2016 г. в Южно-Китайском море в районе к югу от пров. Гуандун состоялись российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие — 2016», в которых были задействованы надводные боевые корабли, подводные лодки, самолеты, корабельные вертолеты и боевые амфибии морской пехоты флотов двух стран. Во время учений в условиях, приближенных к боевым, проводилась отработка совместных действий по борьбе с кораблями условного противника и применением ракетного, артиллерийского и торпедного оружия, противовоздушной и противолодочной обороне, высадке морского и воздушного десанта на необорудованное побережье в пров. Гуандун и освобождению опорного пункта, захваченного условными террористами. Учению предшествовало политическое заявление со стороны России о том, что она поддерживает Китай в признании решения Гаагского арбитражного суда по спорным островам Южно-Китайского моря²⁰.

Ныне совместные российско-китайские военные учения распространились на воздушно-космическую область и противоракетную оборону. В мае 2016 г. в соответствии с решением глав военных ведомств Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Москве впервые проведены российско-китайские командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность — 2016» по защите территории двух стран от случайных, несанкционированных и провокационных ударов баллистических и крылатых ракет, осуществленных условной третьей страны или внешней террористической организацией. Целью учений были согласование подходов и определение принципов взаимодействия при решении задач противовоздушной и противоракетной обороны, отработка вопросов организации совместных действий по отражению возможной угрозы, а также определение направлений дальнейшего сотрудничества в данной области. Поставленные цели были достигнуты в полном объеме. Учение не было направлено против какой-либо третьей стороны²¹.

Китай сохраняет заинтересованность в продолжении закупок российской военной техники: в апреле 2015 г. подписан контракт на закупку партии зенитных ракетных систем С-400 (четыре дивизиона),²² в ноябре 2015 г. — контракт на закупку 24 истребителей Су-35 на сумму около 2 млрд долл.²³

Следуя мировой тенденции и опираясь на растущую экономическую мощь, в 2015–2016 гг. *Китай продолжал увеличивать военные расходы* (табл. 1).

Таблица 1

Военные расходы КНР в 2015–2016 гг.

№ п/п	Наименование	2015	2016
1	Официальные военные расходы (в постоянных ценах и на основе рыночных обменных курсов, млрд долл.)	132	146
2	Темпы роста официальных военных расходов, %	12,2	7,6
3	Темпы экономического роста, %	7,0	6,5
4	Реальные военные расходы (в постоянных ценах и на основе рыночных обменных курсов, млрд долл.)	205*	215

Источник: Материалы 3-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2015 г.) // Жэньминь жибао онлайн. 06.03.2015; СИПРИ о военных расходах в мире (2016). URL: <http://politinform.ru/armiya-i-konflikty/58729-sipri-o-voennyh-rashodah-v-mire-2016.html>; URL: <https://topwar.ru/93502-opublikovan-doklad-sipri-o-mirovyh-rashodah-na-oboronu.htm>

Примечание: *Оценка авторов.

Из табл. 1 видно, что официальные военные расходы Китая в 2016 г. составили 146 млрд долл. (годовое увеличение 7,6%), между тем как реальные, по оценке СИПРИ, 215 млрд долл.; для сравнения, в 2016 г. военные расходы Японии составили 40,9 млрд долл.; Индии — 36,0; Южной Кореи — 36,4; Великобритании — 55,4; России — 48,5; США — 596 млрд долл.²⁴ Отметим, что в 2017 г. предполагается увеличение военных расходов Китая на 7%²⁵. Таким образом, в 2016–2017 гг. определилась тенденция снижения темпов роста военных расходов Китая, что связано с переходом к «новой нормальности» в сфере экономики, а именно: от роста высокими темпами в предшествующий период (7,5% и более в год) к средне-высоким темпам роста (6,5–7% в год)²⁶.

В модернизации НОАК основное внимание уделяется информатизации и компьютеризации войск и сил флота, усилению боевых возможностей вооруженных сил за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

В последние годы численность личного состава НОАК поддерживается на уровне около 2,3 млн человек. Как отмечено выше, *основное внимание направляется на совершенствование качественных параметров оснащения и повышение уровня информатизации войск и сил флота*. В годы 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) на вооружение НОАК поступил ряд новых образцов военной техники²⁷:

- в ВВС и ВМС — более совершенные самолеты, позволяющие существенно повысить возможности НОАК по ведению электронной войны; в их числе самолет дальнего радиолокационного обнаружения и управления KJ-500, морской патрульный самолет Y-8J, самолет электронной разведки Y-8GX8;
- на вооружение «второй артиллерии» — крылатые ракеты CJ-10A; ракеты малой дальности «Дунфэн-16» (DF-16); противокорабельные баллистические ракеты «Дунфэн»-21Д (DF-21D); ракеты «Дунфэн»-26 (DF-26);

• в сухопутные войска — основные боевые танки Туре-99А, боевые машины пехоты ZBD-04А, противотанковые ракеты НJ-10, самоходные гаубицы PLZ-05А, вертолеты огневой поддержки WZ-10.

В ноябре 2015 г. в Китае было объявлено о предстоящей новой *военной реформе*, предполагающей прямое подчинение всех видов вооруженных сил НОАК создаваемому единому Центральному военному командованию, сокращение численности личного состава НОАК на 300 тыс. человек. Реформу намечается осуществить к 2020 г.²³ Сокращение численности личного состава, по-видимому, будет осуществлено за счет сухопутных войск и использовано для увеличения финансирования ВВС и ВМС НОАК в условиях ожидаемого сокращения темпов увеличения военных ассигнований, вызванного замедлением темпов роста китайской экономики.

В январе–феврале 2016 г. были официально объявлены решения по реформированию органов высшего военного управления КНР, суть которого заключается в преобразовании бывших четырех главных управлений НОАК (Генерального штаба, Главного политического управления, Главного управления тыла и Главного управления вооружений) в 15 функциональных структур, входящих в состав ЦВС: Канцелярия ЦВС, Объединенный штаб ЦВС, Управление политической работы ЦВС, Управление тылового обеспечения ЦВС, Управление развития вооружений ЦВС, Управление боевой подготовки и развития вооружений ЦВС, Управление боевой подготовки и управления войсками ЦВС, Управление оборонной мобилизации ЦВС, Комиссия по проверке дисциплины ЦВС, Политико-юридическая комиссия ЦВС, Комитет по науке и технике ЦВС, Канцелярия по стратегическому планированию ЦВС, Канцелярия по реформам и организационно-штатной структуре ЦВС, Канцелярия по международному военному сотрудничеству ЦВС, Аудиторское управление ЦВС, Главное управление делами ЦВС.

Объединенный штаб ЦВС будет заниматься оперативным планированием, осуществлять повседневное управление войсками и боевое управление, заниматься изучением проблем и планированием в области военной стратегии, осуществлять контроль боеспособности войск, организовывать единый процесс боевой подготовки видов вооруженных сил и родов войск, организовывать и осуществлять мобилизационное строительство. На Управление политической работы ЦВС возложены функции руководства партийным строительством в вооруженных силах, которое рассматривается как «основа и ключевое звено всей работы в армии»; на Управление оборонной мобилизации ЦВС — вопросы оборонной мобилизации и подготовки резервов, руководство деятельностью провинциальных военных округов. Создание Комитета по науке и технике ЦВС направлено на усиление стратегического руководства оборонной наукой и техникой, развитие инновационного потенциала, координацию работы по «интегрированному развитию» военной и гражданской науки и техники²⁹.

Реформа предполагает реорганизацию существовавших до настоящего времени военных округов (ВО) — Пекинского, Шэньянского, Ланьчжоуского, Чэндуского, Цзинаньского, Гуанчжоуского в пять стратегических командований НОАК: Центральное (Пекин) (здесь и далее в скобках указана дислокация штаба командования. — *Прим. авт.*), Северное (г.Шэньян), Восточное (г. Нанкин), Южное (г. Гуанчжоу), Западное (г. Чэнду). Соответствующий приказ объявлен председателем ЦВС Си Цзиньпином 1 февраля 2016 г.

Центральное командование создано на базе бывшего Пекинского ВО. В зоне его ответственности территории городов центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь, провинций Хэбэй, Хэнань, Хубэй, Шаньси.

Северное командование создано на базе бывшего Шэньянского ВО и включает часть территории бывшего Пекинского ВО; в зоне его ответственности территории провинций Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин, Шаньдун, Автономного района Внутренняя Монголия.

Восточное командование создано на базе бывшего Нанкинского ВО; в зоне его ответственности территории провинций Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Фуцзянь, города Шанхай, а также Восточно-Китайское море.

Южное командование создано на базе бывшего Гуанчжоуского ВО; охватывает территории провинции Гуандун, Гуанси, Хунань, Гуйчжоу, Хайнань, а также Южно-Китайское море.

Западное командование создано на базе бывших Ланьчжоуского ВО и Чэндуского ВО; охватывает территории провинций Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйский, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономный районы, г. Чунцин³⁰.

По замыслу организаторов реформы, стратегические командования НОАК должны выполнять функции как административного управления, так и оперативного командования находящимися в зонах их ответственности силами и средствами сухопутных войск, военно-воздушных сил, военно-морских сил, войск стратегического обеспечения. Исключение составляют формирования стратегических ракетных войск и стратегические ядерные силы ВМС НОАК, находящиеся в прямом подчинении ЦВС КНР. Главной целью создания стратегических командований НОАК является обеспечение условий для повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях при ведении высокотехнологичных войн локального масштаба.

Ключевую роль в руководстве оборонным строительством наряду с государственными структурами продолжает играть КПК. Как следствие, вопрос укрепления контроля над армией со стороны партии постоянно находится в центре внимания военно-политического руководства.

Наряду с выполнением внешних функций по защите суверенитета и территориальной целостности страны, *армия используется руководством страны в качестве инструмента по обеспечению внутривластной стабильности*. В последние годы эти функции НОАК сохраняют актуальность ввиду роста в Китае числа социальных инцидентов, вызванных негативными последствиями рыночных преобразований, такими как имущественная дифференциация, сокращение посевных площадей, связанное с индустриализацией и развитием инфраструктуры, обострение экологических проблем и др.

Руководством КНР уделяется большое внимание совершенствованию законодательной базы военного строительства, что продиктовано проблемами реализации стратегии развития оборонного потенциала, а также существенным расширением задач НОАК на новом историческом этапе в таких областях, как международное военное и военно-техническое сотрудничество.

Наряду с выполнением главной функции по защите суверенитета и территориальной целостности страны *НОАК расширяет свое участие в невоенных* операциях по поддержанию мира и укреплению международной безопасности, которые включают антипиратские и антитеррористические операции, миссии по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, миротворческие миссии под эгидой ООН, операции по защите морских проливов, по защите космических объектов³¹.

В обозримой перспективе оборонное строительство КНР будет опираться на достижения экономики, сохраняющей высокие темпы развития, которые, несмотря на кризисные явления в мировой экономике, могут составить 6,5–7% в год. В сочетании с усилиями, направленными на подъем науки и технологий, включая реализацию наметенной программы преобразования Китая к 2020 г. в государство инновационного типа, это создает благоприятные предпосылки для модернизации обороны.

На нынешнем этапе военная политика Пекина основывается на принципах неучастия в военных союзах (блоках) и отказа от размещения вооруженных сил на иностранных территориях, за исключением участия в миротворческих операциях под эгидой ООН. Вместе с тем, по мнению многих китайских экспертов, наращивание военного присутствия США в АТР, активизация деятельности Вашингтона по укреплению существ-

вующих и сколачиванию новых военно-политических коалиций приводит к необходимости пересмотра изложенных принципов. Об этом свидетельствует содержание передовой статьи в газете «Жэньминь жибао» от 10 февраля 2014 г., в которой поставлен вопрос о целесообразности вывода Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой 2001 г. на качественно новый уровень — уровень военно-политического союза. Такой же точки зрения придерживается один из ведущих китайских политологов-международников Янь Сюэстун, который предлагает противопоставить американской стратегии укрепления и развития союзов наращивание в следующем десятилетии стратегического сотрудничества Китая с Россией вплоть до создания отвечающего интересам обеих стран союза³².

Вопрос, касающийся усиления российско-китайского взаимодействия в сфере безопасности, обсуждался лидерами наших государств во время официального визита президента В.В. Путина в мае 2014 г. в КНР; проблема заключается в выборе путей его решения: идти ли по пути создания военно-политического союза или по линии дальнейшего развития стратегического партнерства между двумя странами в рамках уже подписанных договоров и существующих международных организаций, членами которых являются и Россия и Китай.

Представляется, что на нынешнем этапе второй подход является более предпочтительным. Так, анализ упомянутого Договора 2001 г. показывает, что документ содержит вполне конкретные обязательства сторон. Например, ст. 9 гласит, что в случае возникновения ситуации, которая «может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы безопасности», а также в случае «возникновения угрозы агрессии против одной из Сторон» они незамедлительно «вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». Кроме того, ряд положений Договора направлен на укрепление доверия между двумя странами и содержит взаимные обязательства по неприменению каких-либо силовых действий по отношению друг к другу.

Так, в ст. 1 и 2 говорится о взаимном уважении «суверенитета и территориальной целостности», ненападении, невмешательстве во внутренние дела, соблюдении принципов «равенства, взаимной выгоды, мирного сосуществования». Поэтому «...стороны в своих взаимоотношениях не применяют силу или угрозу силой, не используют экономические и иные способы давления и разрешают разногласия исключительно мирными средствами», обязуются «взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты» и «исключают применение друг против друга ядерного оружия». Ст. 4 направлена на взаимную поддержку политики в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности наших государств. И, наконец, согласно ст. 6 обе страны неукоснительно соблюдают государственную границу между ними.

Важно отметить, что обе стороны последовательно реализуют положения Договора. За последние годы урегулированы все пограничные вопросы. Окончательная делимитация российско-китайской госграницы, равно как и реализация соглашения по укреплению мер доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, а также по совместному хозяйственному использованию отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек, способствовали превращению границы между двумя государствами в «границу мира и дружбы».

Нарращивается сотрудничество наших стран также и в политико-дипломатической сфере, в решении проблем ограничения стратегических наступательных вооружений (СНВ), сохранения режима нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, предотвращения гонки вооружений в космосе и в других областях. Россия и Китай, как постоянные члены Совбеза ООН, выступают по этим вопросам с консолидированных позиций. Россия и Китай выступили против выхода США из Договора об ограничении систем ПРО 1972 г., считая, что создание Вашингтоном системы национальной ПРО и ПРО ТВД обесценит их потенциал сдерживания и будет иметь серьезные негатив-

ные последствия не только для наших стран, но и для глобальной безопасности. Таким образом, наши государства реализуют положения ст. 11 Договора, устанавливающей, что стороны выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств, и прилагают активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества, тесно взаимодействуя в предотвращении международных конфликтов и их политическом урегулировании.

Противодействию набирающим актуальность новым угрозам международной безопасности посвящена ст. 20, в которой говорится о сотрудничестве наших стран в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью.

Практическая деятельность охватывает и военную сферу. Здесь наше сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций. От двустороннего сотрудничества мы переходим к многостороннему в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), что находится в соответствии со ст. 14 Договора: «Стороны способствуют укреплению стабильности, утверждению атмосферы доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в них многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества».

Вторым важным документом, регламентирующим совместные действия наших государств в сфере безопасности, является Хартия Шанхайской организации сотрудничества. ШОС не является военно-политическим союзом, однако, согласно данному документу, она представляет собой универсальную организацию. Ее целями и задачами определены: «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе», а также, «поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной... и других областях, представляющих общий интерес»³³.

В силу этого имеется правовая база, а вследствие обостряющейся военно-политической ситуации в регионе становится очевидной и необходимость создания в рамках Организации механизмов многостороннего сотрудничества по всему спектру центральноазиатских проблем безопасности и обороны. Особенно актуальным это становится на фоне вывода войск западной коалиции из Афганистана и вероятного обострения военно-политической обстановки в Центральной Азии. Сохраняется потенциальная угроза того, что потерявшие «работу», но хорошо овладевшие военными навыками боевики начнут возвращаться из Ближневосточного региона и Афганистана в свои страны. Активизируется работа исламистских организаций в них с последующим нарастанием нестабильности вплоть до «ближневосточных» или «украинских» сценариев. При этом не стоит упускать из виду, что мы будем иметь дело не только с талибами или отдельными исламистскими организациями типа Хизб-ут-Тахрир.

Основной особенностью современного терроризма становится его трансформация из сетевых ячеек в квазигосударственные образования, обладающие достаточной экономической и военной мощью. Причем отмечается их тесное взаимодействие с сетевыми структурами и рядом террористических организаций в отдельных государствах и регионах. Для участников ШОС наибольшую опасность представляют фундаменталисты «Исламского государства» (ИГ) и активизирующиеся на территории Афганистана после ухода основных сил западной коалиции Талибан и другие исламистские организации.

Для борьбы с терроризмом странам необходимо объединение усилий и активизация всех возможных методов борьбы с ним. Сегодня все более вырисовывается пер-

спектива превращения этой задачи в долгосрочную стратегию. Поэтому ШОС должна обладать способностью не только к осуществлению превентивных невоенных мер по предотвращению угроз со стороны сепаратизма, экстремизма и терроризма, но и к проведению, как минимум, всего спектра миротворческих операций (гуманитарных, по поддержанию мира и по принуждению к миру и др. в соответствии с Уставом ООН). Иначе говоря, существует потребность и имеются правовые основания для углубления сотрудничества государств-участников ШОС в военной сфере. Не являясь военно-политической структурой, ШОС должна стать на деле многофункциональной организацией, способной решать, в том числе, весь комплекс задач в сфере безопасности, что и предусмотрено ее Хартией.

Какими представляются меры по совершенствованию подходов ШОС к обеспечению региональной безопасности российским и китайским должностным лицам?

Свое видение усиления дееспособности ШОС в части решения задач безопасности изложил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров на заседании Совета министров иностранных дел Шанхайской организации в Душанбе в сентябре 2014 г. Для укрепления безопасности стран ШОС он предложил преобразовать Региональную антитеррористическую структуру в Центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами, для начала распространив его деятельность на сферу борьбы с наркобизнесом. В целях противодействия распространению экстремизма в странах Центральной Азии российский министр предложил странам ШОС подписать рамочное соглашение о взаимодействии по пограничным вопросам.

В свою очередь, с инициативой создать при ШОС новый орган — аппарат национальных военных советников выступил министр обороны России генерал армии С. К. Шойгу на совещании глав оборонных ведомств стран — участниц ШОС в июне 2015 г. (Санкт-Петербург). По его словам, такой орган мог бы стать генератором идей для руководства Организации в плане подготовки рекомендаций по более активному использованию военных возможностей стран — участниц ШОС в интересах безопасности.

Заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник С. Истраков в своем выступлении на прошедшей в Москве Международной конференции по Афганистану развил эту мысль. По его мнению, аппарат национальных военных советников (или специальная рабочая группа) могут быть сформированы при секретариате ШОС (или при Совете министров обороны этой организации). На данный орган предполагается возложить вопросы взаимодействия как с национальными вооруженными силами, так и с РАТС ШОС, ОДКБ, Антитеррористическим центром СНГ. Через этот аппарат (рабочую группу) будет вестись обмен данными об организациях экстремистов, незаконных вооруженных формированиях, способах и тактике их действий.

Нельзя не заметить, что идеи, выдвинутые должностными лицами Минобороны России, во многом перекликаются с высказанными ранее предложениями Института Дальнего Востока РАН³⁴.

Практические предложения по повышению дееспособности ШОС в решении проблемы безопасности стала выдвигать и китайская сторона. Во время визита в Казахстан в 2014 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что Шанхайская организация сотрудничества должна стать защитником Евразии. В ходе своего обращения на XIII саммите ШОС на уровне премьер-министров он призвал к созданию в этой Организации нового центра, который займется работой над прогнозированием будущих проблем безопасности для Евразии. Он также призвал своих партнеров отработать механизмы, которые будут способствовать борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, наряду с киберпреступлениями. В Астане Ли Кэцян также выделил Афганистан в качестве государства, которое нуждается в поддержке для сохранения «внутренней стабильности», достижения примирения и восстановления экономики страны³⁵.

И, наконец, председатель КНР Си Цзиньпин на саммите в Уфе в ходе своего выступления на заседании Совета глав государств ШОС в расширенном составе высказал довольно-таки емкое и радикальное по содержанию предложение: «Нужно укрепить дееспособность и создать крепкую защитную стену безопасности в регионе. Следует активизировать политические контакты и координацию, разработать меры реагирования и совместно защищать безопасность власти, политического строя, общественной стабильности во всех государствах — членах Организации. Необходимо укреплять сотрудничество с Афганистаном в области безопасности, помогать афганским силам безопасности в повышении боеспособности, играть большую роль в содействии национальному примирению Афганистана и восстановлению экономики этой страны»³⁶.

Заслуживают внимания и практические шаги наших китайских партнеров в сфере правового обеспечения прозвучавших выше предложений. По сообщению Агентства «Синьхуа» от 28 декабря 2015 г., на 18-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва был принят Закон КНР о борьбе с терроризмом.

Официальный Пекин, комментируя применение нового закона, делает акцент не на возможности операций за рубежом, а на внутренних угрозах. В то же время этот Закон позволяет китайской армии вести антитеррористические операции за пределами КНР. Принятый закон устанавливает, что борьба с терроризмом внесена государством в стратегию национальной безопасности. Предусмотрено наращивание возможностей по борьбе с терроризмом за счет комплексного применения политических, экономических, юридических, культурных, образовательных, внешнеполитических и военных методов для контртеррористической работы. Согласно закону, в стране будет создан руководящий орган по антитеррористической деятельности, который будет одновременно руководить и управлять контртеррористической работой в общенациональном масштабе.

В целом, Народно-освободительная армия Китая теоретически получит право действовать так же, как российские ВКС в Сирии. А возможности такие у нее есть. Как известно, по объему ВВП, по паритету покупательной способности национальных валют КНР уже в 2014 г. вышла на 1-е место в мире. Соответственно выросли ее политические амбиции, изменилась самооценка, которая все чаще определяется стремлением не только отстаивать национальные интересы в рамках собственных границ, но и полноценно участвовать в формировании и реализации мировой и региональной повестки дня в ее политическом и экономическом измерениях³⁷. Подтверждением этому служит факт участия военных советников и спецназа НОАК КНР в Сирии, в задачу которых, по словам президента Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашова, озвученных на одном из теледебатов, проводимых В. Соловьевым, отслеживать и контролировать действия синьцзян-уйгурских исламистов.

Таким образом, при всех трениях между имеющими отношение к ШОС государствами, на передний план выходит их готовность действовать единым фронтом против общей угрозы. Это означает понимание того, что приоритетными проектами для ШОС являются не только стратегические программы экономического развития, но и развитие практического взаимодействия в сфере безопасности. Но при этом нужно, по мнению авторов исследования, предпринимать первые конкретные практические шаги в этом направлении — создать или в составе РАТС, или в структуре секретариата ШОС небольшую группу профессионалов (возможно, из числа предлагаемых министром обороны России С.К. Шойгу военных советников), которые непосредственно занялись бы разработкой и реализацией выдвигаемых Россией и Китаем предложений. То есть подготовить Концепцию региональной безопасности Шанхайской организации сотрудничества, в которой могли бы быть отражены:

- состав субъектов ШОС, на которых распространяется действие этого документа;
- жизненно важные общие и особые интересы членов ШОС;

- виды внешних и внутренних угроз этим интересам;
- цели и задачи сотрудничества участников ШОС в сфере безопасности;
- состав и структура органов, ответственных за обеспечение безопасности;
- методы обеспечения безопасности, а также порядок выделения для этого необходимых ресурсов сил и средств и их задействования в случае возникновения угрозы Организации в целом или отдельным ее участникам;
- порядок взаимодействия с ОДКБ и другими организациями по безопасности.

Целесообразно также определить порядок мониторинга источников угроз, обмена соответствующей информацией, установить процедуру принятия решений и порядок их исполнения соответствующими структурами Шанхайской организации сотрудничества.

Впоследствии упомянутая выше группа военных советников могла бы составить основу Комитета по координации военного сотрудничества или иного органа, обеспечивающего руководство выделяемыми в его распоряжение силами и средствами. Суть не в названии, а в способности решать поставленные перед этим органом управления задачи.

Вместе с тем, чтобы региональные механизмы безопасности ШОС начали работать на практике, необходимо, на наш взгляд, обозначить четкие временные рамки реализации озвученных предложений по повышению дееспособности ШОС в сфере обеспечения региональной стабильности и выделить ресурсы для их осуществления. В этом случае ШОС имеет шанс стать влиятельным субъектом и наряду с ОДКБ — одной из основ архитектуры региональной безопасности, способной обеспечить в том числе успешную реализацию проектов ЭПШП. В противном случае будут напрасны ожидания от ШОС активности в сфере обеспечения региональной безопасности и стабильности.

Некоторые военные специалисты и политологи высказывают опасение, что при реализации всех названных выше предложений ШОС может превратиться в военно-политический альянс. Развитие военной составляющей ШОС дает определенные основания политологам, особенно западным, говорить о «дрейфе» Организации в эту сторону. В качестве контраргумента необходимо еще раз подчеркнуть, что вектор силовых усилий ШОС не направлен за пределы территории стран-участниц. В области безопасности ШОС намерена действовать только в ответ на возможную угрозу. К тому же сегодня ШОС является региональной структурой, установившей связь с ООН и решающей мировторческие задачи по мандату этой Организации.

Таким образом, анализ российско-китайского Договора 2001 г. и Хартии ШОС 2002 г. дает основание сделать вывод о том, что сегодня и в ближайшей перспективе нет необходимости заключения каких-либо двусторонних военно-политических союзов между Россией и Китаем³⁸.

Вместе с тем укрепление сотрудничества и тесное взаимодействие России и Китая на двусторонней основе и в рамках ШОС будет способствовать повышению комплексной мощи обонх наших государств, их авторитета на международной арене и способности оказывать благоприятное влияние на развитие обстановки в мире.

Выводы

1. На современном этапе военная политика Китая имеет оборонительный характер и является составной частью широкого комплекса превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание благоприятной обстановки в сфере безопасности вокруг Китая, способствующей реализации национальной стратегии развития, целью которой является превращение страны к середине XXI века в модернизированную державу, равную по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира.

2. Опираясь на растущую экономическую мощь, КНР реализует перспективную программу модернизации национальной обороны на базе науки и передовых технологий.

принятую в 2006 г. и рассчитанную до середины XXI века. В строительстве китайских вооруженных сил осуществляется курс на совершенствование качественных параметров вооружения и военной техники, механизацию и информатизацию войск с целью повышения их возможностей при ведении как оборонительных, так и наступательных боевых действий. Конечная цель заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять стратегическое ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

3. Военная политика Китая ведет к увеличению КМГ, что находит свое выражение в следующем:

а) возрастает военный потенциал страны, в том числе потенциал стратегического ядерного сдерживания, возможности по борьбе с международным терроризмом, в том числе в рамках ШОС, возможности по защите морских и океанских коммуникаций, имеющих жизненно важное значение для экономики, и другие составляющие; тем самым обеспечиваются благоприятные условия реализации национальной стратегии страны;

б) модернизация китайского ВПК в условиях использования 70% его потенциала в интересах экономического строительства и свободного обмена научно-технической и технологической информацией между военной и гражданской сферами способствует росту научно-технического, технологического и производственного потенциала обеих сфер:

в) военная политика Китая направлена на сохранение и развитие отношений сотрудничества с Россией в военной и военно-технической сферах, что играет позитивную роль в укреплении стратегического партнерства между нашими странами;

г) участие НОАК в миротворческих и гуманитарных операциях под эгидой ООН способствует укреплению в глазах мирового сообщества образа Китая как ответственной державы, проводящей политику мира и сотрудничества, и одновременно содействует повышению международного авторитета ООН, что можно отнести к укреплению «мягкой силы» как компонента КМГ КНР.

4. В интересах решения ближайшей стратегической задачи — урегулирования тайваньской проблемы по принципу «одного Китая» — Пекин де-юре допускает применение военной силы, что содержит в себе опасность возникновения крупного вооруженного конфликта с серьезными негативными последствиями для безопасности в АТР. Реализуемая Пекином концепция международной безопасности на основе межгосударственного доверия, по-видимому, не распространяется на тайваньскую проблему, являющуюся, как считают китайцы, внутренним делом КНР. Вместе с тем бурно развивающийся процесс обмена между двумя берегами в политической, экономической и в гуманитарной областях ясно указывает на предпочтительность для КНР решения тайваньской проблемы мирными средствами.

5. Китай проявляет сдержанность в реализации военного фактора как компонента КМГ, о чем свидетельствует его позиция по решению тайваньской проблемы, в которой отдается предпочтение использованию мирных средств, а также — поведение при периодическом обострении ситуаций вокруг островов Дяюйдао в Восточно-Китайском море и островов Спратли в Южно-Китайском море, когда Китай ограничивался демонстративными действиями НОАК в защиту суверенитета над данными территориями, без перевода ситуации в «горячую» фазу.

6. Военно-промышленный комплекс КНР ныне реализует программы во всех секторах производства вооружений и военной техники и добился на этом направлении прогресса, приближаясь к мировым стандартам качества выпускаемой техники. Существенно расширена и модернизирована научно-исследовательская и производственная база ВПК за счет привлечения к выполнению военного заказа получивших соответствующие лицензии предприятий и учреждений гражданского сектора. Однако выполнение многих

программ находится в зависимости от импорта отдельных технологий и наиболее важных высокотехнологичных компонентов.

7. Заинтересованность Китая в военно-техническом сотрудничестве с Россией будет сохраняться, однако его реальные перспективы находятся в зависимости от решения российской стороной поставленного Китаем вопроса о повышении технологического уровня предлагаемой Россией военно-технической продукции, а также от урегулирования проблемы защиты российской интеллектуальной собственности.

8. В ноябре 2015 г. в Китае объявлено о новой военной реформе, предполагающей прямое подчинение видов вооруженных сил НОАК создаваемому единому Центральному военному командованию, сокращение численности личного состава НОАК на 300 тыс. человек, реорганизацию существовавших до настоящего времени военных округов в пять стратегических командований НОАК в зонах: Центральной (Пекин), Северной (г. Шэньян), Восточной (г. Нанкин), Южной (г. Гуанчжоу), Западной (г. Чэнду). Реформу намечается осуществить к 2020 г.³⁹ Сокращение личного состава, по-видимому, будет осуществлено за счет сухопутных войск и использовано для увеличения финансирования ВВС и ВМС НОАК в условиях сокращения темпов увеличения военных ассигнований, вызванного замедлением темпов роста китайской экономики.

9. В обозримой перспективе армия будет оставаться важным звеном политической системы Китая, находиться под контролем КПК и, наряду с внешними функциями, выполнять роль инструмента опоры власти и поддержания внутривнутриполитической стабильности.

-
1. Annual Report on Military Power of People's Republic of China. Report to Congress, 2000.
URL: <http://www.usinfo.state.gov/regional/ea/uschina/dodpr00.htm>.
  2. URL: <http://topwar.ru/74048-ssha-postavit-yaponii-noveyshee-vooruzhenie.html>.
  3. URL: <http://ria.ru/world/20140428/1005711838.html#ixzz30A4rLCya>.
  4. URL: http://lenta.ru/news/2014/11/12/usa_china/
  5. URL: <http://informing.ru/2015/06/15/kitay-i>.
  6. Синьхуа. 02.03.2016.
  7. China Daily. 27.05.2015.
  8. Синьхуа. 03.08.2015.
  9. China Daily. 27.05.2015.
  10. People's Daily Online. 14.03.2005.
  11. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7 (244). С. 49–53.
  12. URL: <http://satoil.kz/kitay-v-2015-godu-uvelichil-import-nefti-na-7-do-330-9-mln-tonn>.
  13. URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2014/1/05_.pdf.
  14. Локишин Г.М. Южно-Китайское море: острова раздора // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9. С. 2–8.
  15. China Daily. 27.05.2015.
  16. Там же.
  17. URL: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=11981494@cgNews.
  18. URL: <http://portnews.ru/news/181112/>.
  19. URL: <http://ura-inform.com/ru/politics/2015/05/11/v-sredizemnom-more-nachalis-rossijsko-kitajskie-voennye-uchenija>.
  20. URL: <http://redstar.ru/index.php/news-menu/ino-military-menu/indiya/itcm/30423-morskoe-vzaimodejstvie>.
  21. URL: <https://rg.ru/2016/05/28/rf-i-kr-otrabotali-zashchitu-ot-provokacionnyh-raketnyh-udarov.html>.
  22. URL: <http://www.rg.ru/2015/04/13/triumf-site.html>.
  23. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/19/su35/>
  24. URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1504.pdf>.
  25. Ibid.
  26. *Островский А.В.* Экономика Китая в 2014–2015 гг.: итоги 12-й пятилетки и задачи 13-й пятилетки // КНР: политика, экономика, культура 2014–2015. М., 2016. С. 77.

27. China Daily. 28.10.2015.
28. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/26/china/>
29. Румянцев Е. Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М., 2016. С. 192–194.
30. Кашиш В. Б. Реформа органов управления китайскими вооруженными силами // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 125.
31. Annual Report to Congress “Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China” 2012. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/2012-prc-military-security-01.htm>. P. 3–4.
32. Янь Сюэтуи. Лиши дэ гуаньсин. Вэйлай шинянь дэ Чжунго юй шицзе: [Инерция истории. Китай и мир в следующие десять лет]. Пекин, 2013. С. 206–209.
33. Хартия ШОС. Ст. 1.
34. Клименко А. Ф. Военные аспекты сотрудничества в формате ШОС // Доклады ИДВ РАН: 2011. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 180–194.
35. URL: <http://www.thehindu.com/news/international/world/china-says-new-silk-road-needs-sco-security>.
36. См.: Стенограмма заседания Совета глав государств — участников ШОС в расширенном составе. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/49908>.
37. Подробнее см.: выступление С. В. Уянаева на Круглом столе «Российско-китайские отношения на современном этапе» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 6.
38. Каменнов П. Б., Клименко А. Ф. О военной политике и военной доктрине Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 145–147.
39. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/26/china/>

Дискуссионная трибуна

От редакции.

Статья ученого-политолога из университета Чжэнчжи (Тайвань) была получена редакцией в июне 2016 г. Она выглядела несколько устаревшей по фактуре, да и по сути. Однако избрание президентом США Д. Трампа, склонного к активизации контактов с новой администрацией Тайваня во главе с Цай Инвэнь и даже заявившего о том, что Соединенные Штаты не обязаны придерживаться политики «одного Китая», заметно актуализировало тему дальнейшей эволюции отношений двух берегов Тайваньского пролива. Поэтому мы решили поместить материал Лянь Хун-и, высказавшего самостоятельную точку зрения по данной проблеме, в рубрике «Дискуссионная трибуна».

Тайвань, российско-китайское военное сотрудничество и безопасность в Восточной Азии

© 2017

Лянь Хун-и

Статья посвящена развитию НОАК, приоритетам военного строительства и важности российско-китайского военного сотрудничества для укрепления военной мощи китайской армии. Автор делает акцент на вопросах подводного флота, которые являются ключевыми в наращивании морской мощи КНР. Предпринята попытка оценить влияние сотрудничества между КНР и РФ на безопасность Тайваня.

Ключевые слова: российско-китайское военное сотрудничество, безопасность в Восточной Азии, НОАК, безопасность Тайваня.

После событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь Европа и США установили эмбарго на поставки оружия в КНР. В результате Россия превратилась в основной источник вооружений для Китая¹, где важную роль стали играть подводные средства ведения боевых действий. За 20 лет непрерывного совершенствования подводные силы КНР приобрели способность пересекать так называемую первую цепь островов², которая значительно усиливает военную мощь США в западной части Тихого океана.

Экономический спад в России после распада СССР привел к сокращению оборонного бюджета и военных расходов. В 1993 г. было реализовано лишь 15–20% военных заказов, что серьезно повлияло на финансовое состояние российской оборонной промышленности. В результате около 20% предприятий отрасли обанкротились, а 40% столкнулись с проблемами выживаемости³. РФ пыталась найти выход из затруднительного положения на путях экономической активизации, повышения уровня занятости и поддержания технологических преимуществ.

Помимо экономических интересов Россия имела политические соображения, которые, главным образом, были сосредоточены на поддержании стабильности в ее внешней среде. Экспорт высоких технологий и систем вооружения в Китай помог выполнению этой стратегической цели⁴. Кроме того, у России появилась возможность усилить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе и укрепить позиции в диалоге с США и Японией через военное сотрудничество с КНР⁵.

Что касается военных интересов, то, по мнению российских военных специалистов, двустороннее сотрудничество способно повлиять на развитие китайских военных технологий оборонного характера, создав зависимость китайской стороны от российских военных поставок⁶. Такие продажи будут отвечать российским экономическим, политическим и военным интересам. По мнению российских аналитиков, даже с улучшением двусторонних отношений по-прежнему существует необходимость оценки влияния этих продаж на российскую стратегическую и военную безопасность. Несмотря на затруднительное положение Москвы в военно-промышленной и экономической сферах, это необходимо учитывать в первую очередь⁷.

В период 1992–2006 гг. продажи российского вооружения в Китай оценивались в 26 млрд долл., что составляло почти половину всего российского экспорта вооружений (58 млрд долл.). Россия является второй по величине страной—экспортером вооружений после США. Сделки по продажам между Россией и Китаем в объеме более 2 млрд долл. внезапно стали снижаться в 2006 г.

Причины падения были связаны не только с экспортом и торговлей, но и с вопросами комплексной безопасности, а также со стратегическими соображениями. Некоторые аналитики предполагают, что Россия отслеживала периоды, когда Китай становился конкурентом собственно российской оборонной промышленности. Например, профессор Шэн Динли из университета Фудань утверждал, что РФ отказалась продавать КНР высокотехнологичное оружие в связи с ее богатым опытом быстро копировать технологии, становясь в конечном итоге конкурентом.

Согласно мнению профессора Муравьева из Технологического университета Кертена в Австралии, Москва опасается, что Китай воспользуется оружием российского производства против самой же России в случае конфликта интересов между двумя странами. После введения эмбарго на поставки вооружений в 1989 г. Китай при помощи закупок российского военного вооружения продемонстрировал способность увеличить собственную военную мощь, а также сократить технологическое отставание от таких региональных конкурентов, как Тайвань, Южная Корея и Япония. В настоящее время российские военные эксперты спорят о том, был ли тот период пересмотром целей сотрудничества между двумя странами⁸.

Подводные средства ведения боевых действий — решающее звено в укреплении НОАК

Многие показатели, касающиеся становления и развития китайских военно-морских сил, свидетельствуют, что подводные силы КНР являются ключевыми для предотвращения вмешательства извне в региональных рамках⁹. В статье «Морская держава», опубликованной в феврале 2007 г., офицер разведки ВМС США Скотт Брей отметил, что

боевые надводные корабли сталкиваются с проблемами противолодочной обороны и ограниченными возможностями ПВО. Эта ситуация заставила китайское руководство ускорить военную модернизацию, делая акцент на развитии подводных сил.

Согласно докладу Пентагона о военной мощи Китая в 2007 г., на тот момент ВМС КНР имели около 58 подводных лодок, из которых более половины были построены в последние 10 лет или являлись новыми моделями, поставляемыми из России. Сейчас количество подводных лодок уменьшилось по сравнению с периодом распространения концепции «морской народной войны», которая призывала давать больше низкотехнологичных сражений с целью отпора кораблям противника. В настоящее время, однако, китайские подводные лодки стали более совершенными, чем прежде.

К середине 1990-х годов ВМС Китая завершили разработку двух модернизированных эсминцев (051 Luda II, III), пяти новых видов эсминцев (051В Luhai, 051С Luzhou, 052В Luyang I, 052С Luyang II), одного улучшенного эскортного эсминца (053 Jianghu II), а также пяти типов новых эскортных эсминцев (053Н2 Jianghu, 053Н2G Jiangwei I, II 053Н3 Jiangwei, 054 Jiangkai I и 054А Jiangkai II). КНР приобрела также четыре современных российских эсминца (табл. 1).

Таблица 1

Основные китайские морские силы за последние годы

Тип судна	Наименование	Северный морской флот	Восточный морской флот	Южный морской флот	Всего
Эсминцы					
051С	Luzhou	2	0	0	2
052С	Luyang II	0	0	2	2
052В	Luyang	0	0	2	2
956ЕМ	Современный	0	2	0	2
956	Современный	0	2	0	2
051В	Luhai	0	0	1	1
052	Luhu	2	0	0	2
051	Luda	6	4	6	16
Промеж. итог	—	10	8	11	29
Фрегаты					
054А	Jikaiang II	0	0	0	0(5)
054	Jiangkai	0	2	0	2
053Н3	Jiangkai II	0	6	4	10
053Н2G	Jiangwei	0	4	0	4
053Н2	Jianghu	0	3	0	3
053Н/Н1/Н1G	Jianghu I, II	4	12	12	28
Промеж. итог	—	4	27(2)	16	47(5)
Итого	—	14	35(2)	27	76(5)

Примечание. Цифры в скобках обозначают число строящихся судов.

Источник: URL: <http://www.sinodefence.com/navy/surface/default.asp>.

Последние данные свидетельствуют, что Китай активно наращивает «океанскую» составляющую военно-морских сил — авианосный флот. В соответствии с концепцией его развития в китайском ВМФ, первая авианосная ударная группа (АУГ), согласно прогнозам, будет представлена авианосцами среднего класса, двумя эсминцами, двумя или тремя эскортными эсминцами и двумя атомными подводными лодками. Дан-

ная группа может классифицироваться по первому боевому классу и рассматриваться как группировка ВМФ КНР в Южно-Китайском море с базой на о. Хайнань¹⁰.

В силу особенности «быть невидимыми» субмарины способны осуществлять внезапные атаки без прикрытия или поддержки со стороны других сил. Они могут эффективно осуществлять рейды, преследования, блокады и выполнять другие задачи эффективного стратегического и тактического сдерживания. В мирное время субмарины содействуют повышению эффективности обнаружения подводных судов, способны совместно с надводным флотом участвовать в повышении качества противолодочных учений военно-морских и военно-воздушных сил, а также совершенствовании навыков в сфере гидрологии. В военное время они могут отслеживать предупредительные сигналы, осуществлять блокаду и операции по минированию водных пространств, выполнять другие специальные задачи¹¹.

Современное состояние и перспективы развития китайского подводного флота

В последние годы китайские подводные лодки стали интенсивно расширять зону своих действий. Так, например, японский патрульный самолет Р-3С засек китайскую подводную лодку класса «Мин», которая держала курс на запад и вошла в пролив Осуми в 40 км к востоку от г. Сатамисаки в префектуре Кагосима¹² и в 18 км от японских территориальных вод. Пролив Осуми находится между островами Кюсю и Танэгасима, где располагается новый японский космический центр и ракетный стартовый комплекс¹³.

10 ноября 2004 г. японский патрульный самолет Р-3С вновь обнаружил неопознанную подводную лодку, которая зашла в территориальные воды Японии к юго-востоку от о. Исигаки и держала курс на север. Согласно ст. 82 Закона о Силах самообороны Японии, тогдашний премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми объявил «полную морскую боеготовность». Как стало известно позже, неопознанной субмариной оказалась китайская атомная подводная лодка класса «Хань»¹⁴. 13 ноября 2006 г. газета Washington Times сообщила, что 26 октября 2006 г. ракетно-торпедная подводная лодка класса «Сун» всплыла на поверхность и прошла на расстоянии пяти морских миль от американского авианосца «Китти Хок» в водах, примыкающих к Окинаве. Этот инцидент не был подробно объяснен ни ВМС, ни Министерством обороны США¹⁵. Тем не менее американские и европейские аналитики были шокированы сообщением британской газеты Daily Mail от 11 ноября 2007 г. о новом появлении ракетно-торпедной подводной лодки класса «Сун» рядом с боевой группой «Китти Хок»¹⁶. По мнению автора, многие операции китайских подводных лодок по-прежнему остаются в секрете.

Согласно данным, опубликованным Министерством обороны США в 2006 г., строительство китайских и американских подводных лодок в том году оценивалось в соотношении 14:1, при этом все американские подводные лодки были ядерными¹⁷.

Китай активизирует развертывание своих подводных сил на Восточном и Южном флотах. Военно-морские базы Сяншань и Чжоушань 42-й флотилии Восточного флота разработали комплексную инфраструктуру для дизельных подводных лодок. Четыре из восьми подводных лодок проекта «Кило», закупленных в России, были развернуты в Сяншане. Все они оснащены противокорабельными ракетами. Станции хранения воздуха высокого давления и ракетные комплексы KLUB-S для субмарин были с помощью России установлены на базе Сяншань. Она может принимать от 12 до 18 подводных лодок, в то время как база Чжоушань — от 8 до 16. Подводные лодки класса «Кило» и класса «Сун» (тип 039А) размещены на базе Сяншань¹⁸.

Согласно последним данным, одна-две подводные лодки класса «Кило» (тип 636), две класса «Сун» (тип 039) и шесть класса «Мин» (тип 035G) — самые модернизированные китайские подводные лодки — развернуты на базе Юйлинь Южного флота.

Также есть информация о том, что ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПКСН), вооруженный баллистическими ракетами, должен войти в состав Южного флота. Кроме того, в Юйлине были обнаружены объекты технического обеспечения, базы логистической поддержки, установки для запуска ракет с подводных лодок, а также средства, обеспечивающие снабжение топливом. Учитывая скорость расширения инфраструктуры, западные обозреватели предсказывали, что Южный флот будет иметь такое же важное стратегическое значение, как Северный, где будут реализованы важные стратегические задачи. РПКСН класса «Хань» и субмарины типа 093А развернуты на Южном флоте, действующем в диапазоне до Индийского океана. В конечном итоге в случае конфликта в Тайваньском проливе появится возможность наблюдать за военно-морскими действиями США в Индийском океане и в Малаккском проливе, а также осуществлять различные подводные наблюдения и проводить наступательные операции¹⁹.

Наконец, стоит отметить, что подводные лодки класса «Сун» типа 039А, принадлежащие Восточному флоту, также появились на базе Люйшунь Северного флота. Это могло быть сделано с целью проведения совместных учений НОАК или подготовки к развертыванию дизельных подводных лодок на Северном флоте. Дизельные субмарины класса «Юань» типа 039А сейчас находятся в стадии производства. Пока непонятно, будут ли эти подводные лодки располагаться в Северном флоте или они будут предназначаться для балансировки японских подводных сил²⁰.

Подводные лодки — ключевое звено в закупках вооружений Тайванем

Морские разработки КНР оказывают непосредственное влияние на США, а также на одного из их ключевых союзников — Тайвань. Учитывая мощь военно-морских сил КНР, Тайвань также стремится расширять возможности своего подводного флота. Всего в арсенале тайваньского флота находится четыре подводных лодки, но только две из них (класс «Цзяньлун») способны проводить боевые операции. Это явное свидетельство его недостаточной боеспособности. Тайваню необходимо иметь как минимум 10 подводных лодок, чтобы соответствовать предъявляемым к боевым средствам требованиям: развертывание на море в военное время, расчет периода эксплуатации и времени для выполнения задания, расчет времени для подготовки к проведению операции, техническое обслуживание и т.д. Начиная с 1995 г. Тайвань выражал желание приобрести новое поколение дизельных электрических подводных лодок.

В 2005 г. Министерство национальной обороны Тайваня выступило с заявлением о том, что баланс сил в регионе может быть нарушен в 2006 г., и уже к 2012 г. у КНР будет значительное военное превосходство над Тайванем. При достаточном количестве закупленных вооружений ситуация могла измениться, что способствовало бы поддержанию стабильности в Тайваньском проливе в течение 30 лет²¹.

Таким образом, основной целью использования Тайванем подводных лодок является предотвращение контроля КНР над стратегическими водными просторами в регионе для того, чтобы отрезать Тайвань от внешнего мира. В связи с этим тайваньским подводным лодкам необходимо обладать мощностью, способной уничтожить китайский подводный флот, что также позволит надводному флоту Тайваня в случае внезапного вторжения противостоять десантным операциям.

Как отмечалось в докладе Министерства национальной обороны за 2006 г., в 2002 г. политика наращивания Тайванем военной силы перешла в стратегическом плане от пассивной стадии к активной. В соответствии с политикой «тотальной обороны» стратегическая концепция была изменена с «решительной обороны и эффективного сдерживания» на «активную оборону», что эквивалентно «эффективному сдерживанию и решительной обороне». «Эффективное сдерживание» подразумевает создание возмож-

ностей для нанесения контрудара и обеспечения оборонительного потенциала с эффектом сдерживания. Проведение активных исследований и создание возможностей для нанесения точечных ударов по силам противника заставит его отказаться от использования военной силы после рациональной оценки ущерба²².

В своей книге «Думать о невысказанном» Герман Кан отмечал, что сдерживание представляет собой контроль за действиями противника посредством его устрашения. Чтобы добиться успеха, сдерживающая сторона должна непрерывно информировать противника о том, что любые попытки прибегнуть к агрессии приведут к большим потерям и расходам. Они будут настолько велики, что превзойдут любые выгоды²³. Стратегический аналитик Томас Шеллинг утверждал, что сдерживание состоит из двух этапов: «сдерживание *ex ante*», или ожидаемое сдерживание, и «*revenge ex post*», т.е. осуществление возмездия. На их основе формируются две ключевые концепции. Согласно первой, сторона, которая хочет практиковать политику сдерживания, должна обладать достаточной боеспособностью. Согласно второй, в случае использования военной силы сторона противника потеряет больше, чем сможет приобрести²⁴. Джордж Кестер согласился с определением Кана и его двухступенчатой политикой сдерживания, однако добавил, что отказ от предупредительных мер не означает, что сдерживание потерпит фиаско. Все зависит от того, насколько сильны меры возмездия, чтобы сдерживать тех, кто потеряет больше, чем получит²⁵.

Существует мнение, что поскольку Тайвань не обладает ядерным оружием, у него нет возможностей сдерживать КНР. Поэтому тайваньской стороне необходимо своего рода «оборонительное сдерживание». Оно сочетает в себе как военные, так и политические средства и подразумевает всесторонние либо ограниченные усилия. С одной стороны, это зависит от собственных возможностей Тайваня, а с другой — от степени агрессивности противника. С целью достижения эффективности оборонительное сдерживание делает акцент на «прямые атаки на самые важные цели противника» и на «сильную решимость возмездия»²⁶. Самым быстрым и лучшим вариантом «эффективного сдерживания» является разработка ядерных вооружений или ракет класса «земля—земля». Из-за множества политических ограничений Тайвань не может развивать или получить ни один из видов этого мощного оружия. Сложившаяся ситуация заставила Тайвань отойти от ориентации на традиционные виды морских и воздушных боевых средств и начать осуществление политики «относительного сдерживания боевых возможностей».

Более 95% внешней торговли Тайваня и импорт его основного энергетического сырья — нефти зависят от морских перевозок. В случае блокирования маршрутов импорта энергоресурсов ВМС и ВВС Тайваня мгновенно окажутся «обездвижены». Китай получает 70% нефти из-за рубежа. Если бы Тайвань обладал способностью организовать его блокаду, это стало бы эффективным средством сдерживания КНР. Но это станет возможным лишь при наличии, по меньшей мере, 14 подводных лодок, обладающих достаточной боевой мощью для сдерживания китайской стороны²⁷. Один из бывших военно-морских специалистов Тайваня адмирал Лань Нинли отмечал, что острову необходимо иметь в арсенале 20 подводных лодок, учитывая тот факт, что их использование определяется качеством, а не количеством. В случае должного использования подводных лодок и их правильной дислокации они способны представлять реальную угрозу для противника. Он также подчеркивал, что из-за тесных отношений с США и Японией тайваньская сторона не может осуществлять наступательные действия, так как это способно повлиять на региональную стабильность и безопасность.

В случае войны в Тайваньском проливе для Тайваня было бы целесообразно занять «оборонительную позицию». В ответ на китайскую угрозу со стороны моря Министерство национальной обороны и военно-морского флота Тайваня ранее планировало приобрести в ближайшие 15 лет 10 подводных лодок. По оценкам, этого будет недостаточно: в ближайшие 15 лет тайваньскому флоту необходимо получить 14–18 ди-

зель-электрических подводных лодок, для того чтобы достигнуть потенциала «эффективного сдерживания».

Влияние помощи России в развитии подводного флота КНР на ситуацию в Тайваньском проливе

Баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе и российско-китайское сотрудничество будут играть важную роль в случае любого конфликта в Тайваньском проливе. Будучи членом БРИКС, Россия возобновила движение в направлении приобретения статуса мировой державы. Кроме того, она является единственной страной, поставляющей в КНР системы вооружений. Обладая значительной мощностью, РФ вновь начала сосредотачивать внимание на интересах собственной национальной безопасности. Российско-китайские отношения куда крепче, чем российско-американские, хотя по-прежнему остаются относительно непредсказуемыми. Недовольство России связано с намерениями Китая копировать российские вооружения. Но даже несмотря на это отношения между Россией и Китаем имеют большое значение для поддержания баланса сил и мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе²⁸.

Китай и Россия также расходятся во мнениях относительно проблем в Тайваньском проливе. МИД РФ занимает четкую позицию поддержания политики «одного Китая», одновременно призывая китайское правительство к мирному урегулированию. Позицию России можно трактовать как «мирное объединение». Любой конфликт в Восточной Азии будет служить основанием для укрепления американо-японского альянса и включения Австралии в региональный блок, что противоречит интересам РФ.

Степень использования Китаем российских технологий для разработки передовых подводных лодок остается важным вопросом, который будет оказывать влияние на ключевые региональные отношения, а также непосредственно на национальную безопасность США. КНР никогда полностью не полагалась на РФ. После 1990-х годов Китай настаивал не только на передаче технологий, но и на повышении доли соответствующих систем вооружения китайского производства. Россия согласилась с этими требованиями и уполномочила своих оборонных подрядчиков оказывать содействие Китаю в производстве реактивных истребителей, систем запуска космических ракет, подводных лодок и надводных кораблей. Исходя из своих национальных интересов, России предстоит решить важный вопрос — будет ли она продавать китайской стороне усовершенствованные подводные лодки класса «Лада» или будет помогать КНР разрабатывать новые собственные субмарины²⁹.

Заключение

Американские доклады последних лет показывают, что число китайских подводных лодок и надводных кораблей (эсминцев и фрегатов) увеличивается из года в год. Если в течение ближайших 15 лет рост будет стабилен, то к 2023 г. китайский флот будет иметь в боевом составе максимум 51, а минимум 38 подводных лодок. Что касается надводных кораблей, то он сможет отправить в бой максимум 85 и минимум 64 судна (табл. 2).

На протяжении последних десяти лет Министерство обороны США, публикуя ежегодные доклады, продолжает уведомлять Конгресс о развитии китайской военной индустрии.

В отчете за 2010 г. администрация Обамы, видимо, изменила реакцию на растущую военную мощь КНР. Во-первых, США поменяли название доклада с «Ежегодного отчета Конгрессу: военная мощь Китайской Народной Республики» на «Ежегодный отчет Конгрессу: развитие военной и оборонной сфер КНР». Новое название акцентировало внимание на «военном развитии Китая», а не на «военной мощи». Во-вторых, в годо-

вой отчет редко включают цитаты из выступлений президента США, однако они были представлены в выпуске за 2010 г.: «Американо-китайские отношения не обходятся без разногласий и трудностей, однако у нас нет повода становиться противниками»³⁰. В докладе указывалось, что Барак Обама поддерживает проведение обменов и диалога с китайской стороной, а не критикует ее действия. В докладе 2010 г. был также добавлен новый раздел «КНР — США: военные контакты», подтверждавший желание Обамы проводить обмены и диалоги с китайской стороной. Этот отчет следующим образом подчеркивал важность взаимных обменов: «Устойчивые и надежные двусторонние военные отношения будут строиться путем уменьшения недоверия и непонимания, а также — расширения сотрудничества»³¹.

Таблица 2

**Предполагаемое число китайских подводных лодок и надводных кораблей
в течение 15 лет**

Год / Тип	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Дизель-электрич. подводная лодка (ПЛ)	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67
Ядерная ПЛ	5	5	5	6	6	6	7	7	7	8	8	8	9	9	9
Всего	58	59	60	62	63	64	66	67	68	70	71	72	74	75	76
Наибольшее количество*	39	39	40	41	42	43	44	45	45	47	47	48	49	50	51
Наименьшее количество**	29	29	30	31	32	32	33	34	34	35	36	36	37	38	38
Эсминец	25	27	29	31	33	35	37	39	41	43	45	47	49	51	53
Фрегат	47	49	51	53	55	57	59	61	63	65	67	69	71	73	75
Всего	72	76	80	84	88	92	96	100	104	108	112	116	120	124	128
Наибольшее количество*	48	51	53	56	59	61	64	67	69	72	75	77	80	83	85
Наименьшее количество**	36	36	40	42	44	46	48	50	52	54	56	58	60	62	64

* Наибольшее количество операций — отправка 2/3 от общего числа.

** Наименьшее количество операций — отправка половины от общего числа.

Источник: Сбор данных осуществлен автором статьи.

В годовом отчете также указывалось, что «Китай продолжает разрабатывать меры по сдерживанию или борьбе с вмешательством третьей стороны, включая США, в разрешение кризиса в Тайваньском проливе. Подход Китая к решению этой проблемы проявляется в постоянных усилиях развивать наступательную способность, а также готовить боевые силы, которые можно направлять в западную часть Тихого океана» — регион, который Пентагон характеризует как «регион антидоступа». В Белой книге КНР о национальной обороне за 2008 г. сказано, что одним из приоритетов развития вооруженных сил Китая является «увеличение способности страны к поддержанию безопасности в морском, космическом и киберпространстве». «Антидоступ» подразумевает ограничение и контроль доступа внешних сил к периферии Китая, в том числе в западной части Тихого океана.

Благодаря оказанию Россией технологической помощи КНР у китайской армии резко повысился уровень вооружений, особенно морских. Как отвечать на военное развитие Китая? Для этого США необходимо постоянно заниматься мониторингом военного роста НОАК, а также поставлять подходящее оружие соседям КНР, в т.ч. Тайваню, чтобы предотвратить любую возможность возникновения конфликта из-за военного дисбаланса между двумя сторонами Тайваньского пролива.

1. China: Military Imports from the United States and the European Union since the 1989 Embargoes. Washington. D.C.: United States General Accounting Office. 1998. P. 2.
2. Первая цепь островов включает Японию, цепь островов Рюкю, Филиппины и о. Борнео.
3. "Glukhikh Reports on Defence Industry's Conversion", ITAR-TASS (Moscow), 7 Dec 1993, in BBC Summary of World Broadcast (SWB), SU/1871, 14 Dec 1993, p.S1/2.
4. *Boliatko, Anatoly*. Military and Technological Cooperation, and Prospects of Russian-Chinese Strategic Interaction // *Far Eastern Affairs*. 1997. No. 3. P. 55.
5. *Menon Rajan*. The Strategic Convergence between Russia and China // *Survival* (Oxford University Press / UK) 39. 1997. No. 2. P. 101.
6. *Rybas, A.L. Lt. Col*. Military-Technical Cooperation and National Security // *Military Thought* 6. 1997. No. 5. P. 3.
7. Interview with Col-Gen. Vladimier Zhurbenko, First Deputy Chief of Russian Armed Forces General Staff and Member of the Interdepartmental Commission for Russian Military-Technical Cooperation with Foreign Countries. *Krasnaya zvezda* (Moscow), 27.08.1994. P. 4 // FBIS-SOV-94-169. 31 Aug 1994. P. 30-32.
8. The Arms Sale Honeymoon Is Over and Suspicion Is Growing between China and Russia // *E-Liberty Daily*. URL: <http://www.libertytimes.com.tw/2008/new/mar/4/today-int4.htm>. 4 March, 2008.
9. Там же.
10. The Strategic Intention and Threat of the Development of CPC // *Youth Daily* (Taiwan). 18.01.2006. P. 3.
11. Submarines Have a Decisive Impact on the Maintenance of National Security and Interest // *Youth Daily* (Taiwan). 05.05.2004. P. 2.
12. Chinese Submarines Sails South Japan // *World Forum*. URL: <http://www.wforum.com/specials/articles/11/1015.html>. 11.01.2004.
13. Ibid.
14. *Wang, Jyh-peng*. Intrusion of Chinese Submarine into Japan to Consider Defense of Taiwan // *Defense Policy Review* 5. No. 4 (Summer 2005). P. 74-78.
15. *Gertz, Bill*. China Sub Stalked U.S. Fleet // *Washington Times*. URL: <http://washingtontimes.com/national/20061113-121539-3317r.htm>.
16. *Matthew, Hickley*. The Uninvited Guest: Chinese Sub Pops up in Middle of U.S. Navy Exercise, Leaving Military Chiefs Red-Faced // *Mail Online*. 11.01.2007. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-492804/The-uninvited-guest-Chinese-sub-pops-middle-U-S-Navy-exercise-leaving-military-chiefs-red-faced.html>.
17. По данным доклада 2008 г. о китайских вооруженных силах, опубликованном Департаментом национальной обороны США, в общей сложности Китай обладает 59 подводными лодками. Около 30 из них были либо приобретены в России, либо являются новыми моделями, построенными в течение последних 10 лет. Их число стало значительно сокращаться с 1980-х годов, когда КНР развертывала 85 подводных лодок согласно концепции «народной войны». В настоящее время Китай разрабатывает субмарины, которые технологически гораздо более сложны в конструкции и демонстрируют более высокие показатели качества. *Military Power of the People's Republic of China*. U.S. Office of the Secretary of Defense, 2008: 64.
18. China Strengthens East China Fleet // *Kanwa Intelligence Review* (October 2006): 25. Согласно аналитическому докладу Министерства национальной обороны за 2007 г., посланному в Законодательный Юань 31 августа 2007 г., новые боевые корабли в арсенале НОАК включают эсминец класса «Люйчжоу» (тип 051С), эсминец класса «Люйянь» (тип 051), фрегат класса «Цзянкай» подлодки класса «Шан» (тип 093) (Шан класс), РАКСН типа 094, класса «Сун» и класса «Кит-

- ло». Они были развернуты в Восточном и Южном флотах, чтобы вести войну в первой цепи островов.
19. Chinese Navy Re-Deploys Han-Class Nuclear Submarines // *Kanwa Intelligence Review* (September 2005): 23.
  20. Will Yuan Class Submarine Be Deployed at North Sea Fleet? // *Kanwa Defense Review* (January 2006): 16–17.
  21. Facing a Bright Future: Maintaining Stability in the Taiwan Strait Steady in the Next 30 Years. Brochure on the Three Arms Procurements published by the Ministry of National Defense of ROC. 2005: 18.
  22. 2006 National Defense Report of the Republic of China. Taipei: MND of ROC, 2006a.
  23. *Khan, Herman*. Thinking About the Unthinkable. New York: Horizon Press, 1962. P. 173–191.
  24. *Schelling, Thomas C.* The Strategy of Conflict. New York: Oxford University Press, 1963. P. 7–8. 11.
  25. *Quester, George H.* Some Thoughts on 'Deterrence Failures // Perspectives on Deterrence / ed. by Paul C. Stern, Robert Axelrod, Robert Jervis and Roy Radner. New York: Oxford University Press, 1989. P. 52–57.
  26. *Chen, Wei-lua*. The Construction of Taiwan Defensive Deterrence // *Journal of Strategy and International Studies* 3. 2001. No. 4. P. 80–88.
  27. The Procurement of Submarines Is Necessary for the Prevention of War // *Youth Daily* (Taiwan). 10.03.2004. P. 1.
  28. *Pinkov, A. Y.* How Russia Will Act. If War Breaks out in the Taiwan Strait // *Kanwa Intelligence Review* 41. March 2008. P. 50–53.
  29. The Arms Sale Honeymoon Is over and Suspicion Is Growing between China and Russia // *E-Liberty Daily*. URL: <http://www.libertytimes.com.tw/2008/new/mar/4/today-int4.htm>. 04.03.2008.
  30. Annual report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010. Office of U.S. Secretary of Defense. 2010. P. 1.
  31. Ibid.

Политическая идеология русской эмиграции в Маньчжурии: проблема возрождения России

© 2017

Е.Е. Аурилене, Н.П. Бучко

В статье исследуются политико-правовые взгляды русских политиков, эмигрировавших в Маньчжурию после Октябрьской революции и Гражданской войны в России. В поисках модели для будущей российской государственности одни из них следовали в русле современных тенденций западной политико-правовой идеологии, другие возвращались к традиционной формуле «самодержавие, православие, народность».

Ключевые слова: русские эмигранты, русский Харбин, государственный идеал, русский фашизм, солидаризм, социал-дарвинизм.

После Октябрьской революции и Гражданской войны в России в полосе отчуждения КВЖД нашли приют десятки тысяч эмигрантов, своим появлением взорвавших благополучный быт «счастливой Хорватии»¹. Харбин с его размеренным, патриархальным укладом жизни закипел политическими страстями, привнесенными в атмосферу имперского колониального города инерцией Гражданской войны. В гуще идеологических споров находились бывшие чины белых армий, члены несостоявшихся антибольшевистских правительств, юристы, журналисты и вузовская профессура, формировавшая мировоззрение эмигрантской молодежи. Многие верили в неизбежный крах большевизма, строили планы политико-правового устройства новой России, осмысливая причины поражения белого движения.

Белые генералы о «национальной России»

Практически все крупные политические организации, созданные русскими эмигрантами в Европе, имели свои отделения на Дальнем Востоке. Среди белых генералов преобладали монархисты, уверенные в том, что в основе государственности всегда лежит традиция, а величие России испокон веков держалось на самодержавии и православии. Во взглядах монархически настроенных эмигрантов принципиальных расхождений не было, зато были разногласия по поводу политического лидерства. Как и в Европе, на

Аурилене Елена Евлампиевна, доктор исторических наук, профессор Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: elena_aurilene@mail.ru.

Бучко Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: buchko65@mail.ru.

Дальнем Востоке они разделились на два лагеря: «легитимистов», признававших право на корону Российской империи за Кириллом Владимировичем, и Русский общевоинский союз (РОВС), поддерживавший Николая Николаевича.

В монархических кругах Харбина большим политическим авторитетом пользовался генерал Д.Л. Хорват, известный своими консервативными взглядами. Радикальную реформу как средство для улучшения государственного порядка он отрицал, был человеком дела и сторонником закона. Формальным переменам институтов власти он предпочитал совершенствование хозяйственной жизни государства. Свое участие в политической борьбе в годы Гражданской войны Д.Л. Хорват объяснял желанием восстановить в стране национальную верховную государственную власть. В идеологических спорах эмигрантов он активного участия не принимал, хотя в разногласиях монархического лагеря занимал позицию РОВС. «Харбинский» период эмигрантской жизни Д.Л. Хорвата был коротким: в 1920 г. он уехал в Пекин и прожил там до своей смерти в 1937 г.

Тема возрождения «национальной России» особенно оживилась на страницах эмигрантских изданий в период японской оккупации Маньчжурии (1931–1945 гг.). Японская военная миссия, фактический хозяин Маньчжоу-го, развернула пропагандистскую кампанию, нацеленную на единение эмиграции против большевизма, уничтожившего прежние национальные ценности России. Вернуть утраченное Отечество предполагалось с помощью японского оружия, на которое эмигранты могли рассчитывать при условии соответствующей политической лояльности. Для консолидации беженской колонии было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), головное учреждение которого — Главное бюро (ГБРЭМ) — находилось в Харбине. Во главе этого «эмигрантского правительства», сменяя друг друга, стояли белые генералы: В.В. Рычков (1934–1935), А.П. Бакшеев (1935–1938), В.А. Кислицин (1938–1943) и Л.Ф. Власьевский (1943–1945)². Все они были монархистами, в силу сложившейся исторической ситуации принявшими идею японской помощи для борьбы с большевизмом.

Количеством и масштабом сочинений на патриотическую тему выделяется В.А. Кислицин. Из-под его пера в Харбине вышло четыре книги, три из которых содержат размышления о «российской идее», Гражданской войне и причинах поражения белого дела³. Представляя легитимистское крыло монархизма, генерал Кислицин был озабочен воспитанием эмигрантской молодежи в духе традиционных ценностей Российской империи, выраженных в триаде «Бог, Царь, Отечество». В православии он видел единственную силу, способную творить гармонию в русской душе, а возрождение России связывал с восстановлением законной монархии. В книге «Пути русской молодежи» Кислицин говорит от имени отцов, несущих бремя вины перед своими детьми. Причины трагедии белого движения видятся ему в отсутствии программы, четких лозунгов и твердых обещаний, слабой агитации и пропаганде. «Пути русской молодежи» — призыв к эмиграции воспитывать детей в духе патриотизма через изучение великой истории Отечества. Исключительный пример служения Родине Кислицин находит в судьбах российских императоров и знаменитых полководцев⁴.

Колоритной политической фигурой в Маньчжурии был атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семёнов, в период Маньчжоу-го провозглашенный лидером российской эмиграции. В годы Гражданской войны его государственно-идеологические взгляды складывались в зависимости от политической конъюнктуры. 28 апреля 1918 г. сформированное им Временное правительство Забайкальской области декларировало автономию Сибири, законность и правопорядок в регионе, созыв Сибирского Учредительного собрания⁵. Сепаратистские устремления атамана, поощряемые японцами, нашли свое выражение в поддержке открывшегося 25 февраля 1919 г. в Чите съезда сторонников панмонголизма. Итогом работы съезда стало заявление о создании независимого «Велико-монгольского государства», формируемого на основе принципов федерализма⁶. В новое госу-

дарство должны были войти Внешняя Монголия, Внутренняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят.

Проект оказался авантюрой, но политическая конъюнктура снова дала атаману повод вернуться к идее сибирской государственности. После падения Колчака Семёнов сформировал «Правительство Российской Восточной окраины», а 6 июня 1920 г. в столице Забайкалья начало работу Краевое народное совещание, преобразованное в Народное Собрание⁷. После того, как с местными парламентариями договориться не удалось, атаман начал сепаратные переговоры с большевиками Приморья. Результатом стал подписанный 24 августа 1920 г. так называемый Хадабулакский акт об объединении Приморья и Забайкалья в единое государственное образование, именуемое в среде белых «пьяным манифестом»⁸.

В Маньчжурин Семёнов написал мемуары, в которых попытался осмыслить свой боевой путь в Сибири и на Дальнем Востоке. Под названием «О себе: Воспоминания, мысли, выводы» они были опубликованы в 1938 г. в Дайрене и Харбине. Размышления о будущей российской государственности он представил как «государственную доктрину», являющуюся «общей, психологически объединяющей формулой», которая укладывается в понятие «*Россизм*». В ее основе лежит безусловное отрицание большевизма, разрушающего основы национального государства. Семёнов подчеркивает разницу между понятиями «*русский*» и «*российский*». Доктрина «*Россизма*» предполагает союз всех народов России, основанный на признании права на культурно-национальную и территориальную автономию, религиозную, личную и идеологическую свободу в рамках единого государственного закона. Таким образом, взгляды Семёнова вполне укладываются в либерально-демократическое русло за одним исключением: идеологическая свобода, допускающая многопартийность, не распространяется на коммунистов⁹.

«Россизм», вероятно, был уступкой эмигрантской общественности, не принявшей идею Сибирского «буфера» и обвинявшей Семёнова в намерении расчленить Россию. Однако поощряемый японскими покровителями атаман от сепаратизма не отказался. В 1941–1942 гг. в надеждах на скорое крушение большевизма он занимался подбором кадров на руководящие должности в аппарате буферного государства и даже наметил кандидата на пост митрополита.

Харбинские юристы: в поисках новой России

Среди известных политиков времен Гражданской войны, обосновавшихся в Харбине, были профессиональные юристы, которые в эмиграции пополнили ряды вузовской интеллигенции. За их плечами стоял неудавшийся опыт государственной деятельности в годы «русской смуты». Г.К. Гинс был членом Временного Сибирского правительства и правительства Колчака. Н.В. Устрялов руководил пресс-бюро Сибирского правительства, а В.Ф. Иванов возглавлял Приамурское правительство. Они стояли на разных идеологических позициях и вели активную полемику на страницах эмигрантской прессы и публичных собраниях, отстаивая свое видение перспектив развития российской государственности.

Взгляды русских юристов в основном отражали модные тенденции в развитии европейской теоретической юриспруденции первой половины XX в. Пережив крушение империи и трагедию Гражданской войны, кое-кто из них изменил свои представления об идеальной форме государства «слева направо». Так, В.Ф. Иванов, увлекшийся в свое время парламентаризмом, в эмиграции вернулся к *монархическому* принципу организации власти. В 1932 г. в докладе, озаглавленном «В поисках государственного идеала», предназначенном для деловой харбинской публики, он подверг критике три главных дефицита европейской политико-правовой идеологии: либерализм, демократию и фашизм. Аргументируя свои рассуждения ссылками на авторитеты и социально-политическую

ситуацию в Европе, бывший лидер Приамурского правительства назвал главной причиной всех бедствий демократический принцип власти. Парламентаризм, по его словам, всего лишь красивая ложь, так как парламенты создаются не свободной волей, а подкупом и шантажом. В них побеждают не умные и сильные, а наиболее ловкие и наглые, «управляет не народ, а денежные люди и спекулянты»¹⁰. Не случайно демократия в Италии закончилась диктатурой Муссолини, польский сейм привел к неограниченной власти маршала Пилсудского, а власть Временного правительства в России закончилась большевистским переворотом. Даже страна классической демократии и парламентаризма, Англия, и та переживает тяжелейший кризис.

Глубинной причиной кризиса власти Иванов называет религиозно-духовный кризис человечества, начавшийся еще в эпоху Реформации. Именно тогда рационализм возвысился над религией, был поставлен под сомнение авторитет церкви. Вину за чрезмерное увлечение рационализмом и отрицание идеи божественного происхождения государства Иванов возлагает на автора теории общественного договора Дж. Локка и его французских последователей эпохи Просвещения. Французы виноваты больше, так как вульгаризировали принципы английского гения и тем самым подточили основы государства и общества. Марксизм тоже явился логическим следствием Реформации, поставившей целью переустроить жизнь людей без участия Бога¹¹.

Русской интеллигенции досталось от Иванова за то, что не создали русского государственного права и участвовали в разрушении государственного идеала. А «идеалом», по его мнению, является коренящаяся в глубинах российской истории самодержавная монархия. Все прочие модные идеи современности для России не годятся. Фашизм силен дисциплиной, национализмом и патриотизмом, но слаб из-за авторитаризма вождя и отсутствия исторических корней. Если выбирать между двумя вариантами фашизма, русскому человеку ближе германский национал-социализм, так как Гитлер борется с большевиками, а Муссолини с ними заигрывает. Однако между русским национализмом и расизмом нет ничего общего, поэтому и германский фашизм для России не подходит. Концепция солидаризма не выдерживает критики в силу своей эклектичности. Евразийство привлекательно лишь как культурно-историческое движение, политическая же сторона его опасна соглашательством с большевиками¹².

Ностальгию Иванова по «самодержавию, православию и народности» разделяли далеко не все представители эмиграции. Мыслящая молодежь, разочарованная в традиционной монархической идеологии отцов, проигравших Гражданскую войну, искала новые идеи для построения будущего Российского государства. Фашизм, набиравший популярность в Европе, показался многим перспективной моделью, способной обеспечить социальную справедливость и национальный интерес. В 1926 г. группа выпускников и студентов Юридического факультета создала в Харбине Российскую фашистскую организацию, которая в 1931 г. была преобразована в Российскую фашистскую партию (РФП) во главе с К.В. Родзасевским. Идеология РФП была причудливой смесью итальянского фашизма и русского православия, отличалась радикальным антисоветским настроем и звала к решительной борьбе с мировым коммунизмом. После свержения советского строя программа РФП предполагала установление временной фашистской диктатуры, которая должна была привести страну к созыву Всероссийского земского собора. Так должна была называться высшая государственная власть России, состоящая из верхнего слоя национальных корпоративных объединений. Духовная связь фашизма с православием выражалась в лозунге «Бог. Нация. Труд». Официальный партийный праздник был установлен в почитаемый эмигрантами День Святого Владимира и проходил под девизом «Под стягом Святого Владимира — к возрождению Святой Руси!»¹³.

Русская национальная идея, которую исповедовал местный «дуче», была изрядно приправлена антисемитизмом, ставшим поводом для раскола внутри партии: не все «соратники» (так называли себя русские фашисты) ставили знак равенства между нацио-

нализмом и нацизмом. Антисемитизм стал одной из причин, по которым не состоялся альянс РФП с русской фашистской группой, созданной в Америке русским эмигрантом, бывшим белым офицером, А.А. Вонсяцким¹⁴. В 1939 г. Родзаевский убеждал соотечественников в том, что он не претендует на роль национального вождя или диктатора, но его задача «...бросить в массы свет правдивой идеи, способной поднять Россию со дна пропасти, куда ее столкнули»¹⁵. Фашистская диктатура будет необходима для переходного периода от власти ВКП(б) к Земскому собору. Она возьмет на себя «черновую» работу по организации национальных корпораций, которые в последующем смогут представлять Россию в высшем органе власти. Кстати, пишет Родзаевский, ничего страшного в национальной диктатуре нет, потому что в реальной жизни никогда не правит большинство. Народом руководит меньшинство, «и лучше для Нации, если это меньшинство будет национальный отбор из всех классов населения, а не аристократия или демократический кабак политиканов, служащих различным группам отечественного или международного капитала». Национальная диктатура отличается от партийной диктатуры тем, что опирается на всю нацию, все классы, существующие в обществе, и потому «отражает волю и устремления Нации, всех классов в лице их инициативных и волевых верхушек»¹⁶.

В 1941 г. в брошюре «Иуда на ущербе» в духе дремучего антисемитизма Родзаевский обрушился на «иудо-коминтерн» и воспел национал-социалистическую Германию, которая воюет с мировым иудаизмом. Агрессия Гитлера в Европе «оправдана исторической неизбежностью, стремлением германской нации сбросить версальские цепи и спасти человечество от коммунизма»¹⁷. В 1945 г., после разгрома Германии и Японии, маньчжурский дуче «прозрел» и даже написал покаянное письмо Сталину. Он признал свою борьбу с советской властью трагической ошибкой, так как между большевизмом и русским фашизмом оказалось много общего. За годы советской власти «интернациональный марксизм» трансформировался в «ленинский национализм» и «всечеловеческий сталинизм», а религия «обрела свой первохристианский основной смысл и стала религией трудящегося народа»¹⁸. Трудно сказать, насколько искренним было раскаяние Родзаевского, но точно известно, что вождь всех трудящихся не одобрил идею сущностной близости фашизма и большевизма. В 1946 г. вождь русского фашизма был казнен вместе с Г.М. Семёновым и другими эмигрантами из Маньчжурии, признанными виновными в диверсиях, терроризме и вооруженной борьбе против СССР.

Автор многих работ по проблемам права, этики, политики и социальной психологии, профессор Юридического факультета Г.К. Гинс был известен в Харбине как приверженец теории *солидаризма*. В 1930 г. вышла в свет его книга «На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму», которая дала повод эмигрантской прессе объявить его сторонником фашизма. Гинс утверждал, что единственной привлекательной стороной фашизма является идея социальной солидарности, использованная Муссолини в качестве теоретической основы для своей доктрины.

Концепция солидаризма стала теоретической основой магистерской диссертации Г.К. Гинса по водному праву, которая была успешно защищена в Париже в 1928 г. В истории появления водных сообществ отчетливо прослеживается принцип общего интереса, лежащий в основе социальной солидарности. Они возникали спонтанно на базе совместных интересов в строительстве и эксплуатации ирригационных сооружений и организации контроля за распределением воды среди партисров. Общий интерес заложен в основу кооперативных и профессиональных союзов, создаваемых по инициативе снизу. Гинс подчеркивает принципиальное отличие в понимании солидаризма фашистами: в доктрине Муссолини солидаризм возникает не снизу, а сверху, по инициативе государства. Так же, по мнению Гинса, действовало советское государство, и поэтому можно считать фашизм и коммунизм двумя сторонами одной медали.

Солидаризм, как считал Гинс, предлагает ключ к решению многих проблем современного государства. Например, если законодательство обеспечивает государствен-

ную поддержку слабых социальных слоев, значит, реализуется солидарность всей нации. Привлекательность теории солидаризма заключается уже в том, что она составляет серьеозную оппозицию классовой теории Маркса¹⁹.

В интеллектуальных поисках русской профессуры на темы социальной гармонии нашлось место и *социал-дарвинизму*. В 1942 г. в сборнике статей и переводов под общим названием «Социальная опасность» профессор и последний ректор Юридического факультета Н.И. Никифоров обрушился с критикой на философию эпохи Просвещения, утвердившую веру в естественно-правовое равенство людей и неограниченные возможности образования и воспитания. На самом деле, писал автор, миром управляет наследственность, и проблема власти заключается в том, что иногда она оказывается в руках людей с «дефективной наследственностью». Ослабление здоровья человечества в результате отдаления от природы приводит к вырождению нации. Последнее, в свою очередь, является причиной гибели государства. Свидетельством тому является крушение могущественных когда-то держав — античных Греции и Рима, Древнего Египта и др. Ни конституционализм, ни республиканизм не способны оградить общество от проникновения во власть людей с испорченной наследственностью.

Порче подвластны и гениальные умы. — пишет автор. К так называемым высшим дегенератам он относит Ж.Ж. Руссо, психические аномалии которого обусловили его убежденность в естественном равенстве людей и абсолютизме народного суверенитета. Теория равного для всех естественного права представляется Никифорову наиболее пагубной для человечества, так как в мире действует «железный закон неравенства» и никакие внешние усилия не способны изменить наследственную природу человека. Опираясь на исследования авторитетных, с его точки зрения, генетиков, врачей и социологов, следует обеспечить количественный рост средне- и высокоодаренных индивидов, сокращая число «вредных», стоящих ниже среднего интеллектуального уровня. Государственная политика, регулирующая здоровье нации, должна включать воспитание «евгенического сознания» в школе, контроль за иммиграцией, сегрегацию и стерилизацию дефективных индивидов, ограничительные законы для заключения браков. Нетрудно заметить, что стремление спасти человечество от порчи привело харбинского профессора к открытому нацизму и расизму. О том, кто и по какому праву станет делить людей на «вредных» и «полезных», Никифоров не рассуждает, но ограничивается замечанием, что практическая евгеника (генетика) не должна превращаться в инквизицию²⁰.

Профессор права, публицист и общественный деятель Н.В. Устрялов уже в начале 1920-х годов приобрел известность как один из инициаторов *сменовеховства*. Оказавшись в Харбине после поражения Колчака, в конце 1920 г. он опубликовал сборник статей под названием «В борьбе за Россию»²¹. В нескольких статьях, объединенных одной проблематикой, он изложил свое представление о новой тактике борьбы за Россию, суть которой заключалась в прекращении взаимной вражды, восстановлении гражданского мира и согласия в Отечестве, сотрудничестве во имя национального возрождения.

Победу большевиков в Гражданской войне Устрялов считал фатальной неизбежностью. Белое движение запятнало себя связью с интервентами, в то время как большевики выступили защитниками национальных интересов России: они восстанавливают государственность на всей территории бывшей Российской империи, собирают земли в великое и единое государство²². Однако призыв сотрудничать с большевиками не означал примирения с большевистской идеологией. Гражданский мир представлялся сменовеховцам средством мирного преодоления большевизма. Переход к новой экономической политике был воспринят Устряловым и его единомышленниками как начало перерождения советского государственно-правового порядка в либерально-демократический. В этой позиции заключалось основное разногласие между западной и восточной ветвями сменовеховства. Авторы «Смены вех» в Праге Ю.В. Ключников, С.С. Лукьянов, А.В. Бобринцев-Пушкин и др. упрекали западную либеральную демократию в лицемерии

и эфемерности буржуазных свобод, признавали народный характер советской власти, историческую уместность ее диктатуры. В 1924 г. западная ветвь сменовеховского движения прекратила свое существование, так как посчитала свои задачи выполненными, и ее лидеры вернулись в СССР.

В политическом мировоззрении лидера восточной ветви сменовеховского движения Устрялова перемены произошли после посещения в 1926 г. Советского Союза. Результатом его впечатлений стали опубликованные в Харбине путевые заметки, в которых в восторженных тонах рассказывалось о «духе восстановления, ренессанса», охватившего страну²³.

Суждения юристов-сменовеховцев о судьбе России и перспективах ее государственности дали повод к дискуссии на страницах эмигрантской прессы, которая затронула глубинные проблемы историософии и философии права. В статье «О праве силы и силе права» Устрялов связывал ход мировой истории с серией катастроф, порождаемых силой, и с этой позиции утверждал торжество силы над правом. Право зарождается и действует в периоды между катастрофами, поэтому «системой права нельзя исчерпать всё многообразие жизни, которая не может быть рационализована юридическими категориями»²⁴. Одним из его оппонентов был Г.К. Гинс, полагавший, что «история — процесс расширения правовых начал в жизни общества. Великие революции изменяют правосознание населения и ведут к новому праву...»²⁵.

К началу 1930-х годов, анализируя советскую действительность, Устрялов был вынужден констатировать, что перерождения советского государства в либерально-демократическое не произошло. Ускоренная индустриализация и сплошная коллективизация привели к ужесточению большевистской диктатуры. Несмотря на огромные жертвы, сталинский курс следует признать правильным, так как он нацелен на укрепление могущества страны. Поэтому патриотически настроенная российская эмиграция должна заставить себя служить советскому государству. В 1935 г. Устрялов вернулся в СССР, два года преподавал в московском вузе, а после попал в жернова той самой тоталитарной машины, с которой он связывал возрождение могущества страны.

Политико-правовые взгляды, представленные в статье, в целом отражают идеологический спектр российской эмиграции в Маньчжурии. Генералы разбитых белых армий традиционно связывали возрождение России с восстановлением монархии. Исключение составлял Г.М. Семёнов, маневрировавший между прояпонским сепаратизмом и русским национализмом. Огромное влияние на интеллектуальную жизнь эмиграции, размышлявшей о государственном идеале, оказали профессор и выпускники Юридического факультета. Не трудно заметить, что принципиально новых идей они не создали, выстраивая модель будущей России на фундаменте известных политико-правовых концепций. В вопросах, касающихся правовой философии, в сочинениях русских юристов ощущимо сильное влияние социологической школы права, а также известных исследований в области психологии и биологии. Вряд ли новизна может быть самоцелью для исследователя, живущего в XX столетии, когда за плечами человечества стоит огромный пласт знаний о государстве и праве, проверенный историей.

Несмотря на различные, порой полярные, позиции упомянутых выше эмигрантских авторов, в их представлениях о государственном идеале просматриваются как минимум две общие черты: разочарование в либерализме и сомнение в осуществимости народного суверенитета.

---

1. «Счастливой Хорватией» называли полосу отчуждения КВЖД по имени управляющего Д.Л. Хорвата. Согласно эмигрантским источникам, к началу 1930-х годов в Маньчжурии про-

- живало примерно 60 тыс. россиян, имевших эмигрантский статус, к 1945 г. — более 70 тыс. См.: Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 1. Д. 215. Л. 2.
2. См.: *Аурилене Е.Е., Потапова И.В.* Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». Хабаровск, 2004; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008. С. 48–91.
  3. *Кислицин В.А.* В огне Гражданской войны. [Харбин]: Изд-во «Наш путь», Б.г. 113 с.; *Он же.* Пантеон воинской доблести и чести. Харбин: Изд-во Главного бюро по делам российских эмигрантов, 1941. 488 с.; *Он же.* Пути русской молодёжи. Харбин [Б.и.]. 1944. 248 с.
  4. *Кислицин В.А.* Пути русской молодёжи. С. 13, 44.
  5. Голос Приморья. 1918. 9 мая.
  6. *Курас Л.* Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова // *Власть.* 2010. № 8. С. 32.
  7. *Семёнов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М.: Центрполиграф. 2007. С. 88, 95–98.
  8. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М.: Айрис-пресс, 2011. С. 191.
  9. *Семёнов Г.М.* О себе. С. 281–282.
  10. *Иванов В.Ф.* В поисках государственного идеала. Харбин. 1932. С. 2.
  11. Там же. С. 9.
  12. Там же. С. 39.
  13. *Нация* (Харбин). 1939. 1 августа.
  14. См.: *John J. Stephan.* The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. New York: Hagerstown; San Francisco—London: Harper & Row Publishers, 1978. P. 230–234.
  15. *Родзаевский К.В.* Русский путь. Харбин, 1939. С. 62.
  16. Там же. С. 61.
  17. *Родзаевский К.В.* Иуда на ущербе. Мир перед освобождением. Шанхай. 1941.
  18. *Кентавр.* 1993. № 4. С. 93–114. Цит. по: *Балакишин П.* Финал в Китае. Сан-Франциско—Париж—Нью-Йорк: Сириус, 1959. Т. 2. С. 124. 129.
  19. *Georg. C. Guins.* Professor and Government Official: Russia, China and California. An Interview Conducted by Boris Raymond / The Bancroft Library; Berkeley Regional Oral Office. Berkeley, 1966. P. 280–282.
  20. *Никифоров Н.И.* Социальная опасность: Сборник статей и переводов. Харбин, 1942. С. 102, 104.
  21. *Устрялов Н.В.* В борьбе за Россию. Харбин: Изд-во «Окно», 1920.
  22. Там же. С. 1–5.
  23. *Устрялов Н.В.* Россия (У окна вагона). Харбин, 1926. С. 53.
  24. Цит. по: *Сонин В.В.* Российские юристы-эмигранты в Китае // Миграционные процессы в Восточной Азии. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1994. С. 180–181.
  25. Там же.

Начало эпидемии чумы в Маньчжурии (1910–1911 гг.): события и интерпретации

© 2017

П.Э. Ратманов

Статья посвящена первым месяцам эпидемии легочной чумы в Маньчжурии (октябрь—декабрь 1910 г.). Анализируется реакция местной общественности на эти события, представлены основные подходы к их интерпретации современными исследователями, и предложен новый взгляд на эту эпидемию в контексте истории российской медицины.

Ключевые слова: Китай, Россия, Маньчжурия, Харбин, КВЖД, эпидемия, чума, история медицины.

Эпидемия чумы в Маньчжурии 1910–1911 гг. уже более ста лет привлекает внимание исследователей из многих стран. Во-первых, данную эпидемию легочной чумы отличала высокая смертность (до 100%). Во-вторых, массовая миграция людей из разных стран с разной культурой, колониальные амбиции соседей Китая и быстрый рост экономики сделали этот регион местом пересечения цивилизаций и внешнеполитических противостояний¹. Вместе с тем остается еще большой пласт неопубликованных и неисследованных архивных материалов по этой теме.

Целью данной статьи является изучение первых месяцев эпидемии (октябрь—декабрь 1910 г.), т.е. от регистрации первого случая легочной чумы до смены руководства русской и китайской противочумных организаций. Именно в этот период вспышка легочной чумы переросла в эпидемию, а сама эпидемия из разряда локального медицинского события перешла в разряд международной политической проблемы.

Организация борьбы с эпидемией чумы на ст. Маньчжурия и в Харбине в конце 1910 г.

О природном очаге чумы в Монголии и Забайкалье было известно с конца XIX в. Так что вспышка легочной чумы для Маньчжурии не была абсолютно новым событием. Эпидемия чумы 1910–1911 гг. начиналась вполне буднично, «исподволь», а развивалась в первые месяцы довольно медленно².

Эпидемия началась на ст. Маньчжурия КВЖД, на границе с Забайкальем. Необходимо отметить, что она получила развитие не в железнодорожном поселке станции (около 1,5 тыс. преимущественно русского населения), а в частном поселке (около 3 тыс. русских и 4,5 тыс. китайцев), расположенном в пределах полосы отчуждения КВЖД.

Первые бактериологически подтвержденные данные о легочной чуме были получены 13 (26) октября 1910 г.³, однако позже были получены сведения о том, что эпидемия

Ратманов Павел Эдуардович, доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Дальневосточного государственного медицинского университета Минздрава России (г. Хабаровск). E-mail: ratmanov@gmail.com.

началась еще летом в степях Монголии и Забайкалья⁴. Руководство всеми местными мероприятиями было возложено на санитарно-исполнительную подкомиссию, организованную 15 (28) октября 1910 г. Администрация КВЖД формально достаточно оперативно отреагировала на возникшую угрозу, хотя для врачебно-санитарной службы КВЖД в эти дни на первом месте стояла угроза заноса холеры на линию дороги с р. Амур, а не чума⁵.

Благодаря небольшой численности частного поселка при ст. Маньчжурия противоэпидемические мероприятия там приняли довольно радикальный и всеобщий характер. Сразу же врачами был проведен поголовный осмотр жителей поселка. Также были учреждены чумная больница, обсервационный пункт, санитарные попечительства, осмотр пассажиров на железнодорожных станциях, полицейское наблюдение и т.п. Но, несмотря на принятые меры, из-за сокрытия китайцами больных не всех заболевших удавалось выявлять на ранней стадии болезни.

В итоге 3 (16) ноября 1910 г. санитарно-исполнительная подкомиссия постановила взять в обсервацию большую часть китайского населения поселка. Вскоре началась подготовка нового помещения для обсервации: были проложены новые тупики, поставлено 114 вагонов-теплушек. По свидетельству помощника главного врача КВЖД Э.П. Хмара-Борщевского, «для этого нового пункта бесспорно более подходящее [было] название городок или лагерь и никоим образом не обсервация»⁶.

Вечером 11 (24) ноября 1910 г. все лица из старого обсервационного пункта были переведены в новый. А в ночь на 12 (25) ноября русские войска оцепили кварталы с китайским населением, и к утру все население переместили в обсервационный вагонный городок. Количество обсервируемых превышало 3 тыс. человек, при этом не обходилось без проблем. Не сразу удалось организовать питание, китайцы из разных вагонов-теплушек контактировали между собой. Были попытки бежать из обсервации — один китаец, прорвавший оцепление, был убит. К концу ноября 1910 г. эпидемия чумы на ст. Маньчжурия была ликвидирована.

Следует отметить, что все эти действия проводились с санкции и при участии местных китайских властей. Последние во всех мероприятиях оказывали поддержку русским властям, стараясь воздействовать на население при всех возникавших недоразумениях. Всего за 1,5 месяца эпидемии чумы на ст. Маньчжурия умерло более 550 человек, в т.ч. 10 русских⁷. Аналогичные противочумные мероприятия проводились на всех станциях западной линии КВЖД.

Наибольший резонанс в Китае, России и в мире вызвала эпидемия чумы в Харбине и его китайском городе-спутнике Фуцзядяне, который находился под юрисдикцией китайских властей. Территориально и экономически эти два населенных пункта были единым целым. Первый документально засвидетельствованный случай чумы в Харбине был зафиксирован 27 октября (9 ноября) 1910 г. В течение всего ноября эпидемия ограничивалась единичными случаями заболевания чумой в Харбине и Фуцзядяне, и даже был момент, когда казалось, что эпидемия стихает, но в декабре заболеваемость стала резко расти, доходя до нескольких десятков случаев заболеваний в сутки⁸.

Первоначально вся полнота власти по борьбе с чумой была передана Харбинскому общественному управлению (ХОУ), создавшему городскую санитарно-исполнительную комиссию, первое заседание которой состоялось уже вечером 27 октября (9 ноября) 1910 г. Согласно опубликованным протоколам этого и последующих заседаний, на них были утверждены общепринятые в то время меры: разделение города на участки, установление санитарных попечительств, устройство чумной больницы и т.п. Кроме этого, на первых заседаниях неоднократно поднимался вопрос об установлении координации действий с властями Фуцзядяня⁹. Среди участников заседаний были широко представлены члены городского совета Харбина, но отсутствовали руководители КВЖД.

Вначале китайские власти выразили готовность идти навстречу и допустили врача КВЖД Р.А. Будберга, знавшего китайский язык, для контроля их действий¹⁰. На засе-

дании Харбинской санитарно-исполнительной комиссии 1 (16) ноября Р.А. Будберг доложил о своей поездке в Фуцзядянь и оценил проводимые там мероприятия как недостаточные. Санитарная организация по европейскому образцу там отсутствовала, в городе царил антисанитария, а за больными ухаживали солдаты из караула¹¹.

В результате переговоров китайские власти Фуцзядяня организовали свою санитарно-исполнительную комиссию, и представители Харбинской и Фуцзядяньской комиссий стали взаимодействовать¹². Кроме этого, между российской и китайской сторонами было заключено соглашение о привлечении к ответственности китайских подданных в полосе отчуждения КВЖД, допустивших санитарные нарушения¹³.

Однако несмотря на все предварительные договоренности российско-китайское сотрудничество в Харбине в ноябре 1910 г. так и не привело к развертыванию широкомасштабных совместных противоэпидемических мероприятий. Еще 13 (26) ноября даотай Фуцзядяня Юй Сысин выражал свое принципиальное согласие на передачу борьбы с чумой под руководство русских врачей, а 15 (28) ноября 1910 г. уведомил, что предложение о командировании русских врачей в Фуцзядянь неприемлемо. Он заявил, что китайские власти будут вести борьбу с чумой самостоятельно, для чего они пригласили врачей с европейским образованием¹⁴.

Когда счет умерших в Фуцзядяне пошел на десятки в день, появилась реальная угроза безопасности населения Харбина. Из-за постоянного наплыва китайского населения в город был создан план оцепления Фуцзядяня, но под влиянием обещаний китайских властей организовать борьбу с чумой в Фуцзядяне по европейскому образцу оцепление тогда не было установлено¹⁵. Такое решение принесло бы огромные финансовые потери Фуцзядяню, поскольку в основе его экономики лежала торговля с Харбином. Из-за протеста китайских властей против оцепления Фуцзядяня (китайской территории), администрация КВЖД решила организовать изоляцию другим путем — оцепить военными постами Харбин¹⁶.

Необходимо отметить, что Япония (владевшая Южно-Маньчжурской железной дорогой) открыто заявляла о готовности военной интервенции в районы Китая, где борьба с чумой не была организована должным образом. Со своей стороны, пекинское правительство было озабочено действиями России и Японии в Маньчжурии и воспринимало их как угрозу своему суверенитету над этим регионом Китая¹⁷.

26 ноября (9 декабря) 1910 г. китайские власти Фуцзядяня информировали российскую сторону, что все необходимые меры были приняты. К этому времени в Фуцзядянь прибыли три врача — японский и 2 китайских, направленных в Харбин генерал-губернатором Маньчжурии¹⁸. Деятельность (скорее, бездеятельность) этих врачей вызвала критику российской стороны. Своей миссией они считали давать указания китайским властям, а не лично принимать участие в противоэпидемических мероприятиях¹⁹.

В начале декабря 1911 г. администрация КВЖД предложила даотаю Фуцзядяня создать новую санитарную организацию, которой бы руководили русские врачи, но финансировалась бы она китайским правительством. Два русских делегата получили разрешение участвовать в работе Фуцзядяньской санитарной комиссии на равных правах с другими ее членами²⁰. Хотя даотай согласился на это предложение, но местная китайская Торговая палата выступила решительно против²¹.

Помимо разногласий с местными китайскими властями, российская противочумная организация в Харбине испытывала ряд внутренних проблем. Не имея достаточных финансовых и административных ресурсов, Харбинское городское самоуправление не могло должным образом проводить полный спектр мероприятий. Правление КВЖД в Санкт-Петербурге также сомневалось в адекватности действий администрации в Харбине, поэтому направило из Санкт-Петербурга в Харбин группу опытных эпидемиологов во главе с профессором Д.К. Заболотным. В середине декабря 1910 г. руководство борьбы с эпидемией в Харбине было передано от города КВЖД, но высший исполнительный

орган, Противочумное бюро, возглавил не служащий дороги, а приглашенный врач из России — В.М. Богуцкий.

Консультации между российскими и китайскими властями по поводу противоэпидемических мероприятий в Харбине не прекращались весь декабрь 1911 г. Американский консул в Харбине в это время писал в Вашингтон: «Пока китайцы не улучшат свою санитарную администрацию, будет трудно найти изъян в решении русских о вмешательстве»²².

То, что эпидемия чумы в Харбине стала дипломатической проблемой, прямо в своих мемуарах пишет У Ляньдэ. С его слов, он был вызван в Пекин в Министерство иностранных дел, где 6 (19) декабря 1910 г. ему сообщили об ультиматуме представителей России и Японии в Маньчжурии, что если Китай не усилит меры борьбы с эпидемией, то они направят своих врачей на территории, подконтрольные китайским властям²³.

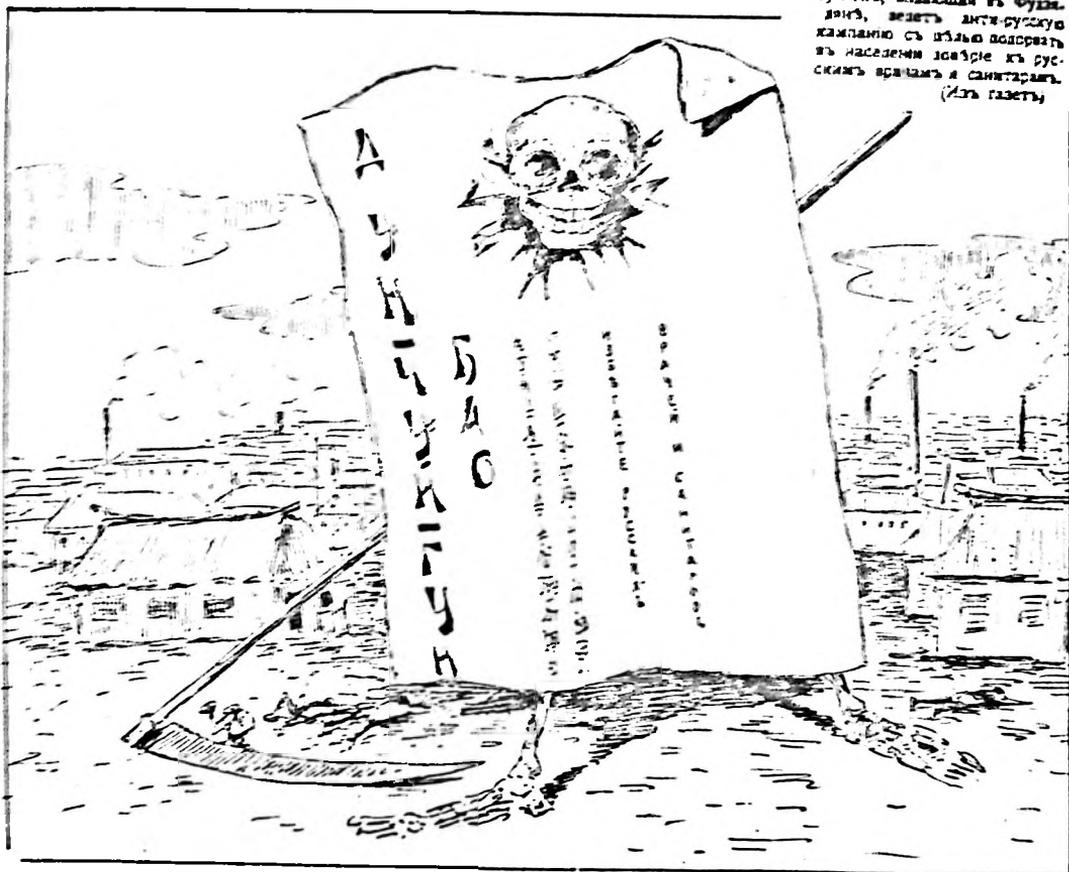
Вскоре в Фуцзядяне появились европейски образованные врачи и новые руководители китайской администрации. С этого момента политические преграды для установления совместных российско-китайских противоэпидемических мероприятий исчезли, и начался новый этап борьбы с эпидемией.

Освещение начала эпидемии чумы в русской и китайской харбинской прессе

Появление первых случаев легочной чумы (особо опасного заболевания со 100% смертностью) на КВЖД сразу же получило отражение на страницах харбинских газет. Эпидемия на далекой ст. Маньчжурия заботила обывателей Харбина только с точки зрения заноса чумы в их город²⁴. Ситуация изменилась сразу после регистрации чумных больных в самом Харбине. Тон газетных статей сразу изменился с теоретических рассуждений об организации противоэпидемических мероприятий на призывы принятия срочных и решительных мер. Из-за неподконтрольности Фуцзядяня администрации КВЖД и отсутствия в нем санитарной организации уже на следующий день после выявления первого случая заболевания в Харбине была озвучена идея оцепить его военным кордоном²⁵. Затем в течение двух недель в русскоязычной харбинской прессе преобладала умеренная критика бездействия властей Фуцзядяня.

Следующей поворотной точкой стала тотальная эвакуация китайского населения на ст. Маньчжурия и отказ администрации Фуцзядяня от сотрудничества с российской стороной. В националистически настроенной китайской газете «Дунчуй гунбао» и русской антикитайски ориентированной газете «Новая жизнь» посыпались взаимные обвинения. Детальный анализ китайской прессы этого периода проведен в работе А.Н. Хохлова²⁶. Китайские газетчики апеллировали к величию своей страны, ее тысячелетней истории, могуществу традиционной китайской медицины, различию образа жизни у китайцев и русских, невежеству русских врачей и использованию чумы для реализации «тайного замысла» по аннексии Маньчжурии. Вот что, например, писал редактор газеты «Дунчуй гунбао» в номере от 15 (28) ноября 1910 г.: «...Казалось бы, что выработанные [русскими] меры должны относиться только к полосе отчуждения КВЖД. Но они, выходя за рамки трактатных постановлений, хотя бы применить выработанные ими меры к Фуцзядяню, в котором функционирует самостоятельная административная единица — Бицзянтин, и до господствующего в Фуцзядяне правового порядка русским нет никакого дела. С какой стати русским следует заботиться о Фуцзядяне, если не с целью осуществления своего тайного замысла...»²⁷.

Также под градом критики «Дунчуй гунбао» оказались радикальные противоэпидемические мероприятия КВЖД на ст. Маньчжурия и действия местной китайской администрации, направленные на сотрудничество с русскими властями. В середине ноября 1910 г. газета писала: «Как жестоки русские власти и бездеятельны китайские. К черту тех и других»²⁸.

Китайская газета «Дун-чуй»,
гум. Саз, издающаяся в Фуцзя-
дянь, велит акти-русскую
кампанию с целью подорвать
в населении доверие к рус-
ским врачам и санитарам.
(Из газеты)

ЧУМА.— Если зайти в этого шлема
можно безнаказанно совершать
прогулки в Харбин!

Рис. 1. К появлению чумы в Харбине
(Новая жизнь. Иллюстрированное приложение. 1910. 1 дек.)

Русская газета «Новая жизнь», в свою очередь, разразилась серией заметок, в которых обличалось «мракобесие» «фуцзядяньских ораторов»²⁹. Их авторы отмечали, что первоначально даотай согласился на проведение противозидемических мероприятий, но потом «натолкнулся на самое упорное и энергичное сопротивление всем этим мероприятиям со стороны фуцзядяньского населения, которое встретило его предложение крайне враждебно, не пожелало изменить своим традициям и обычаям и категорически отклонило всякое вмешательство европейцев в их домашние дела»³⁰. Кроме этого, российские комментаторы подчеркивали «отказ генерал-губернатора [Си Ляна] от предложения европейской врачебной помощи русским»³¹. Таким образом, по мнению газеты «Новая жизнь», как китайское население Фуцзядяня, так и представители Цинского правительства в Мукдене (сейчас — Шэньян), выступали против организации противозидемических мероприятий по европейскому образцу.

Та же «Новая жизнь» весьма уничижительно отзывалась о китайцах, называя их «вчерашний первобытный, с наивными и примитивными мировоззрениями, народ»³². Вместе с тем обозреватель газеты Грилев признавал, что карантинные меры «всегда сопряжены с известными лишениями, неудобствами и даже большими потерями отдель-

ных лиц, а иногда и для целой экономической области», но оправдывал их использование как единственного эффективного способа борьбы с эпидемией³³. Еще одним традиционным аргументом, оправдывавшим суровость карантинных мер, была героическая работа русского медицинского персонала: «Если бы китайские публицисты были покультурнее, они бы поняли, как самоотверженны русские, соглашающиеся для спасения китайцев от мора жертвовать жизнью»³⁴.

Рис. 2. К сведению обывателей г. Харбина (по случаю появления чумы)
(Новая жизнь. Иллюстрированное приложение. 1910. 15 дек.)

Следует признать, что «Новая жизнь» критиковала также и нерешительность Харбинской санитарно-исполнительной комиссии, и отсутствие координации между КВЖД и городским самоуправлением³⁵. Другая местная русскоязычная газета, «Харбинский вестник» (официальный орган КВЖД), придерживалась умеренной позиции в освещении действий китайской стороны.

Об изменениях общественного мнения русского Харбина об эпидемии чумы в первый месяц эпидемии косвенно можно судить по карикатурам, еженедельно публиковавшимся в иллюстрированном приложении к харбинской газете «Новая жизнь» в октябре—ноябре 1910 г. Буквально через 5 дней после выявления в Харбине первого случая чумы «Новая жизнь» отреагировала на это событие карикатурой «К появлению чумы в Харбине», где традиционно критиковалось антисанитарное состояние китайских кварталов. Сатира на грязь в китайских харчевнях и ночлежных домах не была новым сюжетом, впервые в нем появился аллегорический образ чумы (рис. 1)³⁶. Через две недели, т.е.

после отказа фуцзяньских властей от сотрудничества, объектом критики русской харбинской газеты стало невежество представителей традиционной китайской медицины, якобы способных излечить чуму (рис. 2)³⁷. А еще через неделю, в разгар перепалки между русской и китайской газетам, «Новая жизнь» уже прямо обвинила «Дунчуй гунбао» в антирусской пропаганде, противодействии организации противоэпидемических мероприятий, и как следствие — в потворстве распространению эпидемии чумы (рис. 3)³⁸. На этом примере видно, как быстро и за очень короткий срок трансформировалось общественное мнение по поводу причин эпидемии: от привычной критики отдельного элемента жизненного уклада китайцев — антисанитарии к образу китайского населения в целом, как угрозы русскому Харбину.

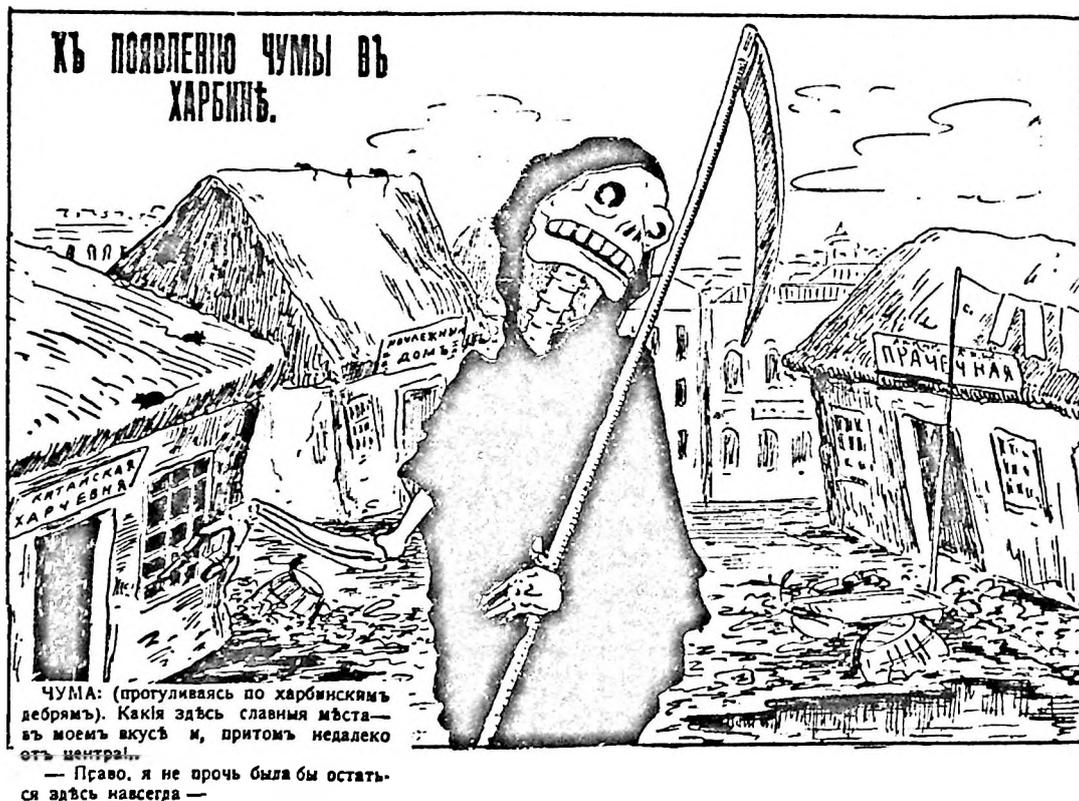

Рис. 3. Чума: под защитой этого шлема можно безнаказанно совершать прогулки в Харбине (Новая жизнь. Иллюстрированное приложение. 1910, 22 дек.)

Историография проблемы: варианты интерпретации событий

На рубеже XX и XXI в. история российско-китайских отношений в области медицины в историографии является одной из полузабытых страниц. В России и Китае приняты исключительно национальные версии этих событий, а сотрудничество между российскими и китайскими врачами в этот период, как правило, игнорируется.

Китайская историография обвиняла Россию и Японию в военной агрессии и жестокости врачей по отношению к китайскому населению. Кроме этого, в описании эпидемии чумы 1910–1911 гг. в китайской литературе главное место отводится доктору У Ляньдэ³⁹.

В русскоязычных работах, как правило, подчеркивается героизм российских медиков, их бескорыстный вклад в развитие медицины Китая и деятельность Д.К. Заболотного. Наиболее полным и авторитетным трудом, раскрывающим проблему эпидемии чумы 1910–1911 гг., является монография И.Л. Мартиневского и Г.Г. Молляре⁴⁰. К недостаткам монографии можно отнести неадекватный источниковый аппарат: отсутствуют однозначные ссылки на источники, нет их анализа, хотя многие источники противоречат друг другу.

Последующие публикации внесли крайне мало нового в разработку данной проблемы. Несмотря обилие публикаций по этой теме, для отечественных исследователей эпидемия чумы 1910–1911 гг. до сих пор остается «забытой эпидемией», т.к. каждый автор «открывает» ее заново. Как правило, эти работы основаны на очень ограниченном перечне исключительно русскоязычных источников⁴¹. Из этого ряда выделяется статья А.Н. Хохлова, который впервые в данном контексте использовал материалы Архива внешней политики Российской империи, в т.ч. на китайском языке⁴². Вместе с тем его трактовки политики китайских властей остаются вполне традиционными для российской историографии: игнорирование китайцами титанической работы российских врачей, апатичность китайских властей в деле борьбы с чумой и враждебность китайской прессы к русским. При этом попытки проанализировать все эти факторы не предпринимается.

В англоязычной историографии одним из первых исследований эпидемии чумы в Маньчжурии 1910–1911 гг. явилась монография американского исследователя Карла Натана. Принципиальной новизной этой работы стало использование американской дипломатической переписки как исторического источника. Широкое использование депеш американского консула в Харбине, непосредственного участника событий, позволило автору взглянуть на эпидемию чумы как на дипломатическую проблему и показать политику различных держав в Маньчжурии, в частности внешнюю политику США как сдерживающий фактор в империалистической схватке России и Японии за этот регион Китая⁴³. Последующие работы, написанные на той же источниковой базе, добавили мало нового в изучение этой проблемы⁴⁴.

В этом ряду особняком стоит статья израильского исследователя Марка Гамзы. В отличие от работ предшественников, он не ограничился пересказыванием известных фактов, а подверг тщательной критике историографию проблемы. Признавая, что работа М. Гамзы — одна из лучших в англоязычной историографии по проблеме эпидемии чумы 1910–1911 гг., следует отметить и ряд ее недостатков. Вводя в научный оборот новый источник (мемуары эксцентричного доктора Р.А. Будберга), М. Гамза не подвергает его критическому анализу, не сопоставляет факты из книги Р.А. Будберга с другими историческими источниками (в первую очередь, русскими и китайскими). Также М. Гамза, анализируя противоэпидемические меры российской администрации КВЖД, утверждает, что «массовая кремация и насильственный карантин подобного масштаба были немыслимы в царской России»⁴⁵. Но потом автор сам же себе противоречит, сообщая, что за полгода до событий в Маньчжурии летом 1910 г. в Одессе во время эпидемии чумы был сожжен центральный рынок Привоз⁴⁶. Такая демонизация внешней политики России характерна для западной историографии.

В англоязычных исследованиях китайских историков (т.е. ориентированных на международную аудиторию) и иностранных исследователей последнего десятилетия основные направления изучения истории медицины Китая в начале XX в. включают роль медицины в сохранении суверенитета страны и модернизацию самой медицины в контексте модернизации всего Китая.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что наибольшее влияние на китайское здравоохранение в этот период оказывала Япония, которая в данном случае выступила «языковым мостом» между наиболее прогрессивной в тот период немецкой медициной и отсталой китайской⁴⁷. Поэтому многие термины западной медицины попали в китайский язык из японского (например, *вэйшэн*, *яп. эйсэй* — гигиеническое здоро-

вье, здравоохранение)⁴⁸. Контроль над инфекционными заболеваниями стал одним из важнейших элементов модернизации Китая.

Исследователь японской колониальной медицины в Юго-Восточной Азии Индзима Ватару показал в своих работах, что противоэпидемические мероприятия Японии в Маньчжурии в 1910–1911 гг. следует рассматривать с точки зрения «политизации пандемии чумы», а также, что они ничем не отличались от мероприятий других империй на Ближнем Востоке, в Индии и Юго-Восточной Азии. По его мнению, чума помогла Китаю сформировать современное государство, т.к. санитарная (*вэйшэн*) бюрократия установила контроль над заболеваниями в условиях, когда отсутствие такого контроля означало потерю Китаем суверенитета⁴⁹.

Исследователь из материкового Китая Чэн Ху, положив в основу своей работы преимущественно материалы одной шанхайской и одной мукденской газеты, пришел к достаточно традиционным для китайской историографии выводам. По его мнению, противоэпидемические мероприятия китайских властей, внедренные по примеру японских и российских, нельзя считать «абсолютно прогрессивными». В своей статье он настаивает, что сохранить суверенитет Китая над Маньчжурией было важнее, чем заниматься профилактикой чумы. А жестокость китайских властей к своему населению при реализации этих мероприятий можно оправдать угрозой российской и японской интервенции. Бесцеремонность же российских властей, имевших цель предотвратить распространение эпидемии заболевания со 100%-й смертностью, по его мнению, таких оправданий не имеет⁵⁰.

Исследователь из Тайваня Лэй Сянлинь рассматривает маньчжурскую эпидемию преимущественно в китайском контексте. Он выдвигает гипотезу, что эпидемия чумы 1910–1911 гг. стала осевым событием для установления контроля над инфекционными заболеваниями, принятия государством на себя ответственности за общественное здоровье, признания отсталости традиционной китайской медицины и принятия китайским государством принципов западной медицины. Также он считает, что во время этой эпидемии в Китае произошла институционализация новой категории болезней — *чуаньжаньбин* (контагиозные болезни). В качестве доказательства этой версии он приводит выдержку из китайского отчета об эпидемии, где генерал-губернатор Маньчжурии Си Лян объясняет задержку в развертывании противоэпидемических мероприятий тем, что вначале китайские власти не верили в передачу чумы контагиозным (*чуаньжань*) путем, считая ее эпидемией горячки (*вэньи*)⁵¹.

Таким образом, эпидемию чумы 1910–1911 гг. изучали с многих точек зрения, но, как правило, они были вписаны в китайский либо глобальный контексты, а контекст российской медицины последних лет империи не рассматривается.

Эпидемия чумы в Маньчжурии 1910–1911 гг. не была первой и последней большой эпидемией в этом регионе. Западные исследователи, как правило, проводят сравнение маньчжурской эпидемии с эпидемией чумы в Гонконге (1894 г.), хотя более уместно ее сравнение с эпидемиями чумы в Инкоу (1899 г.) и холеры (1902 г.), которые произошли в этом же регионе, и противоэпидемические мероприятия проводились российской стороной. Осенью 1910 г. для российских руководителей борьбы с чумой в Харбине стала неожиданностью позиция китайских властей, которые в предыдущие эпидемии легко соглашались на работу российских врачей на своей территории.

Участники тех событий, как и более поздние комментаторы, упускали из поля зрения невиданный подъем национального движения, который именно в этот исторический период переживал Китай⁵². Для Китая было крайне важно сохранить свой суверенитет над Маньчжурией от угроз (мнимых или реальных) со стороны Японии и России. Китайская сторона боялась, что помощь русских в противоэпидемических мероприятиях может вылиться в полицейский контроль над Фуцзянцем. Российские исследователи, как правило, игнорируют это символическое значение участия именно китайцев в борьбе с чумой.

Несмотря на различие интерпретаций, сравнительный анализ источников первых месяцев эпидемии (материалов российских и китайских газет, отчетов об эпидемии, дипломатические депеши американского консула в Харбине) показывает высокую степень их корреляции. При этом важно отделять события, описываемые в большинстве источников, от слухов и инсинуаций (например, об отравлении русскими врачами китайцев, «эффективности» традиционной китайской медицины при лечении чумы и попытках похоронить здоровых китайцев заживо).

Анализируя российский подход к изучению эпидемии чумы в Маньчжурии, следует выделить следующие сюжеты: самоотверженная работа российских врачей, пассивное отношение китайцев к эпидемии, организация противоэпидемических мероприятий, а также научные исследования по проблеме чумы. Обращаясь к истории медицинской профессии в России, необходимо отметить широко известные традиции российской интеллигенции — работа в глубинке не ради денег и славы, а для служения народу. Хотя к первому десятилетию XX в. идеалы народничества уже потерпели крах, их отголоски еще долго жили среди медицинской общественности.

Относительно работы российских врачей на ст. Маньчжурия в первый месяц эпидемии Э.П. Хмара-Борщевский подчеркивал: «Деятельность (...) врачей в ужасных условиях работы, в ожидании ежеминутного заражения безусловно смертельной болезнью, должна быть названа, без всякого преувеличения, героической. Верные долгу врача, они без ропота жертвовали собой. Работая не в благоустроенной больнице, а в тесноте теплушек на холоде и на ветру, рискуя собой, они еще имели мужество исследовать больных, наблюдать за ходом болезни»⁵³. Любопытно, что пребывание китайцев в обсервации в тех же условиях китайской националистической прессой трактовалось как «жестокое обращение».

Также через призму 50-летнего опыта земской медицины следует оценивать взгляды российских врачей в Маньчжурии на отношение китайцев к противоэпидемическим мероприятиям. В начале XX в., несмотря на значительные успехи земской медицины, среди российских врачей преобладало мнение, что далеко не везде медикам удалось искоренить суеверия крестьян и завоевать их доверие. В рамках этой традиции представитель либеральной интеллигенции Э.П. Хмара-Борщевский определял пассивное сопротивление китайцев как «печальное явление, но понятное», а единственным эффективным способом профилактики чумы — «улучшение жизненных условий бедноты»⁵⁴. Более того, российские врачи отмечали огромное терпение китайцев, подвергавшихся карантинным мероприятиям. Тот же Э.П. Хмара-Борщевский отмечал, что «даже в России при действительно громадном доверии к земской медицине возможны еще холерные бунты»⁵⁵.

Что же касается изучения образа жизни китайского населения, то это не входило в программу действия российских врачей в Маньчжурии. Единственный врач КВЖД (барон Р.А. Будберг), выучивший китайский язык, делал это по собственной инициативе. О санитарном просвещении китайского населения Фуцзядяня администрация дороги задумалась только после начала эпидемии чумы, а листовки на китайском о противочумных мерах были напечатаны в разгар эпидемии.

Анализируя характер российских противоэпидемических мероприятий во время эпидемии чумы в Маньчжурии, большинство исследователей не рассматривают такой важный фактор, как чрезмерная бюрократизация медицинской деятельности в дореволюционной России. В рассматриваемый период главным нормативно-правовым актом в области медицины был «Врачебный устав», включавший разделы о мерах по предотвращению и прекращению эпидемических болезней. Важно также отметить, что в 1904 г. Россия ратифицировала Парижскую международную санитарную конвенцию 1903 г. Наряду с этими базовыми документами было издано множество локальных документов для более детального регламентирования борьбы с эпидемиями⁵⁶. При организации противоэпидемических мер на КВЖД и в Харбине администрации дороги и города, несмотря на

специфичность местных условий, были ограничены в выборе мероприятий и четко следовали утвержденным инструкциям.

Для России в целом была характерна административная модель борьбы с эпидемиями в ее наиболее жестком, а потому наиболее драматичном варианте. В начале XX в. врачи, власть и население России оказались связаны между собой сложными, символически нагруженными отношениями. В борьбе с эпидемиями участвовали разные социальные и профессиональные группы: с одной стороны, представители центральной власти и начальство на местах, с другой — медицинское сообщество, внутри которого также были разные точки зрения⁵⁷.

Относительно причин промедления в развертывании противоэпидемических мероприятий и их неэффективности необходимо выделить следующее: во-первых, конфронтация между администрацией КВЖД и недавно организованным ХОУ вылилась в формальное участие дороги в работе городской санитарно-исполнительной подкомиссии; во-вторых, в октябре 1910 г. управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват в Маньчжурии отсутствовал, и только 1 ноября выехал из Москвы в Харбин. Отсутствие первого лица оказало большое влияние на решительность действий КВЖД. Председатель ХОУ Е.Э. Берг скоропостижно скончался 9 (21) декабря 1910 г., и лишь после этого руководство российской противочумной организации в Харбине перешло к КВЖД. Таким образом, изменения персонального состава высшего руководства российской власти в Харбине существенным образом повлияло на ход борьбы с эпидемией чумы. Наконец, в-третьих, на действия российской противочумной организации в Харбине огромное влияние оказывал внешнеполитический фактор. В отличие от ст. Маньчжурия, в Харбине были консульства США, Японии и Великобритании, а даотай Фуцзядяня подчинялся как генерал-губернатору Маньчжурии в Мукдене, так и министерству иностранных дел Китая в Пекине. И то, что могли себе позволить российские власти в Маньчжурии на границе с Забайкалем, в Харбине требовало длительных дипломатических консультаций.

Эпидемия легочной чумы в Маньчжурии 1910–1911 гг. произошла в поворотное для истории Северо-Восточного Китая время — сразу после аннексии Японией Кореи, накануне Синхайской революции в Китае и за год до окончания эпохи Мэйдзи в Японии. Ключевые проблемы, которые решал Китай в эту эпидемию — сохранение суверенитета над своими территориями посредством «медицинской модернизации» административного управления. Для Японии эта эпидемия стала решающей демонстрацией своего превосходства в Южной Маньчжурии⁵⁸.

При этом традиционно забывается, что для России как страны — активного участника тех событий, это также был напряженный период между революциями 1905 и 1917 г. В середине декабря 1910 г. в харбинской газете «Новая жизнь» вышла заметка под названием «Борьба в борьбе», описывающая конфликт властей Фуцзядяня с местной торговой палатой за ведущую роль в проведении противочумных мероприятий в городе⁵⁹. Для русского Харбина это также была «борьба в борьбе», где меры по ликвидации эпидемии были результатом компромисса между различными общественными силами.

-
1. *Knab C. Plague Times: Scientific Internationalism and the Manchurian Plague of 1910/1911 // Itinerario. 2011. V. 35. № 3. P. 87.*
  2. *Хмара-Борщевский Э.П. К вопросу о возникновении чумы на Дальнем Востоке и меры борьбы с распространением чумной заразы. Харбин: Новая жизнь, 1912. С. 35.*
  3. Поскольку при подготовке статьи были привлечены не только русские, но иностранные источники, в работе для сопоставимости данных даты даются по старому и в скобках — по новому стилю.
  4. *Хмара-Борщевский Э.П. Чумные эпидемии на Дальнем Востоке и противочумные мероприятия управления КВЖД. Харбин: Новая жизнь, 1912. С. 42.*

5. Хроника // Новая жизнь. 1910. 15 окт.
6. *Хмара-Борцевский Э.П.* Чумные эпидемии... С. 55.
7. Там же. С. 62–76.
8. Там же. С. 4.
9. *Богущий В.М.* Эпидемия чумы в Харбине и его окрестностях в полосе отчуждения КВЖД. 1910–1911 гг. Медицинский отчет о деятельности противочумного бюро. Ч. 1. Харбин, 1911. С. 144–163.
10. *Богущий В.М.* Эпидемия чумы в Харбине. Ч. 2. С. 2; *Nathan C.* Plague Prevention and Politics in Manchuria, 1910–1931. Cambridge: Harvard University Press, 1967. С. 7, 15.
11. *Богущий В.М.* Эпидемия чумы в Харбине. Ч. 1. С. 155–56; Хроника // Новая жизнь. 1910. 3 нояб.
12. Хроника // Новая жизнь. 1910. 4 нояб.; *Simmers W.* The Great Manchurian Plague of 1910–1911: The Geopolitics of an Epidemic Disease. New Haven: Yale University Press, 2012. P. 56.
13. *Богущий В.М.* Эпидемия чумы в Харбине. Ч. 2. С. 2–3.
14. Хроника // Новая жизнь. 1910. 16 нояб.; *Хмара-Борцевский Э.П.* Чумные эпидемии... С. 264.
15. *Хмара-Борцевский Э.П.* Чумные эпидемии... С. 331.
16. Хроника // Новая жизнь. 1910. 19 нояб.
17. *Hu Cheng.* Quarantine Sovereignty during the Pneumonic Plague in Northeast China (November 1910–April 1911) // *Frontiers of History in China.* 2010. № 2. P. 294–339; *Nathan C.* Plague Prevention and Politics in Manchuria. P. 19–32.
18. *Богущий В.М.* Эпидемия чумы в Харбине. Ч. 2. С. 3; *Nathan C.* Plague Prevention and Politics in Manchuria. P. 7, 15.
19. *Беньши Л.* К борьбе с чумой в Фудзядяне // Новая жизнь. 1910. 6 дек.; *Богущий В.М.* Эпидемия чумы в Харбине. Ч. 1. С. 165–166.
20. *Хмара-Борцевский Э.П.* Чумные эпидемии... С. 270; *Simmers W.* The Great Manchurian Plague of 1910–1911. P. 63.
21. *Nathan C.* Plague Prevention and Politics in Manchuria. P. 19–20.
22. *Ibid.* P. 20.
23. *Wu Lien-teh* Plague Fighter. The Autobiography of a Modern Chinese Physician. Cambridge: W. Heffer and Sons, 1959. P. 1, 280.
24. Чума // Новая жизнь. 1910. 21 окт.
25. Движение чумы // Новая жизнь. 1910. 28 окт.
26. *Хохлов А.Н.* Эпидемия чумы в Харбине в 1910–1911 гг. // Общество и государство в Китае: 42-я научная конференция. Т. XLII. ч. 3. / под ред. А.И. Кобзева. М.: ИВ РАН, 2012. С. 160–175.
27. Цит. по: *Хохлов А.Н.* Эпидемия чумы в Харбине в 1910–1911 гг. С. 160–175.
28. Цит. по: *Хмара-Борцевский Э.П.* Чумные эпидемии... С. 46.
29. *Грилев.* Изоляция Фудзядяна // Новая жизнь. 1910. 17 нояб.; О чем пишет фудзядянская газета // Новая жизнь. 1910. 17 нояб.; *Н.И.* Фудзядяньские ораторы // Новая жизнь. 1910. 18 нояб.; Эпидемия мракобесия // Новая жизнь. 1910. 18 нояб.
30. *Грилев.* Указ. соч.
31. *Н.И.* Указ. соч.
32. *Грилев.* Указ. соч.
33. Там же.
34. *Н.И.* Указ. соч.
35. *К.К.* Пока не поздно // Новая жизнь. 1910. 15 нояб.; Хроника // Новая жизнь. 1910. 19 нояб.
36. К появлению чумы в Харбине // Новая жизнь. Иллюстрированное приложение. 1910. 1 нояб.
37. К сведению обывателей г. Харбина (по случаю появления чумы) // Новая жизнь. Иллюстрированное приложение. 1910. 15 нояб.
38. Чума: под защитой этого шлема можно безнаказанно совершать прогулки в Харбине // Новая жизнь. Иллюстрированное приложение. 1910. 22 нояб.
39. *Goh L.G., Ho T.M., Phua K.H.* Wisdom and Western science: the work of Dr Wu Lien-Teh // *Asia-Pacific Journal of Public Health.* 1987. V. 1. № 1. P. 99–109; *Wu X.* Dr Wu Lian-teh, renowned epidemiologist and pioneer of modern health work in China // *Chinese Medical Journal.* 1987. № 100. P. 509–517.
40. *Мартиневский И.Л., Молляре Г.Г.* Эпидемия чумы в Маньчжурии в 1910–1911 гг. (геронческий подвиг русских и французских врачей в борьбе с ней) / под ред. П.Н. Бургасова. М.: Медицина, 1971.

41. Белоглазов Г.П. Жертвы „Чёрной смерти“ (к 100-летию подвига русских врачей в Маньчжурии) // Ойкумена. 2011. № 1. С. 132–36; Блохина Н.Н. Борьба с эпидемией чумы в Маньчжурии в 1910–1911 гг. // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2010. № 5. С. 60–63; Сунотницкий М.В., Сунотницкая Н.С. Очерки истории чумы. В 2 т. М.: Вузовская книга, 2006.
42. Лохтов А.Н. Указ. соч.
43. Nathan C. Op.cit.
44. Flohr C. The Plague Fighter: Wu Lien-Teh and the Beginning of the Chinese Public Health System // Annals of Science. V. 53. № 4. P. 361–380; Summers W. The Great Manchurian Plague of 1910–1911.
45. Gamsa M. The Epidemic of Pneumonic Plague in Manchuria 1910–1911 // Past & Present. 2006. V. 190. № 1. P. 166.
46. Там же. С. 167.
47. Gao Xi. Foreign Models of Medicine in Twentieth-century China // Medical transitions in twentieth-century China / eds. B. Andrews, M.B. Bullock. Bloomington: Indiana University Press, 2014. P. 178.
48. Rogaski R. Hygienic modernity meanings of health and disease in treaty-port China. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 136–137.
49. Iijima W. The Patriotic Hygiene Campaign and Restructuring of Society in China: Historical Meaning of the Institutionalization of Public Health // Дююань сянциань юй чуанцзао чжуаньхуа: Тайвань гунгун вэйшэн бай нянь ши: [Разнообразие практик и творческое преобразование: Век общественного здравоохранения на Тайване] / под ред. Фань Яньцин. Тайбэй, 2011. P. 441–465.
50. Hu Cheng. Op.cit. P. 325.
51. Lei S.H.-L. Sovereignty and the Microscope: Constitution Notifiable Infectious Disease and Containing the Manchuria Plague // Health and Hygiene in Chinese East Asia: Policies and Publics in the Long Twentieth Century / eds. A.K.C. Leung, C. Furth. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 73–106.
52. Hu Cheng. Op.cit. P. 315.
53. Хмара-Борцевский Э.П. Чумные эпидемии... С. 60.
54. Там же. С. 45, 50–51; Gamsa M. Op.cit. P. 177.
55. Хмара-Борцевский Э.П. К вопросу о возникновении чумы... С. 33.
56. Гоцуляк С.Л. Санитарно-эпидемиологическое законодательство в украинских губерниях в начале XX века // Проблемы законности. 2014. № 125. С. 67–74.
57. Михель Д.В., Михель И.В., Сироткина И.Е. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 113, 115.
58. Rogaski R. Vampires in plagueland: the multiple meanings of Weisheng in Manchuria // Health and hygiene in Chinese East Asia: policies and publics in the long twentieth century / eds. A.K.C. Leung, C. Furth. — Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 134.
59. Борьба в борьбе // Новая жизнь. 1910. 16 дек.

Газета «Зеркало Тибета» как исторический источник

© 2017

Н.Н. Москалева

Газета «Зеркало Тибета» выходила с 1925 по 1963 г. в индийском городе Калимпонг, сохраняя на протяжении длительного времени статус единственного периодического издания на тибетском языке. В статье представлена история издания газеты, деятельность ее главного редактора Дордже Тарчина, отмечено значение «Зеркала Тибета» как исторического источника.

Ключевые слова: тибетская пресса, история Тибета, тибетский антикоммунистический дискурс, борьба за независимость Тибета.

Оперативное информирование читательской аудитории о происходящих событиях является одной из ключевых функций газеты, отсюда следует полагать, что через некоторое время газетный номер устаревает и утрачивает свою ценность для читателей. Тем не менее, несмотря на то, что «просроченные» газеты, действительно, пользуются значительно более низким спросом у читателей, со временем они превращаются из средств оперативной информации в ценный исторический источник¹.

«Олчог сосой саргьюр мелонг»² (букв. «Зеркало новостей из разных стран», также известное как «Зеркало Тибета»³) — одно из немногих ранних периодических изданий на тибетском языке и, вероятно, первая тибетская газета, которая была учреждена и издавалась редактором тибетского происхождения.

«Зеркало Тибета» выходило с 1925 по 1963 г. в индийском городе Калимпонг и, несмотря на географическое расположение места издания газеты за пределами Тибета, на протяжении более тридцати лет фактически сохраняло статус единственного периодического издания на тибетском языке, публикуемого регулярно и в течение столь длительного времени. Газета запечатлела на своих страницах ряд наиболее драматичных этапов в современной истории Тибета: от периода так называемой де-факто независимости Тибета до официального включения Тибета в состав Китайской Народной Республики (КНР) в 1951 г., последующих реформ новых коммунистических властей, тибетского восстания 1959 г. и эмиграции Далай-ламы XIV Тэнцзин Гьяцо и части тибетского населения в Индию.

Калимпонг расположен на берегу реки Тиста на севере современного индийского штата Западная Бенгалия. До XVIII в. город входил в состав Сиккима, затем перешел под юрисдикцию Бутана, однако уже в 1865 г. в результате столкновений с британцами власти Бутана были вынуждены передать 1300 км² своей территории Британской Индии⁴. На этой территории находился и Калимпонг, вскоре получивший известность как центр британского Бутана. Из маленького тихого поселения Калимпонг постепенно вырос в большой оживленный и динамично развивающийся город, который

Москалева Наталья Николаевна, аспирант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: nn.mikhaylova@gmail.com.

Подготовлено при поддержке РФНФ, проект №14-31-01021 «Новейшая история Тибета по материалам первой тибетской газеты "Зеркало Тибета" (1949–1963)».

занял важное положение на главном тибетско-индийском торговом пути, проложенном военной экспедицией полковника Ф. Янгхазбенда в 1903–1904 гг.⁵

В силу того, что иностранцам крайне редко разрешалось пересекать тибетскую границу, Калимпонг называли «гаванью Тибета»⁶. Город был не только крупным торговым пунктом, но также одним из важных центров миссионерской деятельности представителей нескольких христианских церквей, а в 1939 г. стал местом оживленной политической полемики группы тибетцев, учредивших в Калимпонге тибетскую революционную партию — «Партию реформ Западного Тибета». Вторая мировая война, индийское национально-освободительное движение, борьба тибетцев за независимость и совокупность других факторов принесли Калимпонгу славу «фабрики сплетен» о Тибете: город превратился в эпицентр сосредоточения интенсивных потоков информации из различных частей Индии, Тибета и прилегающих пограничных территорий⁷. Для понимания роли «Зеркала Тибета» как информационного источника важно и то, что после официального включения Тибета в состав КНР и начала социалистических преобразований в Восточном, а затем и в Центральном Тибете, Калимпонг стал транзитным пунктом на пути тибетских беженцев из Китая, что, в свою очередь, способствовало получению тибетских новостей из первых уст.

Издателем и главным редактором «Зеркала Тибета» был тибетский общественный и религиозный деятель Дордже Тарчин⁸ (или, как его часто называли в Индии, Тарчин Бабу⁹, 1890–1976). Дордже Тарчин родился 18 апреля 1890 г. в деревне Пу¹⁰, ныне расположенной в округе Киннаур индийского штата Химачал-Прадеш¹¹. История Киннаура и его расположение практически на границе с Тибетом объясняют проживание там сравнительно многочисленного населения тибетского происхождения, большинство которого традиционно буддисты. Однако судьба Тарчина сложилась иначе: в 1892 г. его крестил моравский миссионер Т. Шреве (Theodore Schreve)¹². Ранние годы Тарчин провел там же, в Пу, занимаясь в школе при миссии и изучая тибетский и урду. После смерти матери в 1910 г. Тарчин решил отправиться в Тибет для углубленного изучения тибетского языка и покинул родную деревню. Сначала он искал работу в Дели, чтобы скопить деньги на путешествие в Тибет, но заразился малярией и после непродолжительной болезни перебрался в Шимлу, где принимал участие в строительстве индустанско-тибетской дороги¹³. Позднее Тарчин получил стипендию индийского правительства в рамках программы подготовки школьных учителей и, переехав в Западную Бенгалию, помимо прочего, взялся за изучение английского языка и непали. В 1916 г. он завершил составление краткого пособия по тибетскому языку для начинающих, опубликованного в 1917 г. баптистской миссионерской типографией в Калькутте¹⁴, а в 1919 г. окончил курс педагогической подготовки, вскоре после чего его пригласили преподавать тибетский язык в школе при шотландской миссии¹⁵ в Калимпонге¹⁶. С тех пор, за исключением нескольких поездок в Лхасу и другие города Тибета и Индии, Тарчин жил в Калимпонге.

Тарчин приобрел известность как просветитель, способствовавший развитию светской литературы на тибетском языке, деятель в сфере образования и политический активист. Он выпустил большое количество справочников и пособий для изучения хинди, тибетского и английского языков, интересовался деятельностью Сиккимского института тибетологии¹⁷ в Гангтоке и входил в состав Совета по образованию тибетских эмигрантов при Далай-ламе XIV¹⁸.

Главным достижением и предметом особой гордости Тарчина, безусловно, стало издание «Зеркала Тибета». Представляет интерес история печати первого тиража газеты. Однажды в кабинете своего друга, шотландского миссионера Джона Грэма¹⁹ Тарчин обратил внимание на стоявший на полу мимеограф. Ранее, в ходе тщетных попыток построить машину сотрудники миссии испортили часть деталей и отказались от его использования. Тарчин, увидев заброшенный мимеограф, загорелся желанием применить его для воплощения в жизнь давней идеи — издавать собственную газету. Члены миссии

настойчиво убеждали будущего редактора «Зеркала Тибета» в том, что он лишь напрасно потратит время и силы, так как машину невозможно настроить, но тот, проявив твердость намерений, перенес mimeограф домой и после нескольких недель трудов все-таки смог напечатать первый экземпляр газеты. Выпуск состоял из четырех страниц и был отпечатан довольно криво, однако уже через месяц Тарчину удалось окончательно наладить станок, и он принес первый выпуск «Зеркала Тибета» Дж. Грэму, сердечно поздравившему друга с успехом²⁰.

Первый официальный номер «Зеркала Тибета» вышел 1 октября 1925 г. тиражом в пятьдесят экземпляров, которые Тарчин выслал знакомым в Лхасу. Ятунг, Гьянце, Гангток, Лех и Калькутту²¹. Один экземпляр редактор отправил лично Далай-ламе XIII Тубтэн Гьяцо, за что тот, выразив свое восхищение трудами Тарчина, выслал денежное вознаграждение и подписался на издание. Далай-лама XIV получил подписку своего предшественника в наследство и регулярно получал выпуски «Зеркала Тибета» вплоть до 1959 г.²²

Цели издания газеты Тарчин объясняет в предисловии к первому выпуску «Зеркала Тибета» следующим образом: «В наши дни в Индии, Китае, во всех больших и маленьких зарубежных государствах издаются газеты на своих языках и это приносит большую пользу, позволяет узнавать у себя дома новости о том, что происходит ежедневно в каждой стране, несмотря на далекие расстояния; позволяет сообщить в каждом государстве новости о неблагоприятных временах, новости о коммерческих прибылях и убытках, сведения о распространении знаний и мудрости, новости о возникновении эпидемий, наводнений, голода, землетрясений и т.д., а для подданных — обратиться к правителям со своими радостями и печальями. Поскольку у нас до сих пор нет подобных газет на языке Страны Снегов, я, Тарчин из Куну²³ и некоторые тибетцы, проживающие в Калимпонге, подумали: “Если что-то подобное появится на нашем языке, то не возникнет ли у нас, тибетцев, нечто полезное и позволяющее достичь понимания ввиду различий между диалектами?”... Чтобы сделать такую газету полезной для всех, я надеюсь на то, что в [газете] можно будет изложить разнообразные новости всех стран, рассказать историю распространения и упадка в прошлом Учения Будды в Индии для блага монахов, предоставить [сведения] о поставщиках товаров и рынках, железных дорогах, карты и прочее в помощь торговцам, разнообразные новости для знати, сведения о видах лекарств для блага больных и учебные материалы для детей»²⁴.

Исходя из предисловия можно выделить две основные функции издания «Зеркала Тибета»: информационную и культурно-просветительскую. В то же время, принимая во внимание миссионерскую деятельность Тарчина и то, что начало изданию «Зеркала Тибета» было положено в стенах шотландской миссии, следует отметить, что в отдельных случаях (особенно в первые годы издания газеты) редактор мог использовать «Зеркало Тибета» для проповеди христианства среди тибетского населения. Однако более подробное знакомство с содержанием выпусков «Зеркала Тибета» и историей работы Тарчина в миссии (а именно неоднократные разногласия с руководством из-за газеты) позволяет сделать вывод о том, что новости носили преимущественно светский характер. Из 2500 страниц газетных публикаций лишь около 100 содержат материалы о христианстве²⁵. Более того, будучи подлинным ценителем тибетской культуры и принимая во внимание интересы тибетских читателей, Тарчин регулярно размещал в газете публикации, посвященные буддизму и деятельности тибетских духовных лиц.

Знание хинди, урду, тибетского и английского языков, проповедническая деятельность в Сиккиме и неоднократные путешествия в Тибет, работа учителем тибетского языка, переводчиком и издателем газеты предоставили Тарчину возможность познакомиться с самыми разными людьми: высокопоставленными тибетскими, британскими и индийскими чиновниками, тибетской аристократией и духовенством, миссионерами, исследователями и путешественниками²⁶. Во время второй поездки в Тибет в 1927–1928 гг. Тарчин впервые получил аудиенцию у Далай-ламы XIII²⁷, а в 1940 г. в качестве гида и пе-

реводчика сопровождал британского советника по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете Бэзила Гулда²⁸ и британского торгового агента в Гьянце и Ятунге Хью Ричардсона²⁹ в Лхасу на церемонию интронизации Далай-ламы XIV³⁰. С годами сеть контактов Тарчина все более расширялась, а его дом зачастую был первой остановкой на пути практически любого представителя интеллигенции, прибывающего в Калимпонг³¹.

Немаловажным фактом из биографии редактора «Зеркала Тибета» является и то, что, работая над распространением информации, он не ограничивался изданием газеты, а также сообщал важные новости избранным заинтересованным лицам. Еще в 1928 г. на обратном пути из Лхасы Тарчин передавал собранную информацию о Тибете британскому чиновнику Артуру Хопкинсону³², в последующие годы он продолжил отправлять сведения бывшему британскому политическому советнику в Тибете, Бутане и Сиккиме Чарльзу Беллу³³, а с 1943 (или 1944) г. стал официально работать разведчиком под номером AT23³⁴. Для сбора необходимой информации Тарчин пользовался услугами личных информантов как постоянно проживающих в определенной местности (Лхаса, Шигацзе, Пагри, Гьянце, Ятунг, Калимпонг), так и путешествующих по территории Тибета и Индии (например, странствующих монгольских монахов)³⁵. Помимо этого, редактор предоставлял сведения о людях, останавливающихся в его доме³⁶. Контакты и связи помогали Тарчнину, в том числе, собирать информацию для публикаций, приобретать новых подписчиков для «Зеркала Тибета» и осуществлять доставку газеты в Тибет, получать финансирование для издания и привлекать различных людей к сотрудничеству в выпуске газеты.

Издание «Зеркала Тибета» определенно принесло славу Тарчнину, но при этом никогда не было прибыльным занятием. Взносы за подписку и средства, выручаемые за регулярное размещение рекламных материалов на страницах «Зеркала Тибета», не покрывали расходов. Денег было очень мало, вследствие чего иногда происходили вынужденные паузы в издании газеты, а в 1940 г. Тарчнину пришлось полностью прекратить выпуск «Зеркала Тибета» на два с половиной года³⁷.

Несмотря на то, что до 1946 г. Тарчин издавал газету в типографии шотландской миссии и мог пользоваться принадлежащими миссии печатным станком и рабочей силой³⁸, издание «Зеркала Тибета» было его личной инициативой, и нехватка средств побуждала издателя искать внешней поддержки. Время от времени Тарчнину везло: финансирование приходило от британского колониального правительства в Индии или тибетского правительства в Лхасе, а позднее — тибетского правительства в изгнании.

В годы Второй мировой войны британское правительство в Индии решило поддержать издание «Зеркала Тибета» с целью организации «небольшой честной пропаганды» в Тибете³⁹. В 1942 г. британское правительство выдало Тарчнину денежную ссуду, а также начало оплачивать подписку на 250 выпусков «Зеркала Тибета» для бесплатного распространения в Тибете, что позволило возобновить процесс издания газеты после длительного перерыва с февраля 1940 г. по август 1942 г. Финансовая поддержка британского колониального правительства продолжалась до окончания войны. По словам британского дипломата Х. Ричардсона, пропаганда сводилась к публикации новостей о ходе Второй мировой войны, британских успехах и победе⁴⁰. Фактически, личные письма Тарчина позволяют предположить, что отдельные статьи редактор предварительно согласовывал с британским советником по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете, который содействовал ему в получении помощи от британского правительства в Индии. Так, в одном из писем Тарчин спрашивает его, не возражает ли тот против опубликования в «Зеркале Тибета» цитат из текстов британско-тибетского договора за 1904 г., конвенции между Великобританией и Китаем за 1906 г. или Симлской конвенции между Великобританией, Китаем и Тибетом за 1914 г.: «Если Ваша честь не возражает, для блага Тибета я мог бы процитировать некоторые из этих текстов в моей газете и сделать комментарии, что послужило бы основой для интересной статьи о независимости или автономии Тибета»⁴¹.

Британские власти продолжали поддерживать «Зеркало Тибета» и после того, как Тарчин оставил шотландскую миссию в 1946 г. Издателю оказали содействие в покупке нового печатного станка, назначили пособие в 200 рупий в месяц, и, что стало более существенно для газеты: каждого тибетского торговца, который обращался за разрешением на торговлю к британскому советнику по политическим вопросам в Сиккиме, обязывали подписаться на «Зеркало Тибета»⁴². Тем не менее, вскоре после обретения Индией независимости программа подписки была отменена, а у «Зеркала Тибета» снова начались серьезные финансовые трудности. Тарчин неоднократно обращался к новому индийскому правительству за субсидиями, но попытки были безуспешны.

Что касается поддержки Тарчина тибетским правительством, и Далай-лама XIII, и Далай-лама XIV положительно относились к «Зеркалу Тибета» и периодически финансово поддерживали издание. Однако, в действительности, поддержка была весьма скромной: 100 рупий в 1937 г. с просьбой продолжать регулярно высылать газету в Лхасу, 100 рупий в 1940 г. и письмо-ходатайство, которое позволяло получить подписку от тибетских официальных лиц и торговцев, 300 рупий в 1945 г. наряду с наставлением не отчаиваться и не прекращать издание «Зеркала Тибета»⁴³. Несмотря на просьбы Тарчина, тибетское правительство не было готово предоставить более широкую поддержку «Зеркалу Тибета», объясняя это тем, что издание газеты происходит за пределами Тибета.

Состав и численность читательской аудитории «Зеркала Тибета» во многом зависели от возможности Тарчина знакомиться с нужными людьми и его успешности в поддержании полезных связей. Как правило, читателями ранних периодических изданий становились в первую очередь представители высшего слоя общества — элитарное меньшинство населения. «Зеркало Тибета» не стало исключением: читателями газеты были преимущественно представители тибетской аристократии, настоятели монастырей, ламы и богатые торговцы⁴⁴. В силу того что в начале XX в. 90% тибетского населения не владели навыками чтения, информация из «Зеркала Тибета» могла быть доступной для большинства тибетцев лишь в том случае, если кто-то читал новости вслух⁴⁵.

Первоначальные четырнадцать подписчиков «Зеркала Тибета» к 1928 г. превратились в 50, но фактически тираж превышал эту цифру, поскольку более 100 выпусков газеты Тарчин отправлял тибетским чиновникам бесплатно⁴⁶. Известно, что к 1929 г. тираж «Зеркала Тибета» возрос примерно до 200 копий, а в годы Второй мировой войны Тарчин издавал более 500 экземпляров газеты, так как британское колониальное правительство в Индии выкупало большую часть выпусков для распространения в Тибете и на пограничных индийско-тибетских территориях⁴⁷. Самое большое число подписчиков «Зеркала Тибета» при британской поддержке составило 1983 человека в марте 1947 г.⁴⁸ Позднее количество подписчиков снова сократилось, и в середине 1950-х годов тираж составлял около 150 копий⁴⁹.

Область распространения газеты охватывала территорию от Калимпонга до Амдо вдоль торгового пути из Монголии в Переднюю Азию и вдоль восточной границы Тибета с Ассамом⁵⁰. «Зеркало Тибета» достигало Гьянзе и Шигаузе, современной провинции Сычуань, Бутана, Непала, Химачал-Прадеша и Кашмира⁵¹. Известно, что до 1959 г. (сначала легально, а в 1950-е годы тайно) «Зеркало Тибета» попадало в столицу Тибета Лхасу⁵². Отдельные выпуски достигали западных читателей: австрийский путешественник Генрих Харрер, посетивший Тибет и Индию в 1944–1952 гг., в своей книге «Семь лет в Тибете» упоминает «Зеркало Тибета» и сообщает, что газета имела широкий круг читателей в Лхасе, а отдельные выпуски высылались тибетологам по всему миру⁵³. Статьи, свидетельствующие об известности «Зеркала Тибета» мировому сообществу, встречаются в различных зарубежных периодических изданиях, например, «Нью-Йорк Таймс», «Сингапур Фри Пресс» и «Норт Чайна Геральд»⁵⁴.

Читательская аудитория «Зеркала Тибета» была намного больше, чем ее небольшой тираж, еще и потому, что каждый выпуск читали несколько человек⁵⁵. На первой по-

лосе 2-го выпуска «Зеркала Тибета» 25-го года издания за июнь 1958 г. Тарчин публикует фотографию читающего газету человека, окруженного толпой, с подписью: «Посмотрите на фото выше, запечатлевшее интерес всех к тибетским новостям — и взрослых, и детей»⁵⁶. А в письме британскому советнику по политическим вопросам в Сиккиме Тарчин сообщает, что старший брат Далай-ламы из монастыря Кумбум благодарит его за работу над «Зеркалом Тибета» и просит направлять выпуски газеты напрямую, в то время как сам редактор выражает удивление, откуда он мог получать выпуски «Зеркала Тибета», не имея подписки⁵⁷. После 1959 г. «Зеркало Тибета» пользовалось особой популярностью среди тибетских эмигрантов в Индии, однако денег на подписку у них не было, и Тарчину приходилось распространять газету бесплатно.

В силу того, что жители Тибета практически не имели доступа к какой-либо информации о происходящих в мире событиях, до начала 1960-х годов «Зеркало Тибета» сохраняло статус главного информационного источника для тибетоязычных читателей. В «Зеркале Тибета» можно обнаружить описания новостей практически из всех стран, за исключением государств Латинской Америки и Тропической Африки⁵⁸. Газетные материалы содержали самую разнообразную информацию: политические новости, сообщения с полей сражения или описания бомбардировок, статьи о последних технических достижениях и новых видах вооружения, политические персоналии, практические сведения для тибетских торговцев, краткие сочинения дидактического характера, сведения об иностранных экспедициях в Гималаи и заметки о зарубежных путешественниках и исследователях, останавливавшихся в Калимпонге или посещавших Тибет. Пытаясь расширить познания тибетцев в мировой политике и географии, Тарчин публиковал подробные статьи, которые снабжали читателей дополнительной информацией по истории описываемого вопроса и разъясняли проблему в контексте прочих происходящих событий⁵⁹. Чтобы сделать материалы более информативными и визуально привлекательными, редактор иллюстрировал их фотографиями, картами, рисунками и карикатурами.

Тарчин заимствовал новости для публикаций из различных источников: иностранных газет (преимущественно индийских и британских периодических изданий на английском языке, но в источниках он упоминает и китайские газеты), радио, официальных заявлений глав государств или других политических лиц, переписки с личными информантами. Тарчин сравнительно редко указывал точный источник новостей, однако среди названий его информационных источников встречаются, например, одна из ведущих газет на английском языке в Западной Бенгалии «Калькутта Стейтсмен», ежедневная лондонская газета «Таймс» и первая в мире иллюстрированная еженедельная газета «Иллюстрейтед Лондон Ньюс». Там же Тарчин обычно заимствовал фотографии для публикаций или просил художников сделать рисунки по оригинальным фотографиям.

Вопрос о политических взглядах Тарчина и их влиянии на публикуемые материалы в «Зеркале Тибета» не менее любопытен. Известно, что Тарчин крайне негативно относился к коммунизму, тем более к успехам китайского коммунистического правительства в Тибете. Естественно, взгляды редактора не могли не оказать воздействия на его публикации. Еще в 1930-е годы в «Зеркале Тибета» Тарчин осуждал китайские военные операции в Восточном Тибете⁶⁰, а в конце 1940-х начал открыто предупреждать тибетцев о «неизбежной угрозе китайского вторжения»⁶¹. После официального провозглашения китайскими властями задачи по «освобождению» Тибета силами Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в 1949 г., Тарчин часто публиковал в «Зеркале Тибета» различного рода пропагандистские материалы, которые сформировали элементы своеобразного антикоммунистического дискурса на страницах издания. В 1950 г. отклики антикоммунистической полемики Тарчина достигли мирового сообщества, что повлекло за собой публикацию статьи о редакторе «Зеркала Тибета» под названием «Битва одиночки с Мао» в одном из сингапурских изданий⁶². В надежде привлечь внимание большей аудитории в конце 1958 г. Тарчин пробовал выпускать новости на английском языке⁶³.

Тарчин решительно протестовал против установления коммунистической власти в Тибете, а позднее собирал и публиковал в «Зеркале Тибета» истории тибетских беженцев⁶⁴. Большинство материалов содержали фактические новостные сообщения различного объема о приближении НОАК к Тибету. Иногда сводки новостей заканчивались призывами к тибетцам прекратить внутреннюю вражду и объединиться для создания независимого тибетского государства⁶⁵. Помимо этого, Тарчин публиковал новости о китайско-индийском пограничном конфликте⁶⁶.

Тарчин не относился к тибетско-китайскому конфликту как к внутреннему делу Китая, в связи чем он намеренно вел свою линию в рамках более широкого контекста, публикуя соответствующие новости других стран. С этой целью он размещал в газете материалы, в которых указывал на прецеденты получения независимости другими странами, например, Внешней Монголией, которая также была частью империи Цин, но смогла обрести независимость и «при поддержке зарубежных стран с новыми правительствами получила признание от китайского правительства Гоминьдан»⁶⁷.

Неудивительно, что, несмотря на относительно небольшой тираж «Зеркала Тибета», правительство КНР, очевидно, тщательно отслеживало содержание материалов в газете. В 1950-е годы китайская сторона предлагала Тарчину финансовую помощь и регулярную подписку на 500 копий газеты в обмен на публикации, направленные на создание положительного имиджа социалистического Китая, но, несмотря на большие долги, редактор отказался⁶⁸. А в 1958 г. Министерство иностранных дел КНР направило официальный протест в МИД Индии относительно реакционного характера «Зеркала Тибета» и его враждебной позиции по отношению к китайскому коммунистическому правительству, в ответ на который индийское правительство обещало сделать предупреждение Тарчину⁶⁹.

Были ли у «Зеркала Тибета» конкуренты? Газеты миссионеров — предшественники и современники «Зеркала Тибета»⁷⁰ — ставили своей основной целью распространение христианства, в то время как для самих тибетцев больший интерес представляли политические новости и исторические заметки⁷¹, а также практическая информация для торговли. Газеты миссионеров не сумели преодолеть традиционный консерватизм и подозрительность тибетцев и едва ли могли составить конкуренцию в завоевании внимания читателей Тарчину, который первым среди издателей газет на тибетском языке предпринял попытку «обратиться ко всему пантибетскому региону»⁷².

Однако у Тарчина были конкуренты в виде тибетских газет, выходивших под руководством китайских властей, что особенно стало волновать редактора «Зеркала Тибета» после установления коммунистической власти в Тибете. Большинство газет, выходивших в Китае в республиканский период, перестали публиковаться в середине 1940-х годов⁷³, и соответственно до момента учреждения новых печатных органов властями КНР в 1950-е годы у Тарчина не было китайских конкурентов. Наиболее ярким примером тибетского издания, публикуемого по инициативе китайских властей в республиканский период, являлась газета Панчен-ламы IX Тубтэн Чокын Ньимы, которая выходила в Нанкине сначала еженедельно, а после его смерти, по всей вероятности, стала издаваться при участии Комиссии по делам Монголии и Тибета раз в месяц под названием «Пёсог дарей цагпар» (Тиб. bod sog zla re'i tshags par, букв. «Тибето-монгольская ежемесячная газета»)⁷⁴. Тарчин активно использовал материалы данного издания как информационный источник, но с 1948 г. газета прекратила выходить.

После 1951 г. в Лхасе, Сичине и Пекине появились новые газеты на тибетском языке, например, «Пёчжонг нынрей цагпар»⁷⁵, «Лхаса гонгдо цагпар»⁷⁶ и «Цонгён пёнг саргыюр»⁷⁷. В одном из писем за 1954 г. Тарчин с беспокойством сообщает, что китайцы издают красочный иллюстрированный журнал в Пекине и рассылают его бесплатно по всему Тибету и даже в Калимпонг. Он также пишет о том, что китайское правительство открыло типографию в Лхасе, где раз в пять дней выпускают газету, которая представля-

ет из себя «чистую пропаганду», но тем не менее «Зеркало Тибета» достигает Тибета, и он получает множество писем с просьбой опубликовать антикоммунистические статьи⁷⁸.

Разнообразие публикуемых материалов, масштаб распространения и состав подписчиков «Зеркала Тибета», тем не менее, позволяют говорить об исключительной роли газеты Тарчина в истории формирования тибетской прессы. В силу отсутствия большого количества альтернативных способов получения информации на тибетском языке, на протяжении более 30 лет «Зеркало Тибета» являлось важным информационным источником для тибетоязычного населения, в связи с чем Тарчин неоднократно писал, что его просят выпускать газету чаще⁷⁹. Кроме того, свидетельством популярности издания среди тибетцев также служил вопрос «Что говорит Бабу?»⁸⁰ ([что говорит Тарчин в «Зеркале Тибета?»]). распространенный в Тибете в первой половине XX в.⁸¹

Таковы некоторые факты из истории издания газеты и жизни ее редактора Дордже Тарчина, которые позволяют оценить достоинства и недостатки «Зеркала Тибета» как исторического источника. С одной стороны, для «Зеркала Тибета», как для любой газеты, характерны фрагментарность и неполнота предоставляемой информации. Также сложно не заметить влияния политических взглядов Тарчина на публикации в «Зеркале Тибета» и заметную антикоммунистическую ангажированность издания. Специфика публикаций Тарчина заключалась в особой эмоциональности и экспрессивности описаний событий в Тибете. Создается впечатление, что издатель предпочитал поражать читателей с помощью эмоций, а не фактов, вследствие чего он особенно увлекался использованием поэзии, например, публиковал акrostихи⁸² или тибетские сатирические уличные песни⁸³.

При анализе материалов «Зеркала Тибета» необходимо понимать, что, поскольку многие новости были заимствованы из других газет дословно, например, из «Лондон Таймс» или «Калькутта Стейтсмен», сам Тарчин являлся реципиентом глобального массмедийного политического дискурса антикоммунистического блока, а ряд его публикаций отражал пробританскую позицию. Размышления об источниках информации для «Зеркала Тибета» также приводят к заключению: поскольку любые публикуемые материалы обязательно подвергаются цензуре⁸⁴, то как источники сообщений Тарчина, так, возможно, и его собственные публикации должны были проходить через цензуру индийского правительства. Кроме того, как уже было упомянуто ранее, в некоторых случаях Тарчин самостоятельно согласовывал публикуемые материалы с британским советником по политическим вопросам в Сиккиме.

С другой стороны, знакомство с подробностями истории издания «Зеркала Тибета» позволяет сделать выводы о ряде исключительных достоинств данной газеты как исторического источника. Во-первых, следует отметить стратегически выгодное расположение места выпуска «Зеркала Тибета» для сбора информации: как уже говорилось, Каллимпонг был не только местом пересечения разнообразных культур, национальностей и идей, но также в 1950-е годы стал транзитным пунктом для тибетских эмигрантов, прибывающих из Китая. Наличие сети личных информантов и возможность общения с тибетскими беженцами помогли Тарчину получать свежие новости из Тибета от очевидцев и публиковать их в «Зеркале Тибета» в виде самых разнообразных материалов — от отчетов о военных операциях с картами и рисунками до политических карикатур.

Хотя «Зеркало Тибета» во многом существовало за счет поддержки шотландской миссии, британского колониального правительства в Индии и тибетского правительства, газету совершенно точно нельзя назвать пропагандистским изданием⁸⁵. Разумеется, Тарчин был заинтересован в получении финансовой помощи, но при этом он также стремился, чтобы его газета представляла собой качественное издание, и придерживался жесткой антикоммунистической позиции даже после того, как индийское правительство пошло на уступки Китаю и подписало индийско-китайское соглашение о признании Тибета частью КНР в 1954 г.

Безусловно, для исследователей истории Тибета главную ценность в «Зеркале Тибета» представляют именно тибетские новости, в частности описание процесса «освобождения» Тибета силами НОАК и последующих событий в тибетском регионе, которые позволяют наблюдать за жизнью тибетцев на протяжении первых двенадцати лет после официального включения Тибета в состав КНР.

Однако для критической оценки газетных материалов исследователю не менее важно ознакомиться с биографией издателя «Зеркала Тибета». Дордже Тарчина определенно сложно назвать типичным тибетцем: он родился и вырос в Индии, принял христианство и, будучи преданным индийским подданным, работал в тесном сотрудничестве с британским колониальным правительством и новым независимым индийским правительством. При этом он так же искренне любил тибетскую культуру и неподдельно переживал за будущее Тибета, прилагая все возможные усилия для отстаивания независимости Тибета на страницах собственной газеты. Тарчина, с большой вероятностью, можно считать одним из первых тибетских авторов антикоммунистического или, скорее, противобетского дискурса, а его тибетские новости в «Зеркале Тибета» — кладезем метафор и других средств языковой выразительности для описания новой власти в Тибете.

Уникальность «Зеркала Тибета» как единственного периодического издания на тибетском языке, регулярно выходившего в 1950–1960-е годы под началом тибетского редактора и осветившего процесс вхождения Тибета в состав КНР с противобетской позиции, его малонзученность и все вышеописанные преимущества издания обуславливают необходимость обращения внимания исследователей к данной газете как ценному источнику по истории Тибета XX в.

1. *Стажников А.И.* Газетные публикации как исторический источник (подробности сражения при Шёнграбене в статьях из гамбургской газеты) // Библиотековедение. 2009. Вып. № 2. С. 53.
2. Тиб. *yuł phyogs so so'i gсар 'gyur me long.*
3. Поскольку редактор газеты Дордже Тарчин обычно использовал в качестве сокращенного английского названия газеты «Зеркало Тибета» (англ. *The Tibet Mirror*; см. *Fader H.L. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol. II. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004. P. 260), в дальнейшем в данной статье также будет употребляться это краткое название.
4. *Fader H.L. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol. I. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002. P. 256–257.
5. *Goldstein M.C. A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State*. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 450.
6. *Fader H.L. Called from Obscurity... Vol. I. P. 259.*
7. *Sawerthal A. The Melong: An Example of the Formation of a Tibetan Language Press*. Revised Edition of a Master Thesis. Vienna: University of Vienna, 2011. P. 61.
8. Тарчин (тиб. *rdo rje mthar phyin*) — имя, данное Дордже, сыну Дордже и Сонамы, моравскими миссионерами при крещении.
9. «Бабу» — заимствование из хинди, индийская форма уважительного обращения («господин»). См.: *Fader H.L. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol. II. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004. P. 273.
10. Тиб. *spu*, англ. *Poo*.
11. *Fader H.L. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol. I. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002. 550 p. P. 20.
12. *Fader H.L. Called from Obscurity... Vol. I. P. 25.*
13. Англ. *the Hindustan — Tibet Road*. См. *Fader H.L. Called from Obscurity... Vol. I. P. 155.*
14. *Fader H.L. Called from Obscurity... Vol. II. P. 21.*
15. Англ. *the Scottish Union Mission / the Scottish Guild Mission*.
16. *Fader H.L. Called from Obscurity... Vol. II. P. 28.*
17. Англ. *the Sikkim Research Institute of Tibetology*.

18. *Tsering T.* The Life of Reverend G Tharchin, Missionary and Pioneer // Lungta. 1998. No. 11. P. 9; *Sawerthal A.* Op. cit. P. 73.
19. Англ. John Anderson Graham.
20. *Fader H.L.* Called from Obscurity... Vol. II. P. 258–260.
21. Ibid. P. 264.
22. Ibid.
23. Куну (тиб. khu nu, тж. англ. Kunawar) — местность в Северной Индии, где находится деревня Пу; родина Тарчина.
24. *Yul phyogs so so 'i gsar 'gyur me long.* Vol. I. No. 1. October 1. 1925. sh.1.
25. *Engelhardt I.* Tharchin's *Tibet Mirror*: A Christian Oriented Newspaper? // Historical and Philological Studies of China's Western Regions. No. 6. Beijing: Science Press, 2013. P. 153.
26. *Sawerthal A.* Op. cit. P. 88.
27. *Fader H.L.* Called from Obscurity... Vol. II. P. 309.
28. Англ. *Basil Gould.*
29. Англ. *Hugh Richardson.*
30. *Sawerthal A.* Op. cit. P. 72.
31. *Tsering T.* interviewed in *Schaedler L.* Angry Monk: Reflections on Tibet. Literary, Historical, and Oral Sources for a Documentary Film. University of Zurich, 2007 // Cit. ex. *Sawerthal A.* Op. cit. 2011. P. 88.
32. Англ. *Arthur J. Hopkinson.*
33. Англ. *Charles Bell.*
34. *Sawerthal A.* Op. cit. P. 73.
35. *Fader H.L.* Called from Obscurity... Vol. III. 2009. P. 343–344.
36. *Sawerthal A.* Op. cit. P. 74.
37. Ibid. P. 80.
38. *Engelhardt I.* Reflections in *The Tibet Mirror*: News of the World, 1937–1946 // Mapping the Modern in Tibet. PIATS 2006: Tibetan Studies: Proceedings of the Eleventh Seminar of the International Association for Tibetan Studies, K nigswinter / Ed. Tuttle G Andiaast: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies GmbH, 2011. P. 235.
39. Ibid. P. 242.
40. Ibid. P. 245.
41. Личные письма Дордже Тарчина. // Архив Колумбийского университета «The Tharchin Collection». Описание архива доступно на сайте Columbia University Libraries.
URL: http://library.columbia.edu/locations/eastasian/special_collections/tibetan-rare-books—special-collections/tharchin.html (дата обращения: 10.10.2016).
42. *Sawerthal A.* Op. cit. P. 83–84.
43. *Engelhardt I.* Reflections in *The Tibet Mirror*... P. 246–250.
44. *Tsering T.* interviewed in *Schaedler L.* Angry Monk... P. 85.
45. *Sawerthal A.* Op. cit. P. 85.
46. *Hackett P.G.* Kalimpong, Gergan Dorje Tharchin, and his *Mirror* Newspaper. The Tharchin Collection Introductory Article // Columbia University Libraries.
URL: http://library.columbia.edu/content/dam/libraryweb/locations/eastasian/Mirror_Hackett.pdf (дата обращения: 10.10.2016).
47. *Fader H.L.* Called from Obscurity... Vol. III. P. 171.
48. Ibid. P. 181.
49. *Sawerthal A.* Op. cit. P. 86.
50. *Fader H.L.* Called from Obscurity... Vol. II. P. 282.
51. *Sawerthal A.* Op. cit. P. 86.
52. Личные письма Дордже Тарчина из архива Колумбийского университета.
URL: http://library.columbia.edu/locations/eastasian/special_collections/tibetan-rare-books—special-collections/tharchin.html (дата обращения: 10.10.2016).
53. *Harrer H.* Seven Years in Tibet. New York: Tarcher, 2009. P. 90.
54. *Fader H.L.* Called from Obscurity... Vol. II. P. 273, 280; *Engelhardt I.* Tharchin's One Man War with Mao // Studies on the History and Literature of Tibet and the Himalaya / Ed. Vitali R. Katmandu: Vajra Books, 2012. P. 210.
55. *Engelhardt I.* Reflections in *The Tibet Mirror*... P. 214.

56. Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long. Vol. XXV No. 2. June 1958, Sh.1.
57. Личные письма Дордже Тарчина // Архив Колумбийского университета.
URL: http://library.columbia.edu/locations/eastasian/special_collections/tibetan-rare-books—special-collections/tharchin.html (дата обращения: 10.10.2016).
58. Engelhardt I. Reflections in *The Tibet Mirror*... P. 215.
59. Ibid. P. 220.
60. Tsering T. The Life of Reverend G. Tharchin. Missionary and Pioneer // Lungta. 1998. No. 11. P. 9.
61. Engelhardt I. Tharchin's One Man War... P. 186.
62. Ibid. P. 210.
63. Ibid. P. 193.
64. Sawerthal A. Op. cit. P. 75.
65. См., например, Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long. Vol. XXIV. No. 4. August 1. 1957. Sh.3; Приложение к Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long. Vol. XXVII. No. 6. February—March 1961. Sh.1–2.
66. Engelhardt I. Tharchin's One Man War... P. 187.
67. Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long. Vol. XIX. No. 6. September 1, 1951. Sh.6.
68. Norbu D. Pioneer and Patriot, an Extract from an Interview with Reverend G. Tharchin. // Lungta. No. 11. 1998. P. 12.
69. Engelhardt I. Tharchin's One Man War... P. 203–204; Личные письма Дордже Тарчина // Архив Колумбийского университета. URL: http://library.columbia.edu/locations/eastasian/special_collections/tibetan-rare-books—special-collections/tharchin.html (дата обращения: 10.10.2016).
70. Газеты миссионеров подробно рассмотрены в монографии: Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики / Гроховский П.Л., Михайлова Н.Н., Смирнова М.О., Завидовская Е.А., Ильина А.А. // Науч. издание под ред. Гроховского П.Л. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2014. (См.: глава «Значение газеты «Юлчог со-сой саргьюр мелонг» (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке». С. 83–87).
71. Erhard F.X. Tibetan Mass Media: A Preliminary Survey of Tibetan Language Newspapers // *The Illuminating Mirror. Contributions to Tibetan Studies*. Vol. 12. Ed. Czaja O. and Hazod G. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2015. P. 159.
72. Shakyа Ts. W. The Emergence of Modern Tibetan Literature — *gsar rtsom*. PhD Dissertation. London: SOAS, 2004. P. 21.
73. Erhard F.X. Op. cit. P. 161.
74. Sawerthal A. Op. cit. P. 56–57.
75. Тиб. bod ljongs nyin re'i tshags pag, букв. «Тибетская ежедневная газета».
76. Тиб. lha sa dgong dro tshags pag, букв. «Вечерняя лхасская газета».
77. Тиб. mtsho sngon bod yig gсар 'gyur, букв. «Новости Цинхя на тибетском языке».
См.: Erhard F.X. Op. cit. P. 161.
78. Личные письма Дордже Тарчина // Архив Колумбийского университета.
URL: http://library.columbia.edu/locations/eastasian/special_collections/tibetan-rare-books—special-collections/tharchin.html (дата обращения: 10.10.2016).
79. Там же.
80. Тиб. hha bug ga re zer gyi.
81. Erhard F.X. Op. cit. P. 160.
82. См.: Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long. Vol. XXIII No. 1. December 1, 1954. Sh.8.
83. См.: Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long. Vol. XIX No. 8. November 1, 1951. Sh.4.
84. Baumgartner J. Newspapers as Historical Sources // *Philippine Quarterly of Culture and Society*. 1981. Vol. 9 No. 3. P. 257.
85. Sawerthal A. Op. cit. P. 84.

Влияние различных общественных явлений в КНР на буддизм

© 2017

С.А. Горбунова

На буддийскую общину (сангху) оказывают влияние новые вызовы, с которыми сталкивается китайский социум. Последователи этой мировой религии не остаются в стороне от стремительного распространения инноваций, что соответствует национальной стратегии превращения КНР в Интернет-державу. В то же время на сангху воздействуют такие присущие современному китайскому обществу отрицательные явления, как коррупция в форме злоупотреблений настоятелей монастырей.

Ключевые слова: КНР, буддизм, общество, религиозное мировоззрение, Интернет, коррупция.

На новые вызовы наиболее чутко реагируют представители поколения буддийского монашества, родившиеся и сделавшие свой жизненный выбор в пользу религии уже в КНР. В качестве выразителя мировоззренческих подходов к определению современной общественной роли буддизма в последние десятилетия выдвинулся достигший высокой степени религиозного совершенствования мастер дхармы Сюэчэн¹. В 2015 г. он был избран² председателем общественно-религиозной патриотической организации — Буддийской ассоциации Китая (БАК). Его характеризует подвижническая активность в деле распространения дхармы, в воспитании нового поколения монашества, в восстановлении нескольких монастырей, в том числе монастыря Лунцзоань, о котором речь пойдет ниже.

Современные мировоззренческие подходы

Сюэчэн проявил себя не только в качестве теоретика, энергичного религиозного практика и общественного деятеля: в известной степени на его жизненном кредо отразились современные изменения, происходящие в среде буддийского монашества. Как истинный последователь теории «Буддизм в жизни людей», сформулированной его предшественниками и учителями, Сюэчэн продолжает идейно обосновывать значение буддизма в создании благоприятного морально-этического климата в стране, возрастающее влияние этой религии в общественной жизни как в КНР, так и в мире³. На Четвертом Всемирном форуме буддистов⁴, проходившем в октябре 2015 г. в Уси, председатель БАК

охарактеризовал буддизм как «культурную скрепу» в истории межцивилизационных обменов человечества⁵. Он вновь выделил значение этой религии, обращаясь в июле 2016 г. к теме «Шелкового пути», подчеркнув, что буддийская культура имеет особые преимущества в содействии культурному обмену между разными национальностями и в объединении различных цивилизаций. Она будет играть важную роль и станет движущей культурной силой в реализации великой стратегии «Один пояс, один путь», тем самым внося свой вклад в гармоничное развитие общества и дружественные контакты между разными национальностями⁶.

В контексте универсального мировоззрения, сближающего моральные нормы мировых религий, их место в общественных процессах в КНР, стоящие перед ними современные задачи трактовались в выступлении Сюэчэна на 4-й сессии Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) 12-го созыва 12 марта 2016 г. В нем отчетливо просматривалось стремление объединить всех верующих страны в соответствии с современными, выдвинутыми на государственном уровне, концепциями ее развития, в частности построения общества *сяокан* («среднезажиточного общества»)⁷. Все это нашло отражение в названии данной речи: «Религиозные круги должны, проявляя инициативу, играть активную роль в деле всестороннего построения общества *сяокан*». (Она вскоре была опубликована в печатном органе китайских буддистов журнале Фа инь⁸.) В центре внимания Сюэчэна — моральные аспекты *сяокан* в ракурсе позиции верующих, их религиозных нравственных критериев и морально-этических принципов.

Он образно начал свое выступление, указав, что «милосердная помощь и сострадание — пульс общепринятой духовности любой великой традиционной религии, по которому определяется неотделимость личной судьбы от судьбы государства и общества⁹. Каждый человек должен стремиться к общей пользе и общим ценностям, но вместе с тем развивая и реализуя свои жизненные силы, ориентироваться на самосовершенствование. Переходя к определению цели всестороннего построения общества *сяокан*, Сюэчэн подчеркивает, что она соответствует интересам и чаяниям всего китайского народа, включая широкие религиозные круги, и одновременно помогает выявить место и значимость личности. Он полагает, что верующие, проявляя моральное единство, не могут игнорировать свою ответственность за активный вклад в дело построения *сяокан*¹⁰. В результате вырисовывается вертикаль взаимоотношений: общество, верующие и, наконец, отдельная личность. То есть делается акцент на проявлении социальной активности последователя религии, на его социальном служении и нравственных мотивациях, что рассматривается как свидетельство созидательной силы религии. При этом *сяокан* определяется как осуществление общественного равноправия и справедливости. И далее, Сюэчэн говорит о том, что «любой человек находится в окружении общества, окружении производства, в то же время он способен не только влиять на них, но и совершенствовать»¹¹. Поэтому верующие в Китае должны стремиться к самосовершенствованию для созидания окружающего их общества на этапе построения *сяокан*. Высказывая эту мысль, Сюэчэн исходит из того, что китайская традиционная культура направляла безграничные возможности человека на то, чтобы его внутренняя вера и сознание вели к совершенствованию внешнего мира. В основе этого стремление к осознанию сердца, его чистоте, в результате чего происходит его возрастание и концентрация, что, в конечном итоге, приводит сердце человека к выигрышу. Одновременно это ведет к победе общества *сяокан*¹². Таким образом, Сюэчэн предлагает трактовку роли верующих в построении *сяокан* в контексте идей современного буддийского учения. Он по умолчанию отдает первостепенную роль в объединении верующих буддизму — самой «многочисленной» религии КНР. В изложении мысли о том, что *сяокан* начинается в сердце человека, отчетливо просматривается связь с идеями буддизма махаяны, например с содержанием «Сутры сердца» (санск. Праджняпарамита хридая сутра, кит. Синь цзин), а также с буддийской идеологией —

«гармоничный мир начинается в сердце человека» (*хэсе шицзе цун синь кайши*), впервые озвученной руководством БАК в 2006 г. на Первом Всемирном форуме буддистов¹³.

Информатизация буддийской общины

Все приведенное выше касалось современного буддийского мировоззрения. Перейдем теперь реалиям современной жизни, обратившись к опыту китайских буддистов. Например, в сфере информационных технологий, которые являются виртуальным мостиком, соединяющим буддийских монахов и мирян с современным миром, что позволяет оперативно осуществлять взаимовлияние и взаимный обмен. В фарватере процесса информатизации монастырей были молодые и инициативные монахи, которые под воздействием того же Сюэчэна с конца 1990-х годов начали компьютеризацию буддийских храмов и монастырей. С течением времени появились сайты не только БАК, но и целого ряда монастырей. Их содержание направлено на распространение дхармы в обществе, а также совершенствование буддийского образования.

Одним из главных вдохновителей этого процесса продолжает оставаться Сюэчэн. Для него основной экспериментальной базой стал древнейший пекинский монастырь Лунцюань, основанный при династии Ляо в 957 г. (Он находится на западной окраине Пекина в горах Сишань.) Настоятелем этого монастыря Сюэчэн является с 2005 г. В настоящее время образцовый сайт этой буддийской обители доступен не только на китайском, но и на японском, русском и английском языках. Это результат серьезной работы, проделанной сформированной при деятельном участии мастера дхармы Угуана в 2011 г. команды переводчиков, объединенных в Центре, который состоит из 4-х отделов: по делам распространения дхармы на иностранных языках, по делам образования на иностранных языках, по делам переводческой работы на иностранные языки, а также административного отдела, создающего необходимые условия по материально-техническому обеспечению. Ведется многообразная деятельность, включающая семинары на иностранных языках по обмену опытом для переводчиков, лекции, которые читают эксперты, однодневные мастер-классы по практикам *чань*. Кроме того, большое внимание уделяется созданию базы буддийских терминов на различных языках. Все эти разнообразные мероприятия проводятся в тесной связи с современным обществом¹⁴. В последние годы широкое распространение получило заочное образование, создание телевизионных образовательных программ, образование в Интернете и другие формы, соответствующие как светскому вузовскому образованию, так и современному религиозному образованию.

Современное буддийское монашество не остается в стороне и от набирающего силу в различных сферах жизни КНР процесса создания искусственного интеллекта и роботизации. В апреле 2016 г. благодаря усилиям талантливой молодежи, собранной в высокотехнологичном научно-исследовательском Центре при монастыре Лунцюань, удалось завершить создание робота в виде маленького симпатичного 60-сантиметрового монаха в желтом одеянии по имени Сяньэр («Умничка», «Маленький мудрец»), на которого возлагается функция гида. Его автором стал молодой мастер дхармы Сяньфэнь при поддержке монастырской анимационной и IT команд, сформированных из выпускников университетов, например, Цинхуа, и ставших впоследствии монахами этого монастыря. Команду информационных технологий возглавляет монах Сяньсинь — выпускник пекинского Технологического университета. А Лю Чжиюй — математик, выпускник Пекинского университета, пройдя затем обучение в Массачусетском технологическом университете, в настоящее время является послушником¹⁵. Помощь в развитии информационно-сетевых технологий в монастыре оказывают также 300 волонтеров из числа молодых последователей буддизма, в основном выпускников университетов. Вместе с тем этому высокообразованному монашеству в период религиозных служб и духовных практик запрещается пользоваться мобильными телефонами.

При распространении современных интернет-технологий в среде буддистов сопутствующими моментами стали угрозы кибератак на официальные сайты, например, Буддийской ассоциации Китая, а также связанная с этим проблема их защиты. В качестве одного из таких примеров можно привести сюжет с так называемыми поддельными «живыми Буддами». (В тибетском буддизме «живыми Буддами» называют авторитетное высшее монашество. В их человеческую оболочку в процессе реинкарнации переселяются предыдущие «живые Будды». В последние годы эта процедура должна признаваться властями КНР¹⁶, но подобная практика осуждается Далай-ламой XIV.) 18 января 2016 г. в Китае была официально запущена первая в стране информационно-справочная интернет-платформа, на которой публикуются данные о «живых Буддах» тибетского буддизма. Сейчас она содержит информацию о 870 «живых Буддах», находящихся в Китае, что позволяет оперативно получить сведения о представителях высшего тибетского буддийского монашества¹⁷. Однако из-за сбоев, вызванных хакерскими атаками на сервер БАК, видимо, осуществленными сторонниками Далай-ламы, на сайте появлялась информация о тех тибетских монахах, которые властями КНР официально не признаны «живыми Буддами». В январе 2016 г. это технически удалось устранить. Сюэчэн в связи с этим в интервью агентству Синьхуа 2 марта 2016 г. выразил «надежду на дальнейшее содействие нормализации и институционализации развития буддизма по всей стране, а также на усиление управления служителями культа и монастырями тибетского буддизма»¹⁸. Фактически это означает использование интернет-технологий для ужесточения государственного контроля над тибетским буддизмом.

Коррупция в буддийских кругах

Отрицательное влияние на жизнь буддийских монастырей оказывает такое разлагающее современное китайское общество явление, как коррупция. Со второй половины 2015 г. в Интернете, а затем в западных средствах массовой информации, стала муссироваться тема о злоупотреблениях в известном буддийском монастыре Шаолинь, в причастности к которым обвинялся его настоятель — известный буддийский монах, заместитель Председателя БАК¹⁹, депутат ВСНП 9-го и 10-го созывов Шиюнсинь (Юнсинь), то есть человек из ближайшего окружения того же Сюэчэна.

Кто же такой Шиюнсинь? Он, как и Сюэчэн, вплоть до недавнего времени считался образцом передового монашества реформенного времени. С 1984 г. Юнсинь, будучи молодым двадцатилетним монахом, активно включился в возрождение монастыря Шаолинь, а с 1999 г. стал его настоятелем. Следует отметить, что в свое время, с середины 1980-х годов власти благосклонно относились к бурной хозяйственной и коммерческой деятельности, развернувшейся в монастырях, поскольку сангхе отводилась задача за счет своих собственных ресурсов осуществить их восстановление после хаоса «культурной революции». В 1990-е годы Шиюнсинь активно продвигал Интернет в Шаолине. Он посещал многие страны мира и встречался с их лидерами. В 2006 г. принимал В.В. Путина в Шаолине. Юнсинь возглавлял группу буддийских монахов — участников фестиваля Спасская башня в Москве в 2013 г. За все это китайские СМИ в те годы называли его не настоятелем, а генеральным директором или эффективным менеджером²⁰. Стоя перед дилеммой: спрятаться за монастырскими стенами, отрешившись от сансары, или защищать буддийское учение, выйдя из монастыря, свое жизненное кредо Шиюнсинь объяснял следующим образом. «Если сравнить модернизацию с течением, то буддизм — лодка. Мы знаем, как правильно управляться с парусом, рулем, веслами, чтобы наша лодка продолжала путь. Опытный рулевой может вести свое судно и против течения, и в сильную волну, и навстречу ветру, а не плыть как бревно по течению»²¹. Однако уже тогда, например в 2011 г., в буддийских кругах звучали голоса критиков его бурной коммерческой деятельности. В то же время в монастыре Шаолинь все обвинения были

названы клеветой, а скандал разразился только 25 июля 2015 г., когда в Интернете появился материал под названием «Кто же будет контролировать “большого тигра” Шиюнсиня?»²². В принятой партийно-государственной лексике ярлык «большого тигра» соответствует крупному коррупционеру²³. Однако он применяется, как правило, в отношении государственных чиновников и партийных функционеров высокого ранга. В связи с этим встает вопрос, можно ли обвинить в коррупции Шиюнсиня, который является религиозным служителем высокого уровня? В частности, ему вменялось в вину то, что он в процессе коммерциализации монастыря, начавшейся с конца 1990-х годов, которая включала деятельность нескольких компаний под брендом «Шаолинь», распространение по Китаю и за рубежом групп боевых искусств, платные услуги в области традиционной китайской медицины, присвоил миллионы долларов. Кроме того, он также нарушил принятый монашеский обет безбрачия, вступив в связь с двумя женщинами²⁴. 28 ноября 2015 г. в газете «Хэнань жибао» появилась статья о нарушении Юнсинем монашеских обетов²⁵.

Пока нет информации о том, что прекращено его служение в качестве настоятеля монастыря Шаолинь. Более того, хотя год спустя после компрометирующей публикации вновь наблюдался интерес к ней в Интернете, во второй половине 2016 г. Шиюнсинь продолжал участвовать в буддийских мероприятиях на высоком уровне²⁶.

Складывается впечатление, что компромат на Шиюнсиня неслучайно получил широкую огласку именно тогда. Во всяком случае, просматривается определенная логика в реакции властей на подобное отрицательное явление не только в аспекте борьбы с коррупцией и в условиях подготовки соответствующего закона, но и усиления контроля над религиозной деятельностью. 8 сентября 2016 г. было принято решение обнародовать подготовленный Канцелярией Госсовета по делам законодательства проект поправок к «Положению о регулировании религиозной деятельности»²⁷ с целью их общественного обсуждения. В частности, в соответствии с ними предусматривается введение запрета на извлечение личной выгоды из религиозной деятельности, включая раздел, захват или присвоение имущества и доходов. Любые организации и физические лица, «которые пожертвовали деньги на создание религиозных организаций, не вправе использовать религиозные доходы, им запрещено извлекать “экономическую выгоду” из доходов». «Нарушители даже могут быть привлечены к уголовной и административной ответственности»²⁸.

Таким образом, власти КНР рассматривают подобные действия как проявление беззакония. Не исключено, что после вступления в действие приведенных выше поправок, предусмотренные ими карательные меры могут быть применены к Шиюнсиню. В то же время ряд сомнений вызывает возможность определения его деяний как коррупции, которая ему инкриминировалась в интернет-публикациях, поскольку настоятель монастыря не является государственным должностным лицом. Что касается принципов буддийской морали, то здесь идет речь о конкретных примерах того, как соблюдается или не соблюдается баланс между служением на благо веры и деятельностью в соответствии с развитием современного общества. Шиюнсинь, стремясь сочетать религию и бизнес, допустил явный перекося в сторону коммерции, что, с точки зрения буддийских кругов, если и допустимо в мирской жизни, но не соответствует морально-нравственным принципам учения. Перефразируя его высказывание, приведенное выше, можно констатировать, что он не справился с управлением лодкой, и она дала серьезную течь.

1. В соответствии с нормами, принятыми в зарубежном и российском китаеведении, имена, которые даются при посвящении в буддийские монахи, пишутся слитно.
2. Делегатами 9-й конференции БАК являлись представители трех направлений буддизма, сосуществующих в КНР: китайского (хань), тибетского и палийского // Фа инь. 2015. № 5. С. 36–48.

31. Более подробно см.: *Горбунова С.А.* К вопросу о роли личности в новейшей истории китайского буддизма: Сюэчэн — новый руководитель БАК // XLVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ученые записки отдела Китая. Ч. 1 / Институт востоковедения РАН. М., 2016. С. 531–541.
44. В нем приняли участие 1000 последователей этой религии из 52 стран мира. Первый Всемирный буддийский форум проходил в Путошань в апреле 2006 г. С тех пор они созывались каждые три года: Второй — в марте 2009 г. в Уси-Тайбэй; Третий — в апреле 2012 г. в Сянгане.
55. Фа инь. 2015. № 11. С. 9–10, 41. Весь ноябрьский номер (2015 г.) журнала «Фа инь» специально посвящен Четвертому Всемирному буддийскому форуму.
66. Сайт монастыря Лунцюань (на рус. яз.). URL: <http://ru.longquanzs.org/ts/ks/72359.htm>.
77. Концепция «среднезажиточного общества» выдвинута Дэн Сяопином в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Задача построения «среднезажиточного общества» к 2020 г. была поставлена на XVIII съезде КПК.
88. *Сюэчэн*. Цзунцзяо цзе яо чжудун вэй цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй фахуэй цзици цзою: [Религиозные круги должны, проявляя инициативу, играть активную роль в деле всестороннего построения общества сяокан] // Фа инь. 2016. № 3. С. 4–5.
99. Там же. С. 4.
110. Там же.
11. Там же. С. 5.
12. Там же.
13. Более подробно см.: *Горбунова С.А.* Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. М.: ИД «Форум», 2008. С. 272–273.
14. Сайт монастыря Лунцюань (на рус. яз.). URL: http://ru.longquanzs.org/gjll_fyzz/69135htm.
15. Chinese Buddhist monasteries Attracts Top Talents. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0412/c98649-9043211-6.html>.
16. Подобная практика существовала и в императорском Китае.
17. Председатель Китайского буддийского общества призывает решить проблему «поддельных живых будд» по закону. URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2016-03/04/content_715139.htm.
18. Там же.
19. Шюньсинь был избран заместителем председателя БАК на 9-й конференции в апреле 2015 г. В журнале «Фа инь» его имя приводится как Юньсинь, а первый иероглиф ши (буддийский) опускается // Фа инь. 2015. № 5. С. 46.
20. Китай. 2006. № 6. С. 16–19.
21. Там же. С. 19.
22. Шаолиньсы фанчжан Шюньсинь чжэй чжн дэ лаоху, шуй лай цзяньду. URL: <http://news.sina.com.cn/c/nd/2016-07-23/doc-ifyuhukz0886309.shtml>.
23. В январе 2013 г. Си Цзиньпин в связи с усилением борьбы с коррупцией впервые произнес известную ныне фразу «вместе бить и мух, и тигров», что расшифровывается как мелкие чиновники, так и крупные коррупционеры.
24. *Jacobs A.* Money, Lust and Kung Fu. Shaolin's C.E.O. Monk is under Fire // The New York Times. 5 August 2015. URL: <http://www.nytimes.com/2015/08/06/world/asia/shi-yongxin-shaolin-ceo-monk-accused-of-swindling-and-philandering.html>.
25. Цит. по: URL: <http://m.v4.cc/News-1434223.html>.
26. URL: <http://news.sina.com.cn/c/nd/2016-07-23/doc-ifyuhukz0886309.shtml>.
27. «Правила регулирования религиозной деятельности» («Цзунцзяо шуну тяоли») вступили в действие 1 марта 2005 г. Настоящими правилами регламентировалась деятельность религиозных объединений. В них также содержались конкретные установки по функционированию объектов религиозного назначения. После введения новых правил упразднились прежние «Правила регулирования деятельности объектов религиозного назначения» 1994 г. См.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т.IX: Реформы и модернизация (1976–2009). М.: Наука, 2016.
28. В Китае будет запрещено извлекать прибыль из религии. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0909/c31516-9112782.html>.

Некоторые исторические аспекты положения католической церкви в КНР

© 2017

Л.А. Афонина, Д.И. Петровский

Статья посвящена сложной проблеме единства китайской католической церкви, признания канонической связи с Ватиканом. Авторы исследуют различные аспекты государственной политики КНР в области религии, в частности, в отношении католиков. Особое внимание уделено истории контактов между Пекином и Ватиканом.

Ключевые слова: Китай, католицизм, Ватикан, христианство, религиозная политика КПК.

Христианство занимает одно из значимых мест в религиозной палитре Китая наряду с автохтонной религией — даосизмом, мировыми религиями — буддизмом и исламом, а также множеством народных верований и культов. Предание связывает появление христианства на китайской земле с именем ученика Христа апостола Фомы. Возможно, что уже в первые века активного функционирования Великого шелкового пути христианство достигло китайских территорий, однако об этом не сохранилось достоверных свидетельств.

Христианство существует в Китае в трех основных традициях — протестантской, католической и православной. Проповедь католицизма началась там в XIII в. Первым известным католическим миссионером был францисканец Джованни Монтекорвино, который основал католическую миссию в Пекине. Следующим успешным этапом католической миссии принято считать деятельность иезуитов в XVI в., наиболее выдающимся и известным проповедником этого периода считается Маттео Риччи. Однако наиболее активное распространение католицизм получил только после Первой опиумной войны (1840–1842)¹.

К моменту образования КНР католическая церковь включала в себя 20 архиепархий, 85 епархий, 39 апостольских префектур, 3080 миссионеров и 2557 китайских священников².

Коммунистическое правительство стремилось укрепить свою власть посредством установления нового политического порядка, исключавшего любое иностранное влияние. Для удобства мониторинга деятельности верующих их стали организовывать в патриотические религиозные объединения, которые формировались на всех административно-территориальных уровнях. Новые религиозные объединения были призваны осуществлять свою деятельность на основе принципов «трех самостоятельности» — «самостоятельная

Афонина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: liubov.afonina@gmail.com;

Петровский Дмитрий Иванович, сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. E-mail: shalong@mail.ru.

проповедь», «самостоятельное обеспечение» и «самоуправление» (кит. *саньцзы*), направленных на ограждение верующих от политического влияния из-за рубежа.

В отношении католической церкви такой подход властей отчасти стал ответом на выпущенный Верховной священной конгрегацией Священной канцелярии Римской курии и утвержденный 20 июня 1949 г. папой Пием XII «Декрет против коммунизма», который сохраняет свою силу до настоящего дня. Декретом было формально провозглашено отлучение верующих от церкви за принятие коммунистического учения и его пропаганду на том основании, что коммунизм представляет собой «материалистическое и антихристианское учение»³.

«Декрет против коммунизма» стал своего рода продолжением антикоммунистической энциклики папы Пия XI *Divini Redemptoris* (19 марта 1937 г.), обращенной против «большевистского и безбожного коммунизма, цель которого — разрушить общественный порядок и подорвать самые основы христианской цивилизации»⁴.

Открыто выраженная Ватиканом враждебность коммунистическому режиму и утверждение о его несовместимости с христианством, а также реализация подхода новых китайских правителей к религиозной сфере стали источником разделения в католической церкви Китая и затяжного конфликта Ватикана и властей КНР.

30 ноября 1950 г. на севере Сычуани группа католиков выпустила «Декларацию о самостоятельности и обновлении католической церкви», призывая верующих разорвать связь с империализмом и колониализмом. Вскоре сходные документы стали появляться в печати и в других городах. В январе 1951 г. в партийной газете «Жэньминь жибао» появилась передовая статья «Приветствуем патриотическое движение католических деятелей»⁵.

В марте 1951 г. Нанкинская епархия во главе со священником Иоанном Ли Вэйгуаном (в 1955 г. извергнут Ватиканом из сана, в 1959 г. незаконно, с точки зрения Ватикана, рукоположен в епископа Нанкина) опубликовала декларацию, в которой заявлялось: «Кроме сохранения чисто религиозных связей с Ватиканом, мы решительно против вмешательства Ватикана во внутривнутриполитические дела Китая»⁶.

А летом 1951 г. нунций архиепископ Антонио Рибери (первый дипломатический представитель Ватикана в Китае с 6 июля 1946 г.) был выдворен из страны и переехал на Тайвань. В том же году папа Пий XII признал независимость Тайваня⁷.

При этом после образования КНР Святой престол назначил по меньшей мере 14 епископов в континентальном Китае (последнее поставление состоялось 20 сентября 1955 г.)⁸.

Папа Пий XII осудил движение «трех самостоятельности» и гонения на верующих в выпущенной 2 июля 1951 г. энциклике *Evangelii graecones*⁹. 18 января 1952 г. папа Пий XII издал апостольское послание *Supimus Imprimis*, в котором критиковал политику властей КНР по отношению к католической церкви, сравнивая ситуацию в Китае с преследованиями первых христиан¹⁰. В феврале 1952 г. группа верных Ватикану китайских католиков выпустила документ «Церковь в Китае: декларация веры», в котором декларировала отпадение патриотических католиков от Церкви¹¹.

Ситуация продолжала усугубляться, поэтому 7 октября 1954 г. папа Пий XII издал энциклику *Ad Sinagum Gentem*, в которой осудил проводимую китайским правительством политику притеснения Церкви¹². Энциклика была написана на фоне проходивших в Китае преследований христиан, изгнания миссионеров, ареста многочисленных священнослужителей, мирян и дальнейшего формирования под эгидой властей движения, которое выступало за создание национальной независимой от Святого престола церкви.

К концу 1956 г. по всей стране было организовано более 200 региональных католических патриотических объединений. В июне 1957 г. для противостояния антикоммунистической риторике Ватикана, а также для установления контроля над верующими по инициативе властей КНР было создано национальное католическое объединение — Китайская католическая патриотическая ассоциация (ККПА) во главе с рукоположенным по

папскому мандату 11 октября 1949 г. архиепископом Шэньяна Игнатием Пи Шуши. Основным принципом работы объединения стало отсутствие связей с Ватиканом как епископата, так и паствы¹³.

Членство для верующих в ККПА становилось обязательным. Вся собственность католической церкви была конфискована и передана ККПА. В 1957 г. ККПА издала прокламацию, в которой говорилось, что церковь «разорвала все отношения с папой и Святым престолом» и теперь находится «под прямым управлением правительства». Не принявшие это условия, сохранившие лояльность Папе Римскому и образовавшие подпольную церковь католики были объявлены предателями Родины¹⁴.

К концу 1957 г. из-за массовой высылки иностранных епископов 120 из 145 епархий и апостольских префектур остались без ординариев. Правительство потребовало от ККПА назначать епископов в епархии при игнорировании общепринятой в католицизме канонической процедуры утверждения кандидатур Папой Римским. Уже в декабре 1957 г. был избран первый нелегитимный епископ — епископ города Чэнду Иоанн Ли Ситин¹⁵, а в апреле 1958 г. состоялись первые неканонические епископские хиротонии — епископа Ханькоу Бернардина Дун Гуанцина и епископа Учана Марка Юань Вэньхуа¹⁶.

Из Ватикана последовала резкая реакция в виде изданной 29 июня 1958 г. энциклики папы Пия XII *Ad Apostolorum Principis*. В данном тексте понтифик критиковал ККПА, объясняя, что за термином «патриотизм» скрывается попытка навязать верующим атеистический материализм, и что незаконное рукоположение епископов без согласия Святого престола приводит к отлучению от Церкви совершающих и принимающих такое рукоположение¹⁷.

Но это не остановило череду незаконных поставлений: в 1958 г. были рукоположены 24 нелегитимных епископа, 11 епископов в 1959 г., 6 епископов в 1960 г., 7 епископов в 1962 г. и 3 епископа в 1963 г.¹⁸

В 1962 г. состоялся 2-ой съезд ККПА, на котором были внесены некоторые исправления в устав. В частности, подчеркивалось, что церковь действует «под руководством партии и правительства» и «в соответствии с законодательством»¹⁹.

В октябре 1962 г. папа Иоанн XXIII открыл II Ватиканский собор. К участию в его работе были приглашены епископы из КНР, которые, по понятным причинам, не смогли приехать.

В начале своей деятельности Патриотическая католическая церковь не признавала многих решений Ватикана, принятых после 1949 г. В дальнейшем на практике такой подход был пересмотрен. В католической общине Китая до сих существуют споры относительно догмата о телесном вознесении на небо Пресвятой Богородицы (1950), решений II Ватиканского собора (1962–1965), ряда канонизаций и литургических реформ. В социальном учении Патриотическая католическая церковь следует социальной программе КПК, которая противоречит учению Римско-католической церкви, в частности, в области планирования семьи.

К середине 1960-х годов среди части высшего руководства КНР появились мысли о том, что условия для формирования идеологически однородного общества созрели. В период «культурной революции» (1966–1976) стало подавляться всякое инакомыслие, в том числе религиозное.

Начиная с 1971 г. уровень дипломатического присутствия Ватикана на Тайване был снижен до минимального. Это был сознательный выбор папы Павла VI. В качестве некоего ответа Пекина можно расценить открытие в Пекине в 1971 г. собора Непорочно-го зачатия Пресвятой Девы Марии (он же Южный собор) для нужд иностранных дипломатических представителей²⁰.

После старта политики реформ и открытости, инициированной Дэн Сяопином в конце 1970-х годов, было принято решение в определенной мере допустить в стране религиозную активность. Показательным событием явилось восстановление в 1978 г. в Пе-

жине могилы итальянского миссионера-иезуита Маттео Риччи²¹. В 1979 г. епископ Роттенбурга-Штутгарда Георг Мозер из Западной Германии посетил Китай. Он стал первым высокопоставленным католическим клириком, посетившим КНР после ее образования²².

Для контролируемого восстановления церкви властям было необходимо, чтобы процесс возглавили доверенные люди. 21 декабря 1979 г. в Южном соборе двумя нелегитимными архиепископами и одним признанным Ватиканом епископом был посвящен в сан епископа Михаил Фу Тешань, находящийся в священническом сане с 1956 г. Эту хиротонию Ватикан не признал²³.

С 1979 г. начались реабилитации ряда католических деятелей, стоявших у истоков ККПА, причем некоторые из них стали занимать посты в НПКСК и католических объединениях разного уровня.

15 августа 1980 г. в день Успения Девы Марии в Южном соборе прошла месса, в которой приняли участие около 3 тыс. верующих, в том числе китайцы. В этот же год были проведены рождественские мессы в Шанхае, Тяньцзине, Внутренней Монголии, Шэньяне, Цзинани, Ухани, Чэнду и др.²⁴ Согласно официальной статистике, к 1983 г. в стране насчитывалось 330 храмов, а к 1987 г. эта цифра выросла до 2100²⁵. Для решения проблемы нехватки священнослужителей власти зачастую оказывали давление на епископов и священников, обзаведшихся семьями в период гонений на церковь, и заставляли их возобновить прежнюю деятельность²⁶.

Различные статусные ватиканские прелаты начали посещать Китай в попытке наладить отношения. Первым кардиналом, официально посетившим КНР 27 февраля 1980 г., стал архиепископ Марселя Роже Эчегерай, а в марте Китай посетил австрийский кардинал Франц Кёниг. Оба кардинала прибыли по приглашению Китайского общества дружбы с зарубежными странами. Они встречались с главой ККПА епископом Михаилом Фу Тешанем, членом Политбюро ЦК КПК, директором Отдела Единого фронта ЦК КПК Уланьфу и начальником Управления по делам религий при Госсовете КНР Сяо Сяньфа²⁷. Данные приглашения стали в известной степени ответом на прозвучавший летом 1979 г. призыв папы Иоанна Павла II восстановить отношения Китая и Святого престола.

В мае 1980 г. состоялся 3-й съезд ККПА. Его решения в целом отвечали духу проводимой КНР политики в религиозной сфере. Ставились задачи объединять верующих для участия в социалистическом строительстве, сохранять принцип независимости в религиозной деятельности, проводить просвещение верующих в духе законопослушности и любви к Родине²⁸.

В тот период КПК пришла к осознанию того, что ККПА на мировой религиозной арене представляется нелегитимной. Требовалось создание организаций, которые могли бы быть признаны во внешнем мире. Поэтому на последовавшей за съездом ККПА Национальной ассамблее католических представителей 31 мая — 2 июня 1980 г. было образовано два новых объединения национального уровня: Епископская конференция католической церкви Китая (ЕККЦК) и Китайский католический административный комитет (ККАК).

Создание ЕККЦК было ориентировано на диалог с Римско-католической церковью. Оформившиеся к XIX в. епископские конференции — собрания епископов, осуществляющих пастырские обязанности на определенной территории — получили развитие как церковный институт после II Ватиканского собора (1962–1965).

ЕККЦК — орган, формирующийся из епископов разных диоцезов. В список епископов конференции попали как епископы, признаваемые понтификом, так и возведенные в сан без его одобрения. В тексте устава Епископской конференции 1989 г. содержались положения о полномочиях и ответственности конференции, связанные с рукоположением епископов. В отличие от общепринятой мировой практики, устав ЕККЦК не был направлен Папе Римскому на утверждение²⁹.

ККАК — орган церковно-организационного администрирования, был создан как дублирующий конференцию орган. В какой-то степени это можно расценивать как недостаточное доверие властей епископам в отношении управления церковными делами.

Наряду с ККПА два новых объединения стали активно вовлекаться в практическую и относительно деполитизированную пастырскую работу, в результате чего они получили несколько большее доверие со стороны верующих³⁰. Все три объединения вместе стали именоваться «объединенной ассамблеей».

В 1978 г. ватиканская Конгрегация пропаганды веры издала секретные инструкции для верных священников и епископов, в которых им разрешалось принимать ключевые решения в жизни подпольной церкви без одобрения Ватикана. Китайским католикам в качестве исключения из канонического права даровались «особые права» — например, на рукоположение священников без формального богословского образования при условии твердости в вере и на обучение в подпольных семинариях; клирикам разрешалось совершать таинства для верующих вне пределов своей епархии. Данный документ обеспечивал базу для развития неофициальной церкви³¹.

В марте 1980 г. назначенный папой Пием XII епископ Фэнсяна Антоний Чжоу Вэйдао тайно рукоположил в епископский сан своего преемника Луку Ли Цзинфэна. Вскоре после этого они установили контакт с освобожденным из заключения епископом Баодина Петром-Иосифом Фань Сюэянем, который поддержал их в тайных поставлениях новых епископов без предварительного согласования с Ватиканом, указав, что в чрезвычайных ситуациях каноническое право позволяет такие действия. Вскоре после этого последовало три епископских рукоположения³².

В качестве объяснения этого весьма противоречивого поступка было указано, что правящий режим не уважает свободы, в том числе религиозные, своих граждан. Более того, карает за верность религиозным взглядам, а церковь не может продолжать свое существование без легитимного епископского корпуса. Это стало началом уникального для всей истории католической церкви движения, по крайней мере, по масштабам данного явления. Примечательно, что Ватикан практически не участвовал в выборе кандидатов.

12 декабря 1981 г. бразильский кардинал Анджело Росси, префект ватиканской Конгрегации пропаганды веры, направил письмо за номером 5442/81 временному поверенному в делах апостольской нунциатуры в Тайване монсеньору Паоло Джильо, прося довести до правомочных епископов в КНР просьбу о предоставлении им ввиду чрезвычайных обстоятельств «особых прав», то есть прав выбирать и рукополагать своих епископов-коадьюторов или епископов для соседних епархий, оставшихся без законных пастырей. Более того, такие рукоположения дозволялись без предварительного уведомления Святого престола³³. Данные «особые права» были отменены только в 1993 г., когда Ватикан стал активнее искать диалога с Китаем.

Утверждение папой Иоанном Павлом II действий епископа Петра-Иосифа Фань Сюэяня по рукоположению трех епископов в 1981 г. без предварительного получения разрешения от римского понтифика, но с последующим информированием Святого престола, привело к поставлению около 80 епископов за период с 1981 по 1993 г.³⁴ Именно с момента этого канонического одобрения Ватикана можно говорить о начале быстрого распространения на китайской земле «подпольной» церковной структуры.

В ответ ЦК КПК в своем официальном документе призвал «жестко раздавить» подпольные общины, которые «под предлогом религиозной деятельности занимаются вредоносным шпионажем». Епископ Петр-Иосиф Фань Сюэянь вскоре был арестован и через некоторое время полицейские выдали его родственникам безжизненное тело в полиэтиленовом пакете³⁵.

В 1985 г. делегация китайских католиков во главе с лидером ККПА епископом Михаилом Фу Тешанем посетила Бельгию, став первой официальной католической делегацией Китая, выехавшей за границу после 1949 г.³⁶

В ноябре 1986 г. одновременно состоялись 4-й съезд ККПА и 2-я Национальная ассамблея католических представителей. ККПА признала, что путь независимости китайской церкви соответствует основам католицизма и интересам Родины, а также пользуется поддержкой духовенства и верующих. На съезде перед церковью была поставлена задача повышения уровня богословско-философского сознания, формирования богословской мысли, соответствующей китайской государственности³⁷.

Деятельность католической церкви стала целиком зависимой от политических решений людей, стоявших у рычагов государственной власти, и лишь полностью соглашательская позиция обеспечивала ее функционирование и безопасность.

После ряда метаморфоз к 1987 г. удалось добиться ослабления напряжения в двусторонних отношениях. Однако в 1988 г. Конгрегация евангелизации народов выпустила «Директиву из восьми пунктов об отношениях с Китаем», выдвигавшую требование о том, чтобы верные Ватикану члены церкви избегали общения в таинствах с епископами и священниками ККПА³⁸. Данная директива усилила рост подпольных общин. Многие верующие продолжают следовать этим указаниям и сегодня, несмотря на то, что они были отменены папой Бенедиктом XVI в 2007 г.

В апреле 1989 г. было проведено собрание ЕККЦК, на котором большинством голосов было признано духовное (но не политическое и не каноническое в контексте Китая) верховенство папы Иоанна Павла II³⁹. С конца 1980-х годов молитва о Папе, исключенная ранее из молитвословов и миссалов, вновь обрела там свое место⁴⁰.

На протяжении 1980-х годов все больше нелегитимно рукоположенных епископов, пользуясь возобновленными контактами с иностранными священниками и миссионерами, направляли в Рим письма, где заявляли о своем желании быть признанными в качестве законных епископов. Таким образом, находящиеся под политическим контролем ККПА епископы предпринимали путь канонической санации, чтобы подтвердить свое общение с Папой, но сохраняли свои действия в тайне из-за внешних условий.

Тогда же наблюдалась активная деятельность неофициальных христианских групп. 21 ноября 1989 г. в уезде Саньюань пров. Шэньси группа епископов и священников приняла решение об основании своей Епископской конференции. В ее состав вошло более 50 епископов. Главой конференции был заочно выбран находящийся под домашним арестом епископ Петр-Носиф Фань Сюэянь⁴¹. Вскоре после собрания правительство арестовало многих его участников. Интересно, что создание подпольной епископской конференции не было одобрено Ватиканом, настроенным на диалог с Пекином, и ее существование протекало в условиях фактического непризнания как со стороны властей, так и Святого престола.

Деятельность профсоюза «Солидарность» в Польше в 1989 г. представляло собою первое в социалистических странах оформленное антикоммунистическое движение, объединявшее самые разные политические силы, включавшие и католических священнослужителей. Это вызвало у властей КНР опасение массовых выступлений в Китае и подозрение, что христианские церкви могут стать базой для борьбы с режимом⁴². Отражение такой озабоченности можно найти в директиве «Усиление контроля над католической церковью в новых условиях» (Документ № 3) от 23 февраля 1989 г., подготовленной Отделом Единого фронта ЦК КПК и Управлением по делам религий при Госсовете. В нем содержится два условия нормализации отношений с Ватиканом: 1) Ватикан должен разорвать дипломатические отношения с Тайванем и признать правительство КНР единственным законным правительством Китая; 2) Ватикан должен перестать вмешиваться во внутренние дела Китая, включая религиозную сферу⁴³.

В сентябре 1992 г. на 5-й Национальной ассамблее католических представителей было принято решение сделать ККАК органом подчинения ЕККЦК. Кроме этого, по ватиканскому образцу в рамках конференции было создано пять комиссий, контролировавших деятельность семинарий, проведение литургий, изучение богословия, финансирова-

ние и международные отношения. С тех пор «объединенную ассамблею» составляют ЕККЦК и ККПА. Между двумя церковными институциями существует тесная взаимосвязь. Председатель ЕККЦК является заместителем председателя ККПА, а председатель ККПА — заместителем председателя ЕККЦК.

Тогда же была принята новая стратегия по взаимодействию с подпольными общинами. Было решено не опираться на преследования, а попытаться убедить служителей катакомбной церкви присоединиться к церкви официальной⁴⁴. После 1992 г. патристические католические лидеры стали подчеркивать, что китайский и вселенский католицизм едины в вере.

В 1990-е годы можно было наблюдать попытки с обеих сторон сделать шаг навстречу диалогу и нормализации отношений. Так, например, несколько епископов официальной церкви, назначенных без благословения Святого престола, спустя какое-то время получили признание Папы Римского.

В 1993 г. кардинал Роже Эчегерай во второй раз посетил Китай по приглашению министра спорта КНР У Шаоцзю для участия в открытии VII Всекитайских национальных игр. В ходе визита он встретился с заместителем председателя ПК ВСНП Бухэ (сыном Уланьфу) и главой Управления по делам религий при Госсовете КНР Чжан Шэнцзо. Также состоялись его встречи с главой ЕККЦК епископом Цзинани Иосифом Цзун Хуайдэ и епископом Пекина Михаилом Фу Тешанем⁴⁵. Визит носил полуофициальный характер, но кардинал признал, что его следует рассматривать как видимый знак стремления обеих сторон к диалогу.

Напряженность в отношениях вновь возникла с появлением документа «Положение ЕККЦК о выборе и рукоположении епископов» в 1993 г.

В январе 1995 г. из КНР на Филиппины была направлена делегация для участия в мессе, которую возглавлял папа Иоанн Павел II. Однако ситуация не улучшилась, Папа обратился к китайским католикам по радио со словами о том, что, отвергая единство с Папой, они лишают себя возможности быть настоящими католиками⁴⁶.

С визитом архиепископа Клаудио Мария Челли в Пекин в январе 1996 г. были возобновлены переговоры между КНР и Ватиканом.

После смерти главы ЕККЦК епископа Иосифа Цзун Хуайдэ на 6-й Национальной ассамблее католических представителей в январе 1998 г. новым главой ККПА был избран епископ Пекина Михаил Фу Тешань, а главой ЕККЦК — епископ Нанькина Иосиф Лю Юаньжэнь.

В 1997 г. министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь заявил, что обсуждение отношений Ватикана с католической церковью Китая возможно только после разрыва Ватиканом дипломатических отношений с Тайванем. В феврале 1999 г. представители Ватикана подтвердили готовность пойти на этот шаг при условии, что епископы будут возводиться в сан на основании списка кандидатов, предложенного Ватиканом⁴⁷.

В 1998 г. правительство КНР запретило епископам участвовать в Синоде епископов Азии, проводившемся в Риме⁴⁸.

В сентябре 2000 г. президент Папского совета справедливости и мира кардинал Роже Эчегерай посетил Китай с третьим официальным визитом, во время которого он встретился с представителями правительственных кругов и даже вошел в число официальных гостей церемонии празднования 1 октября⁴⁹. Кардинал Эчегерай стал первым ватиканским кардиналом, открыто совершившим богослужение в Китае после 1949 г.

Очередное охлаждение отношений вызвала канонизация 120 мучеников (87 китайцев и 33 представителей иностранных государств), убитых в Китае в XVII—XX вв.⁵⁰ Архиепископ Михаил Фу Тешань выступил против канонизации мучеников Святым престолом. Китайские СМИ назвали мучеников агентами империализма⁵¹.

Дата канонизации 1 октября 2000 г. совпала с празднованием Дня образования КНР, и в Пекине это было воспринято как намеренная провокация. В ответ правительст-

во Китая утвердило назначение пяти епископов ККПА без одобрения Святого престола. Это произошло 5 января 2001 г. — в тот день, когда папа Иоанн Павел II совершал в Ватикане обряд рукоположения епископов⁵².

В ходе своего четвертого визита в КНР в 2003 г. кардинал Эчегерай заявил об отсутствии принципиальных отличий между лояльными Риму католическими общинами, находящимися в данный момент на нелегальном положении, и ККПА — единственной католической организацией, которая признана правительством страны.

Во время понтификата Папы Римского Иоанна Павла II (1978–2005) сложилась система, когда в Ватикан для одобрения представляли официально избранные кандидатуры на епископский сан в патриотической Церкви различными способами. К середине 2000-х годов Ватикан признал более 80% епископов китайской официальной церкви.

При этом при поддержке Ватикана подпольная католическая церковь продолжала рукополагать епископов и священников, а также проводить епископские конференции⁵³. В этот период китайские власти активизировали аресты подпольных служителей. Закрывались незарегистрированные храмы.

Первым кардиналом, официально приглашенным властями КНР с официальным визитом для чтения лекций в семинариях, стал бельгийский кардинал Годфрид Даннеелс, посетивший Китай весной 2005 г. Он был принят в Чжуннаньхае вице-премьером Госсовета КНР Хуэй Ляньюем. Состоялись встречи с руководством Отдела Единого фронта ЦК КПК и Государственного управления КНР по делам религий, а также встреча с главой ККПА епископом Фу Тешанем⁵⁴.

Однако во взаимоотношениях продолжались конфликты, несмотря на то, что новоизбранный Папа Римский Бенедикт XVI обозначил развитие диалога с Китаем как одну из главных задач своего понтификата. В 2005 г. папа Бенедикт XVI пригласил в Рим на Архиерейский синод трех епископов из патриотической ассоциации, чтобы они могли участвовать в работе синода в качестве полноправных членов. Однако правительство Китая не выдало им разрешение на выезд за границу и обвинило Ватикан в односторонних и несогласованных действиях.

27 мая 2007 г. в письме к китайским католикам папа Бенедикт XVI указал, что ККПА и ЕККЦК являются организациями, функционирование которых несовместимо с католической доктриной, и призвал клир и мирян по возможности воздерживаться от участия в их деятельности. Однако понтифик признал наличие существенных сложностей в положении верующих в Китае и оставил принятие решения в каждом конкретном случае на усмотрение отдельных епископов⁵⁵. Письмо впервые определило, что не запрещено сослужить с епископами и священниками, находящимися в общении с Папой, даже если они признаны светскими властями и сохраняют связи с церковными структурами, созданными правительством. Мирянам также дозволено участвовать в таинствах, совершаемых такими священниками и епископами.

Письмо стало следствием нового раунда неофициальных переговоров между Пекином и Ватиканом по вопросу признания епископских поставлений. Несмотря на позитивные перспективы, соглашение не было достигнуто. Срыв переговоров стал для китайских властей поводом использовать письмо папы Бенедикта XVI как причину для новой волны независимых хиротоний в 2010 г.

Примечательно, что с 2006 по 2010 г. не совершалось епископских хиротоний без получения неформального согласия Ватикана. Более того, за четырехлетний период было совершено 10 епископских хиротоний, санкционированных Папой.

В ноябре 2010 г. была проведена нелегитимная хиротония епископа города Чэн-дэ Иосифа Го Цзиньцая⁵⁶. Для ее совершения были насильственно собраны 8 епископов, состоящих в общении с Римом. Показательно, что хиротония состоялась в дни заседания консистории кардиналов в Риме.

В декабре 2010 г. в Пекине открылась 8-я Национальная ассамблея католических представителей, которая прошла в условиях фактического разрыва отношений с Ватиканом. До этого собрания ассамблей не проводились продолжительное время. Заявленными целями ассамблей были «поддержка принципов патриотизма и независимости церкви, сопротивление внешним силам и объединение клира и всех католиков в движении по пути социалистического общества»⁵⁷.

На заседании состоялись выборы руководящего состава ККПА и ЕККЦК. Руководящие позиции этих структур были вакантны с 2007 г. после смерти первоиерарха архиепископа Михаила Фу Тешаня, который с 1998 г. был главой ККПА, а с 2005 г. возглавлял ЕККЦК.

Председателем ЕККЦК избрали епископа города Куньмина Иосифа Ма Инлинь, епископская хиротония которого представляется неправомочной со стороны Ватикана, а занимаемый им пост скорее является препятствием для его признания. Всего в состав нового руководства епископской конференции вошли три нелегитимных епископа.

Главой ККПА был избран епископ города Линьи Иона Фан Синьяо, рукоположенный с согласия Папы Римского. Фактически епископ Иона Фан является креатурой мирянина Лю Байняня, который продвигал его как наименее способного к епископскому служению, с тем, чтобы сохранить свои позиции и влияние.

Назначение непризнанного епископа главой иерархии (ЕККЦК) и назначение признанного епископа главой неканонической ККПА являются вызовом Ватикану. Этими назначениями Китай продемонстрировал отказ от всего, что было достигнуто в ходе диалога предшествующих лет.

Фактически ключевыми фигурами современного китайского католицизма являются епископ Иосиф Ма Инлинь и епископ Иосиф Го Цзиньцай. Эти пользующиеся доверием правительства КНР представители церкви обладают определенной степенью власти в рамках церковных институтов.

В большой степени свое влияние на церковь продолжает оказывать Антоний Лю Байнянь — мирянин, игравший существенную роль в кругах китайских католиков с начала периода реформ, а со смертью епископа Михаила Фу Тешаня стал ключевым лицом, имеющим право высказываться от имени церкви. В 1979–1992 гг. он являлся заместителем генерального секретаря ККПА и заместителем председателя ККАК. Кроме того, в ККПА он руководил связями с общественностью. В период 1992–2010 гг. он занимал должности генерального секретаря и заместителя председателя ККПА, при этом с 2007 по 2010 г. в его руках фактически находилась вся полнота власти в управлении делами ассоциации. Есть точка зрения, что в этот период глава церкви не избирался именно по причине того, что государственным властям было удобно решать связанные с католичеством в Китае вопросы через Лю Байняня.

30 мая 2012 г. произошел скандальный эпизод с епископским назначением Фаддея Ма Дацина. Священник Фаддей Ма был избран епископом-коадьютором Шанхая после того, как Рим назначил его викарным епископом Шанхая. 7 июля состоялась его хиротония с одобрения папы Бенедикта XVI и пекинских властей. До рукоположения он занимал должности постоянного члена комитета ККПА и заместителя главы католической патриотической ассоциации Шанхая. По окончании хиротонии епископ публично объявил, что отказывается от ответственных постов в ККПА и полностью посвящает себя епископскому служению⁵⁸.

Вслед за этим епископ был задержан и помещен под «домашний арест» в монастыре Шэшань. Епископский сан Фаддея Ма был аннулирован, что вызвало негодование среди верующих, так как по церковным канонам собрание епископов не имеет права лишить сана епископа⁵⁹. Следует отметить, что в своем решении епископ Фаддей Ма не был до конца самостоятелен, на него оказал решающее влияние гонконгский кардинал Иосиф Чэнь Жицзюнь (Цзэн Цзекунь), известный своим резким неприятием религиоз-

ной политики властей КНР. Данное публичное действие серьезно осложнило диалог Китая с Ватиканом.

Папа Франциск (266-й папа римский с 13 марта 2013 г.) также открыто выражал стремление к диалогу с Пекином и неоднократно заявлял о желании посетить Пекин. Он предпринимает усилия в этом направлении.

При совершении 12–18 августа 2014 г. папой Франциском поездки в Южную Корею власти впервые позволили папе римскому воспользоваться воздушным пространством Китая. Пребывание в воздушном пространстве государства позволило понтифику отправить приветственную телеграмму властям⁶⁰. Для Франциска это стало способом вступить в контакты с руководителями КНР.

Для создания позитивного климата двусторонних отношений в декабре 2014 г. римский понтифик отказался от встречи с Далай-ламой. Жест понтифика, точно указывающий, что в Ватикане не хотят раздражать Китай, имеет мало общего с политикой прежних пап, включая Бенедикта XVI и Иоанна Павла II.

О разрешении конфликта между КНР и Ватиканом говорить не приходится. В апреле 2013 г. был обнародован документ «Постановление ЕККЦК о выборе и рукоположении епископов», являющийся расширенной версией аналогичного документа 1993 г. Документ подробно описывал процесс подготовки к рукоположению епископов и образование выборной коллегии. Надо отметить также, что официальная католическая церковь Китая насчитывает 97 епископских кафедр, из которых чуть меньше половины являются вакантными⁶¹.

Интересен инцидент, имевший место в июне 2014 г., когда в Национальной семинарии церемония выпуска была отменена из-за того, что студенты отказались участвовать в мессе, возглавляемой нелегитимным епископом Иосифом Ма Инлинем — председателем ЕККЦК и ректором Национальной семинарии. Они отказались также посетить церемонию, возглавляемую председателем ККПА епископом Иной Фан Синъяо, поскольку он участвовал во многих нелегитимных рукоположениях⁶².

Визит Папы Римского в Южную Корею в августе 2014 г. стал возможностью для китайских католиков молиться вместе с главой церкви. Однако половина из сотни с лишним китайцев, которые должны были прибыть в Южную Корею на мессу, были задержаны властями при пересечении границы⁶³.

В июне 2014 г. возобновились переговоры между Ватиканом и Пекином. Осенью китайское правительство предложило условия достижения договоренности о сотрудничестве с Ватиканом относительно назначения епископов в КНР. При этом было заявлено, что Китай не примет требование Ватикана расформировать ККПА, но мог бы согласиться изменить роль этой организации в церковной жизни.

В СМИ циркулирует информация о том, что за последние месяцы переговоров представители Ватикана и КНР пришли к следующему варианту замещения вакантных кафедр: Государственное управление КНР по делам религий направляет в Рим подготовленный ЕККЦК список из трех кандидатур, после чего Папа утверждает одну из них или отвергает все три. В случае согласия с одной из кандидатур понтифик объявляет о его назначении, но перед хиротонией это назначение должны утвердить китайские власти⁶⁴. Естественно, что официальные китайские представители не подтверждают этого.

11–16 октября 2015 г. делегация Государственного секретариата и Конгрегации по евангелизации народов посетила Пекин и провела переговоры с представителями Отдела Единого фронта ЦК КПК и Государственного управления по делам религий. Содержание переговоров не оглашалось, основным вопросом обсуждения могла стать тема епископских назначений. Можно предполагать, что обсуждался и вопрос дипломатических отношений Ватикана с Тайванем. Очевидно, что одной из тем повестки стала тема встречи Папы Римского с председателем КНР⁶⁵.

Тот факт, что ватиканская делегация встретила с главой ЕККЦК — незаконно рукоположенным и отлученным от Церкви епископом Иосифом Ма Инлинем, — свидетельствует о достижении определенного прогресса в переговорах.

Переговоры сопровождаются некоторыми обнадеживающими для двусторонних отношений знаками. Например, в июле 2015 г. власти разрешили признанному Папой и секретно рукоположенному епископу Чжоучжи Мартину У Циньцзину публично осуществлять свое служение, а 4 августа 2015 г. в провинции Хэнань прошла хиротония Иосифа Чжана Иньлиня, впервые за три года признанная и правительством, и Ватиканом. Все трое епископов, участвовавших в рукоположении, принадлежат к числу назначенных правительством и утвержденных Ватиканом иерархов⁶⁶.

Важно отметить, что вскоре после встречи в Пекине группа из китайских епископов, священников, монахинь и мирян, занимающих посты в ККПА и ЕККЦК, провела выездное мероприятие, в течение которого признанные Ватиканом и властями КНР епископы совершали служение с незаконными епископами.

Основной темой мероприятия стало развитие высказанного председателем КНР Си Цзиньпином тезиса о необходимости «китаизации» религии и христианства, создании «китайского богословия», углубления демократического подхода в управлении церковью⁶⁷.

В январе 2016 г. делегация Отдела Единого фронта ЦК КПК и Государственного управления по делам религий посетила Ватикан. Затем последовала встреча в Пекине летом 2016 г. Содержание встреч снова осталось неизвестным для широкой публики.

В современном Китае отношение властей к деятельности неофициальной католической церкви варьируется в зависимости от региона. Где-то они мирно сосуществуют до возникновения конфликтных ситуаций; в других местах представителям неофициальной церкви приходится сталкиваться с преследованиями и «принудительным обучением» (в форме трудовых лагерей).

Большинство епископов и священников современной католической церкви Китая находятся в неформальном общении со Святым престолом — обращаются к нему с вопросами, запрашивают благословения по различным поводам. В целях сохранения относительной свободы религиозной жизни для католиков клирики патриотической церкви не без благословения Ватикана вынуждены принимать правила игры, навязываемые им партийным руководством, во многом поступаясь церковными принципами и идеями.

Анализ ситуации приводит к парадоксальному выводу о том, что современная католическая церковь Китая, несмотря на свое разделение, является церковью, готовой объединиться и стать полноценным членом Вселенской церкви в случае изменения политической ситуации. Показательно в этом плане заявление государственного секретаря Ватикана кардинала Пьетро Паролина (одного из самых значимых игроков на китайском направлении Ватикана) в августе 2016 г. в интервью изданию Итальянской епископской конференции «Авенире» о том, что «в Китае не существует двух разных церквей: одна — верная Папе, а другая — подчиняющаяся правительству, — но есть две общины, желающие жить в полном общении с преемником Петра»⁶⁸.

На протяжении всего периода попытки общения властей КНР и представителей Ватикана сменялись враждебными выпадами, и особых результатов деятельность по нормализации отношений пока не принесла. Описанная отчасти тупиковая ситуация в католической церкви Китая требует нестандартного политического решения.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что преодолению разделения препятствуют не только сохраняющиеся трения между китайскими властями и контролируемые ими патриотическими религиозными объединениями и Святым престолом, но и существенный конфликтный потенциал, который накоплен за годы разделенного существования между официальными и подпольными католическими общинами.

Детальное изучение этого вопроса требует тщательных полевых исследований. Во многих аспектах проблемы католической церкви на местах не так однозначны, как это может позиционироваться с той или другой стороны. Взаимные упреки в недостаточном патриотизме, верности Родине или римскому понтифику, предательстве веры, сговоре с властями, обвинения в клевете и доносах, приводивших к репрессиям, страданиям и крови новомучеников католической церкви в Китае — сравнительно малоизученные реальности.

Несмотря на подчас совместное сосуществование официальных и подпольных общин в пределах одного храмового комплекса, иногда ситуацию можно оценить как фактическое противостояние. (В каком-то смысле сходную ситуацию церковного разделения можно было наблюдать в Русской Православной Церкви с начала 1920-х годов; единство Русской Церкви было восстановлено после подписания Акта о каноническом общении в 2007 г. в Москве.) Для разрешения ситуации требуется не только воля государственных властей и дипломатический талант, но также колоссальные папские усилия и взаимное стремление верующих преодолеть существующее разделение.

1. Католическая энциклопедия. Т. 2. М.: Издательство францисканцев. 2005. С 1040–1041.
2. *Teo Maurice*. The Catholic Church in People's Republic of China (PRC). URL: <http://www.paoline.org/paoline/allegati/5621/Roman%20Catholicism%20in%20China.pdf> (дата обращения: 12.10.2016).
3. Pope Pius XI. The Decree of the Holy Office Against Communism // *The Tablet*. 06.08.1949. URL: <http://archive.thetablet.co.uk/article/6th-august-1949/7/the-decree-of-the-holy-office-against-communism> (дата обращения: 12.10.2016).
4. Pope Pius XI. *Divini Redemptoris* (О безбожном коммунизме) URL: http://www.unavoce.ru/library/divini_redemptoris.html (дата обращения: 12.10.2016).
5. *Хуан Сяодун*. Дися цзяохуэй — синьян юй чжэнчжи цюаньли дэ бон : [Подпольная церковь — соревнование веры и политического права] // *Гуншиван*. 01.11.2011.
6. *Хэ Гуанху*. Цзунцзяо юй дандай чжунго шэхуэй : [Религии и современное китайское общество]. Пекин: Чжунго жэньминь дасяо чубаньшэ, 2006. С. 344.
7. *Ho Louis K.* The Dragon and the Cross. Edmonton: University of Alberta Edmonton, 2009. P. 109.
8. *Politi Giancarlo*. Underground Episcopal Consecrations in the PRC — Thirty Years Later // *Tripod*. 2011. № 163.
9. Pope Pius XII. *EVANGELII PRAECONES*. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/en/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_02061951_evangelii-praecones.html (дата обращения: 12.10.2016).
10. Pope Pius XII. *CUPIMUS IMPRIMIS* // *The Tablet*. 26.01.1952. URL: <http://archive.thetablet.co.uk/article/26th-january-1952/16/cupimus-imprimis> (дата обращения: 12.10.2016).
11. *Hang Thaddeus*. The Catholic Church Before the Chinese Dawn. Taiwan: Guangqi Press, 1963. P. 56.
12. Pope Pius XII. *AD SINARUM GENTEM*. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/en/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_07101954_ad-sinarum-gentem.html (дата обращения: 12.10.2016).
13. *Tong J.W.* Challenges and Hopes: Stories from the Catholic Church in China. Hong Kong: Holy Spirit Study Centre, 2002. P. 33.
14. *Leung B.* China's Religious Freedom Policy: The Art of Managing Religious Activity // *The China Quarterly*. 2005. № 184. P. 894–913.
15. *Lam Anthony S.K.* The Catholic Church in Present-Day China: Through Darkness and light. Hongkong: The Holy Spirit Study Center, 1997. P. 35.
16. *Ibid*, P. 37.
17. Pope Pius XII. *Ad Apostolorum Principis*. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/en/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_29061958_ad-apostolorum-principis.html (дата обращения: 12.10.2016).

18. *Дацвишен В.Г.* Христианство в Китае: история и современность М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. С. 178.
19. Шэньшэн гуанчжао Чжунго цзяохуэй : [Святая светлая китайская церковь]. Пекин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 2008. С. 96.
20. *Дуань Дэчжи.* Синь Чжунго цзунцзяо гунцзо ши : [История религиозной работы в новом Китае]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 99–124.
21. Cemetery for Missionaries — Witnessing Changes in History. URL: <http://www.chinacatholic.org/english/html/2009/11/495.html> (дата обращения: 12.10.2016).
22. Biografie — Bischof Dr. Georg Moser. URL: <http://www.bischof-moser-stiftung.de/ueber-uns/bischof-georg-moser/sein-leben/> (дата обращения: 12.10.2016).
23. *Lam Anthony S.K.* The Catholic Church in Present-Day China: Through Darkness and light. Hongkong: The Holy Spirit Study Center. 1997. P. 56.
24. Хэ Гуанху: Цзунцзяо юй дандай чжунго шэохуэй : [Религии и современное китайское общество]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2006. С. 69.
25. *Leung B.* Op. cit. P. 894–913.
26. *Lam Anthony S.K.* Op. cit. P. 55.
27. The Church in the World. URL: <http://archive.thetablet.co.uk/article/22nd-march-1980/18/the-church-in-the-world> (дата обращения: 12.10.2016).
28. Шэньшэн гуанчжао... С. 109–112.
29. Хэ Гуанху: Op. cit.
30. *Lai H.H.* Religious Policies in Post-Totalitarian China: Maintaining Political Monopoly over a Reviving Society // Journal of Chinese Political Science. 2006. № 11(1). P. 55–77.
31. *Ashiwa Yoshiko and Wank David L.* Making religion, making the state. Stanford: Stanford university press. 2009. P. 74–95.
32. *Politi Giancarlo.* Op. cit.
33. *Valente Gianni.* The long road and “accidents along the way”. URL: http://www.30giorni.it/articoli_id_12905_13.htm (дата обращения: 12.10.2016).
34. 30th Anniversary of The Clandestine Episcopal Ordinations // Tripod. No. 163.
35. Fan Peter Joseph — A Bishop Imprisoned by China for Beliefs // New York Times. 25.04.1992.
36. *Whyte Robert.* Seachange for Chinese Catholics // The Tablet. 21.12.1985. URL: <http://archive.thetablet.co.uk/article/21st-december-1985/38/seachange-for-chinese-catholics> (дата обращения: 12.10.2016).
37. Шэньшэн гуанчжао... С. 133–136.
38. *Ashiwa Yoshiko and Wank David L.* Op. cit.
39. *Criveller G.* Reactions to the Letter of Pope Benedict XVI to Chinese Church // Tripod. 2007. Vol. 27. № 146.
40. Хэ Гуанху. Указ. соч. С. 357.
41. Fan Peter Joseph — A Bishop Imprisoned by China for Beliefs. Op. cit.
42. *Leung B.* Morality and religion in China’s Rise. Hongkong: Lingnan University, 2009.
43. *Leung B.* Religious Freedom and the Constitution in the People’s Republic of China: Interpretation and Implementation // Discus. 1995. Vol. 3. № 1. P. 1–18.
44. *Reardon Lawrence C.* Ideational Learning and the Paradox of Chinese Catholic Reconciliation // Journal of Current Chinese Affairs. 2011. № 40 (2). P. 43–70.
45. *Rafferty K.* Journey to Peking // The Tablet. 11.09.1993. URL: <http://archive.thetablet.co.uk/article/11th-september-1993/30/journey-to-peking> (дата обращения: 12.10.2016).
46. *Сюн Цзыцзянь.* Организационная структура и деятельность «Китайской патристической католической церкви» и «Китайского католического синода» // Китайский благовестник. 1999. № 2.
47. *Reardon Lawrence C.* Op. cit.
48. Chinese bishops at Asian synod differ on approach to mainland church // UCAN. 27.04.1998. URL: http://www.ucanews.com/story-archive/?post_name=/1998/05/18/pope-john-paul-closes-synod-for-asia-with-solemn-mass-and-farewell-lunch&post_id=11436 (дата обращения: 12.10.2016).
49. ct. 1 Canonization pressures China church, Cardinal Etcheagaray told // UCAN. 20.09.2000. URL: http://www.ucanews.com/story-archive/?post_name=/2000/09/20/oct-1-canonization-pressure-china-church-cardinal-etcagaray-told&post_id=16895 (дата обращения: 12.10.2016).
50. *Stanley A.* Pope canonises Chinese martyrs // New York Times. 01.10.2000.

51. Lambert A. The present religious policy of the Chinese Communist Party // Religion, State & Society. 2001. № 29 (2). P. 121–129.
52. A blessing for China. URL: <http://europe.newsweek.com/blessing-china-153521?m=eu> (дата обращения: 12.10.2016).
53. Lai H.H. Op. cit.
54. Belgian Cardinal Danneels First Cardinal To Lecture At Chinese Seminary // UCAN. 19.04.2005. URL: http://www.ucanews.com/story-archive/?post_name=/2005/04/19/belgian-cardinal-danneels-first-cardinal-to-lecture-at-chinese-seminary&post_id=25676 (дата обращения: 12.10.2016).
55. Letter of the Holy Father Pope Benedict XVI to the bishops, priests, consecrated persons and lay faithful of the catholic church in the People's Republic of China. URL: http://www.vatican.va/chinese/pdf/7Compendium_en.pdf (дата обращения: 12.10.2016).
56. China Church History Chronology. URL: http://www.hsstudyc.org.hk/en/china/en_cinfo_hist.html (дата обращения: 12.10.2016).
57. Leung B. Sino—Vatican Negotiations: problems in sovereign right and national security // Journal of Contemporary China. 2016. № 99.
58. News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today's China. 2012. No. 4. P. 3–21.
59. Цун Да Мацин шицзянь фаньсы Чжунго дагу чжуцзяо мучжи : [Система епископства на материковом Китае исходя из анализа эпизода с Ма Даинем] // UCAN. 31.12.2012.
60. News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today's China, 2014, No. 4. с. 3–23.
61. Ibid.
62. Бэйцзин цюаньго да сюдаюань сюйшэн цююцзюэ бие дяньли: вомэн бу юй фэйфа чжуцзяо гунци : [Студенты Национальной семинарии отказались от выпускной церемонии: мы не участвуем в таинствах с нелегитимным епископом] // Ячжоу синьвэньшэ. 20.07.2014.
63. Половина китайской делегации, направлявшейся на встречу с папой Франциском в Сеул, пропала // Портал-кредо. 14.08.2014.
64. China shrugs off Vatican compromise on bishop ordinations // UCAN. 13.03.2015.
65. Smith Sean. Vatican confirms delegation visited China for talks // The Tablet. 30.10.2015. URL: <http://www.thetablet.co.uk/news/2795/0/vatican-confirms-delegation-visited-china-for-talks> (дата обращения: 12.10.2016).
66. News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today's China 2016, No. 2. С. 38–39.
67. News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today's China 2016, No. 1. С. 6–7.
68. Госсекретарь Ватикана: в Китае нет двух разных Церквей, одна из которых верна Папе, а другая правительству // Радио Ватикана. 25.08.2016. URL: http://ru.radiovaticana.va/news/2016/08/25/госсекретарь_ватикана_в_китае_нет_двух_разных_церквей/1253514 (дата обращения: 12.10.2016).

Языки Китая в информационном пространстве

© 2017

О.И. Завьялова

В последние десятилетия одной из важнейших задач, поставленных государством перед лингвистами и специалистами в области компьютерных технологий, является информатизация наиболее значимых языков народов Китая с их особыми традиционными письменными системами. Соответствующее программное обеспечение уже используется в электронных словарях, системах автоматического перевода с одного языка на другой, в процессе «двуязычного» обучения в школах. Более тысячи сайтов с текстами на 12 языках народов КНР присутствуют в китайском Интернете.

Ключевые слова: языковая политика, языки народов Китая, информационные технологии, Интернет.

В современном Китае Интернетом пользуется почти 700 млн человек — половина населения страны. Всемирная сеть появилась здесь в 1994 г., тогда в Поднебесной насчитывалось всего 10 тыс. пользователей, которые получили возможность читать в Интернете тексты на китайском языке с тысячами оцифрованных иероглифов¹. Уже в конце 1990-х в информационном пространстве стали доступны также сайты на языках народов КНР. В 1998 г. в Синьцзяне был разработан сайт на уйгурском языке, в 1999 г. на базе Северо-Западного института национальностей в Ланьчжоу был создан сайт на тибетском. Позже, в 2006 г., увидел свет сайт на монгольском языке — это был первый опыт оцифровки письма со следующей справа налево вертикальной строкой, которым до сих пор пользуются монголы КНР².

Как и во всем мире, языки малых народов считаются в современном Китае драгоценным наследием, подлежащим изучению и сохранению. Официальный список народов КНР включает сейчас 56 этносов — численно доминирующих китайцев-ханьцев и 55 малых народов. Список языков, на которых говорят эти этносы, неодинаков в разных источниках. В фундаментальном томе, выпущенном в 2007 г., содержится описание 129 языков, включая китайский; в официальном ежегоднике «Языковая ситуация в Китае» за 2016 г. число языков народов КНР возросло до 130³.

Одна из задач, которую китайские власти поставили перед лингвистами и специалистами в области компьютерных технологий, — информатизация наиболее значимых современных языков Китая с их большей частью особыми традиционными пись-

менными системами. Выполнение этой задачи невозможно, во-первых, без предварительной нормализации самих языков и стандартизации используемых ими письменных систем и, во-вторых, без разработки программного обеспечения для ввода письменных знаков на компьютерах, автоматического перевода с одного языка на другой, для использования в электронных словарях и поисковых системах — как на стационарных, в том числе в процессе двуязычного обучения в школах, так и на мобильных устройствах⁴.

Начало соответствующим исследованиям было положено в 1980-х годах. В 1984 г. в административном центре АР Внутренняя Монголия Хух-Хото состоялась первая из многочисленных конференций, посвященных информатизации языков народов КНР. Проблемами использования, нормализации, информатизации языков и письменностей ведают сейчас многочисленные структуры разного уровня — от Государственного комитета по работе в области языка и письменности и Государственного комитета по делам национальностей до различных провинциальных, иногда региональных органов. Среди последних можно назвать, например, Координационную группу по работе с корейским языком и письменностью в трех северо-восточных провинциях, где сосредоточены корейцы КНР⁵.

Среди наиболее значимых языков, подлежащих нормализации и информатизации, числятся прежде всего монгольский, казахский, киргизский, корейский, уйгурский и тибетский⁶. Все соответствующие этносы включены в официальный список народов КНР, все перечисленные языки являются трансграничными и в последнее время стали объектом особого внимания после провозглашения Си Цзиньпином стратегии «Один пояс, один путь», ориентированной на сотрудничество с внешним миром.

Первые четыре языка имеют статус государственного/официального соответственно в Монголии, Казахстане, Киргизии, КНДР и Республике Корея. В КНР, по данным переписи 2010 г., насчитывается 5,98 млн монголов, 1,5 млн казахов, 189 тыс. киргизов и 1,8 млн корейцев. Численность уйгуров — 10 млн, это четвертый по величине малый народ страны, проживающий преимущественно в Синьцзян-Уйгурском АР. За пределами Китая сравнительно много уйгуров, примерно 240 тыс. живет в Казахстане. Численность тибетцев в Китае — 6,3 млн человек, они сосредоточены, прежде всего, в Тибетском автономном районе и частично живут в провинциях Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, а также в Индии, Мьянме и Бутане⁷.

Выбор перечисленных языков в качестве основных объектов информатизации обусловлен не только их трансграничностью и сравнительно большим числом носителей в Китае и/или за его пределами, но также наличием развитой письменной традиции. При этом, хотя в Монголии с 1941 г. в текстах употребляется кириллица, монголы КНР по-прежнему пользуются старомонгольским письмом, введенным Чингисханом еще в XIII в. Уйгуры, казахи и киргизы КНР вернулись к арабо-персидскому письму, несмотря на то, что с 1965 по 1982 г. они официально использовали специально разработанные в Китае новые латинизированные варианты. В Казахстане и Киргизии эти три тюркоязычных народа по-прежнему употребляют введенную в советский период кириллицу, которой — так же, как у многих других народов в СССР, — предшествовала латиница. Корейцы КНР сохраняют разработанное в XV в. и употребляющееся в двух Кореях письмо *хангыль*, но без добавления (во всяком случае, в электронном варианте) китайских иероглифов, которые до сих пор присутствуют в обычных текстах в Южной Корее. И наконец, для современной стандартной лхасской разновидности тибетского языка, на самом деле представляющего собой совокупность далеко отстоящих друг от друга диалектов или даже близких языков, используется традиционное письмо индийского происхождения. Именно с помощью этого письма записывались начиная с VII в. и до сих пор записываются многочисленные тексты на классическом тибетском, который вплоть до XX в. являлся единственным письменным языком у тибетоязычных народов.

К приоритетным объектам информатизации относят языки еще двух народов, включенных в официальный список. — *и* (*ицзу*) и *дай*⁸. Оба этноса очень неоднородны с лингвистической точки зрения, а те разновидности их языков и письменные системы, которые признаны нормативными, пока имеют ограниченное распространение.

Народ, носящий официальное название *ицзу* (*и*, также *лоло*), живет преимущественно в КНР — в Сычуани, Юньнани, Гуйчжоу и в Гуанси-Чжуанском АР (общая численность — 8,7 млн человек), за пределами Китая — в Мьянме, Таиланде и Вьетнаме. Взаимопонимание между достаточно далеко отстоящими друг от друга разновидностями языка разных групп *ицзу* — по сути дела отдельными языками, каждый из которых имеет свое название, — затруднено или невозможно. В целом эти разновидности относят к лоло-бирманской ветви (ветви *и* в китайских классификациях) внутри тибето-бирманской семьи сино-тибетской макросемьи языков. В 1950-е годы для *и* была создана латинизированная письменность. Позже, уже в 1980-е годы, на основе того варианта особого иероглифического письма, который употребляли северные *ицзу*, или *носу*, живущие на юге Сычуани и в прилегающих районах Юньнани, был официально разработан и более того, внедрен на компьютерах новый стандартный вариант слогового письма⁹.

Народ *дай* (самоназвание и прежнее название в КНР — *тай*, 1,3 млн человек) проживает в провинции Юньнань и в прилегающих районах Сычуани. Языковые разновидности, на которых говорят дайцы, относятся к тай-кадайской (дун-тайской) семье и очень близки тайскому языку. Разные группы дайцев употребляют неодинаковые варианты письменности, восходящие к индийскому письму. Три из этих вариантов были идентифицированы как бирманское письмо и стандартизированы китайскими лингвистами. В КНР дун-тайские языки традиционно включают в состав сино-тибетской макросемьи, в западных работах их считают отдельной тай-кадайской семьей¹⁰.

Помимо перечисленных выше образцов письма, объектами стандартизации и оцифровки считаются в КНР представляющие большую историческую и культурную ценность другие традиционные варианты письменности народов КНР — как в той или иной степени употребляющиеся в настоящее время, так и вышедшие из употребления. Среди этих вариантов: иероглифы *дунба* народа *наси*; маньчжурское письмо, которое официально используется сибинцами в Синьцзяне и в процессе возрождения маньчжурского языка на северо-востоке КНР; квадратное монгольское письмо *басыба*, разработанное в период монгольской династии Юань (1271–1368); большое и малое киданьское письмо, существовавшее при династии Ляо (907–1125)¹¹.

Среди объектов информатизации называют также вышедшее из употребления старое чжуанское письмо, созданное на основе китайского иероглифического. Чжуаны (16,9 млн) — самый многочисленный народ из официального списка малых народов Китая. Проживают в Гуанси-Чжуанском АР и в провинциях Юньнань, Гуйчжоу и Гуандун. Чжуанский язык имеет несколько разновидностей и относится к дун-тайской семье языков. В 1955 г. был разработан и в 1957 г. официально принят новый латинизированный вариант чжуанского письма, и именно этот вариант используется на компьютерах.

Важнейшие партийные и государственные документы на чжуанском языке — наряду с материалами на монгольском, тибетском, уйгурском, казахском, корейском, языке *и* — публикуются на сайте Бюро по переводу языков народов Китая (*Чжунго миньцзу юйвэнь фаньцзюй*). Оно было создано еще в 1955 г. на волне интереса к малым народам и их литературе, а сейчас активно занимается проблемами информатизации. Наряду с разнообразным другим программным обеспечением бюро разработало электронные словари и программы для перевода текстов на семи перечисленных языках. Наборы с соответствующим программным обеспечением были бесплатно переданы в автономные районы и провинции¹².

К 2014 г. в Интернете присутствовал 1031 сайт с 12 языками народов КНР, в том числе 655 сайтов с уйгурским, 104 и 102 сайта соответственно с тибетским и монголь-

ским, 72 — с корейским, 56 — с казахским и 16 — с киргизским¹³. Многие сайты можно читать на нескольких языках. Самым популярным, почти 2,5 млн посещений в день, очевидно, с учетом пользователей вне Китая, оказался сайт на корейском языке (www.naver.com), базирующийся в Пекине. Сравнительно много сайтов используют в китайском Интернете русский язык. Русские по-прежнему присутствуют в официальном списке народов КНР, хотя их численность — немногим более 15 тыс. человек, а русский язык в среде потомков эмигрантов дореволюционного и советского периодов, похоже, сохранился в активном употреблении лишь у небольших групп в Синьцзяне¹⁴. Наличие русского языка на 14 китайских сайтах, очевидно, обусловлено прежде всего его статусом в соседней Российской Федерации и значением в мире.

На прочих языках народов Китая, которые называют в числе сравнительно важных объектов информатизации, сайтов гораздо меньше. Всего на пяти сайтах присутствует язык и, на двух сайтах — чжуанский язык, еще на двух — разновидности дайского языка с использованием на каждом сайте своего варианта дайской письменности (так называемых новой и старой письменности Сишуанбаньна).

Помимо народов, языки которых считаются приоритетными объектами информатизации, в пространстве Интернета оказались еще два этноса из официального списка, говорящие на тибето-бирманских языках и очень неоднородные лингвистически. На одном сайте была использована разновидность языка народа *лису* с особым алфавитом на основе латиницы, созданным еще в миссионерский период в 1915 г. (*лису* проживают в провинции Юньнань и на территории сопредельных государств, численность в Китае — 703 тыс. человек). На двух сайтах были представлены разные варианты языка народа *цзинто* с двумя соответствующими разновидностями латинизированной письменности, созданными в начале XX в. миссионерами в Мьянме. *Цзинто* проживают в провинции Юньнань и в прилегающих районах Мьянмы, численность в Китае — 148 тыс. человек.

Применение современных цифровых технологий, таким образом, стало неотъемлемой частью языковой политики Китая, в том числе в отношении основных малых народов страны. Эта ситуация явно сохранится в обозримом будущем не только благодаря стратегии изучения и сохранения культуры и языков народов КНР, но также в результате ориентации на расширение контактов с сопредельными странами, где проживают многие из народов Китая.

1. *Гашин В.Г.* Роль Интернета в процессе формирования гражданского общества в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 84–92; *Виноградская В.Б.* Китайский интернет: количество переходит в качество // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М., 2014. С. 471–473; Чжунго дагу ванминь шулян цзинь цин, чаого жэнькоу баньну: [Число пользователей Интернета в континентальном Китае приблизилось к 700 млн человек и превысило половину населения страны]. URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2016-01/22/c_1117868563.htm.
2. *Ван Чжэцзюань, Чжао Сяобин.* Шаошу миньцзу юйвэнь ванчжань сяньчжуан: [Современная ситуация с сайтами на языках национальных меньшинств] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2014 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2014. С. 144.
3. Чжунго да юйянь: [Языки Китая] / *Сунь Хункай, Ху Цзэнь, Хун Си* ред. Пекин, 2007; *Тянь Лисинь.* Чжунго юйянь цзыюань баоху гуичэн да юаньци цзи ши: [Появление и значение «Проекта охраны языковых ресурсов Китая»] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2016: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2016 г.]. Пекин, 2016. С. 025.
4. *Чжи Бижэнь, Ли Юймин, Ван Ци.* Чжунго шаошу миньцзу юйянь вэньцзы гуйфаньхуа, синьсихуа чжуанкуан: [Ситуация с нормализацией и информатизацией языков и письменностей малых народов Китая] // Чжунго шаошу миньцзу юйянь вэньцзы гуйфаньхуа, синьсихуа баогао:

[Доклад о нормализации и информатизации языков и письменностей малых народов Китая]. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2011. С. 3–9.

5. Там же. С. 2.
6. Там же.
7. Сведения о численности народов КНР по данным переписи населения 2010 г. см.: Чжунго 2010 нянь жэнькоу пуча цзыляо: [Материалы переписи населения Китая 2010 г.]. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm>. Информация о языках Китая, их распространении, используемых и вышедших из употребления письменных системах содержится в упомянутом выше томе «Языки Китая», изданном в 2007 г.
8. Чжи Бижэнь, Ли Юймин, Ван Ци. Указ. соч. С. 2.
9. Дай Цинся. И юйчжи: [Ветвь языков и] // Чжунго дэ юйянь: [Языки Китая]. С. 247–251; Чэнь Шилинь, Ли Сюцин, Бянь Шимин. Июй: [Язык и] // [Языки Китая]. С. 252–271.
10. Лян Минь. Дунтай юйцзу [Дун-тайская семья языков] // [Языки Китая]. С. 1076–1098; Чжоу Яовэнь. Дайюй: [Язык Дай] // [Языки Китая]. С. 1136–1157; Яхонтов С.Е. Китайско-тибетские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 226–227.
11. Чжи Бижэнь, Ли Юймин, Ван Ци. Указ. соч. С. 2.
12. Чжунго миньцзу юйвэнь фаньцизюй: [Бюро по переводу текстов на языках народов Китая]. URL: <http://www.mzfy.org.cn/>.
13. Ван Чжицзюань, Чжао Сяобин. Указ. соч. С. 144–151.
14. Гутин И.Ю. Русские в КНР // Азия и Африка сегодня. 2011. № 10. С. 50–56; Оглезнева Е.А., Блохинская А.В., Гордеева С.В., Касимова Е.В., Цзян Ин. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлуунцзян). Благовещенск, 2014. С. 98–125.

Идеология и проблемы сакральной географии в «Рассуждении о Северном пике» Гу Яньу

© 2017

О.М. Мазо, А.Б. Старостина

В работе анализируется сочинение видного историка и философа XVII в. Гу Яньу, посвященное некоторым аспектам исторической географии. Для Гу Яньу, идеолога противодействия маньчжурским захватчикам, официальный перенос места культа Северного пика стал свидетельством того, что при новой династии Цин Китай приходит в упадок из-за отхода от древних традиций.

Ключевые слова: сакральная география, Гу Яньу, жертвоприношения, идеология императорского Китая.

В августе прошлого года авторы данной статьи, путешествуя по храмам в окрестностях Баодина, побывали в кумирне Северного пика в Цюйяне. Цюйянская кумирня не особенно популярна у туристов. Одновременно с нами в комплексе за все три часа, которые мы там провели, находились только 2 человека. Наше внимание привлекли многочисленные стелы, надписи на которых свидетельствовали о том, что здесь принесли жертвы Северной священной горе и императоры, и императорские посланники. Тут же, в музее, выяснилось, что жертвоприношения Северному пику в шаньсийском Хуньюане начались лишь в XVII в., а одним из главных критиков переноса культа Северного пика на запад был знаменитый Гу Яньу (Гу Тинлинь, 1613–1682).

В начале правления маньчжурского дома Цин китайские интеллектуалы, как и раньше в подобных ситуациях, сосредоточили внимание на поисках ошибок предыдущей династии. Те из ученых, которые находились в оппозиции к маньчжурским властям, мечтали найти идеальную форму китайской культуры, очистить вековые наслоения и воссоздать в новых условиях утраченный «золотой век». Этой задаче были в конечном счете подчинены штудии представителей «ханьского учения». Для одного из его основателей, Гу Яньу, свержение династии Мин было лишь одной из вех на долгом пути упадка, считывавшем уже два тысячелетия. Тем не менее именно заблуждения и невнимательность минских конфуцианцев сделали главной мишенью его критики.

Спасением для страны, как он считал, могло стать возвращение старинных, например, ханьских и даже еще чжоуских социальных практик. Впрочем, Гу Яньу не надеялся на скорое осуществление своих чаяний и в своих работах обращался сразу к потомкам.

Мазо Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, доцент Института восточных культур и античности РГГУ. E-mail: olga_mazo@list.ru.

Старостина Агния Борисовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС. E-mail: shagi-ion@ganepa.ru.

При поддержке гранта РФНФ № 16-04-18040 «Религиозные верования и фольклорные представления современных китайских прихрамовых общин: опыт сопоставительного анализа северных и южных традиций (на примере г. Баодин и г. Макао)».

Следы исчезающей культуры, как бы некоей Атлантиды, он разыскивал, путешествуя по стране. Одна из таких поездок (в 1662 г.) была связана с проблемой Северного пика.

Пять священных гор

Пять пиков (Пять вершин. У юэ) — важнейшие элементы сакральной географии Китая. Это места, где молились и приносили жертвы императоры. В «Шу цзине» («Каноне истории») говорится о Четырех пиках. Пять пиков впервые упоминаются в книге «Чжоуский ритуал» («Чжоу ли»). В этом памятнике для них не дано конкретной географической привязки.

Выражение «пять священных гор» (у юэ) появляется в западноханьских текстах. Текст посвященной «земным формам» главы трактата «Хуайнань-цзы» (не позднее 139 г. до н.э.) свидетельствует о том, что набор гор в комплексе мог варьироваться. Так, центральной горой в «Хуайнань-цзы» названа Тайшань, которая в большинстве случаев считается Восточным пиком¹. Позже данное представление трансформировалось, и во многих текстах мы находим упоминание о том, что Восточный пик Тайшань — это «глава Пяти пиков».

И в «Исторических записках» Сыма Цяня (ум. в 86 г. до н.э.), и в «Истории династии Хань» Бань Гу (закончена в 82 г.) названы такие священные горы: Тайшань как Восточный пик, Хуашань как Западный, Хэншань как Южный, Хэншань (с другим иероглифом «хэн») как Северный и Суншань как Срединный².

Нет оснований полагать, что комплекс пяти священных гор существовал до династии Хань. Причина, по которой из множества священных гор были выбраны именно пять, очевидна: ведущая, структурообразующая роль пятерницы — числа пять в коррелятивных разработках ханьских идеологов и философов. Дун Чжуншу (ум. в 104 г. до н.э.) даже преобразовал теорию Мэн-цзы о врожденных качествах человека, доведя их число до пяти. Что касается непосредственно схем, задающих структуру времени и пространства, в ханьские времена они в большинстве своем строятся на основе пятерницы. В случае с горами воспроизведена обычная структура пяти сторон света, из которых пятая есть центр, место наблюдателя.

Месту наблюдателя в данной схеме соответствует гора Суншань, расположенная к востоку от Лояна, который позже стал столицей Восточной Хань.

Расположение священных гор по большей части не вызывало сомнений. Исключение составляют Южный и Северный пики. Первоначально Южный пик располагался на территории нынешней провинции Аньхой, а с VI в. императоры стали поклоняться горе Хэншань, которая находится на территории нынешней провинции Хунань. Статусом Северного пика тоже обладали по очереди горы Сюаньшань и Дамаошань.

В настоящей статье мы разберем случай Северного пика и сделаем краткий очерк истории посвященного ему культа, взяв за основу аргументацию Гу Янью.

Цюйянский храм

Согласно «Канону водных путей с комментариями» (Шуй цзин чжу, VI в.), уже при ханьском У-ди существовали две кумирни Северного пика — верхняя и нижняя. Верхняя пришла в запустение, и жертвоприношения продолжались в нижней³. Нижняя кумирня, предположительно, располагалась приблизительно там же, где нынешний Цюйянский храм.

В настоящее время храм Северного пика находится в Цюйяне (пров. Хэбэй) на расстоянии почти 70 км от древнего Северного пика Дамаошань (гора Дамаошань расположена в месте, где граничат баодинские уезды Фупин, Тансянь и Лайюань). Впервые цюйянский храм был отстроен в 500–503 гг. при Сюань У-ди, правителе Северного Вэй. При танском Тай-цзуне (627–649) была проведена его реставрация.

Во времена Северной Сун некоторое время Цюйян находился под властью киданей, которые разрушили храм. Так, Шэнь Ко в «Записях бесед в Мэнси» (конец XI в.) писал: «Северный пик Хэншань сейчас носит название Дамаошань. Наполовину принадлежит киданям, граница проходит по хребту Дамаошань. Храм Священного пика раньше находился у подножия горы»⁴.

Во время правления сунского Тай-цзуна (в 991 г.) храм был восстановлен. Ремонтные работы проводились и при последующих династиях Юань и Мин, а после 1660 г., когда Северным пиком официально была признана г. Хэншань (на территории современной Шаньси), храм пришел в упадок. Если во времена Сун в окрестностях Северной горы насчитывалось около 70 храмовых комплексов, из них 40 — в уездном городе, то в наши дни остались только небольшая кумирня Матушки (это имя делят между собой несколько женских божеств — покровителей местности) на вершине Дамаошань и храм Северного пика в Цюйяне.

Новый этап реконструкции начался только в 80-х годах прошлого века. 23 февраля 1982 г. решением Госсовета КНР храм был включен в список охраняемых объектов Культурного наследия Китая. В 2010 г. храмовому комплексу присвоили статус национальной достопримечательности разряда АААА, а в 2013 г. в нем был открыт музей. Вскоре у музея появился информативный и удобный сайт (www.beiyuemiao.cn).

Общая площадь храмового комплекса составляет примерно 0,17 кв. км, общая площадь построек — 4200 кв. м.

В данские времена храм Северного пика носил название Бэйюэцзы (Кумирня Северного пика). В танскую эпоху его официальным названием было Бэйюэ Аньтяньван мяо (Храм Северного пика — князя Умиротворенного неба). При династии Сун духу — покровителю горы был дарован титул Изначального владыки Умиротворенного неба. При Юань полное название храма звучало как Бэйюэ Аньтянь Дачжэнь Юань-шэн-ди мяо, то есть Храм Северного пика — Изначального владыки Умиротворенного неба и Великой верности. С династии Мин храм известен просто как Храм Северного пика (Бэйюэ мяо). В народе он также назывался Залом Доу-вана (Доу-ван дянь), поскольку здесь, по легенде, стояли войска Доу Цзяньдэ (572–621), поднявшего восстание в конце династии Суй.

Согласно схеме храма, выгравированной на стеле 1547 г., в те времена общая площадь храмового комплекса была 260,48 му (около 0,17 кв. км), протяженность с севера на юг составляла 542 м, с запада на восток — 321 м. В плане храм напоминает нероглиф «поле». Постройки располагаются вдоль центральной оси север—юг в следующем порядке: мост Дэньюэцяо, ворота Шэньмэнь, мемориальная арка, ворота Чаоюэмэнь, павильон Юэсян, ворота Линсяомэнь, Санышаньмэнь, зал Фэйшидянь (не сохранился), зал Дэнин, ворота Хоучжаймэнь и павильон Ваньюэ (последние два не сохранились).

План храма был опубликован в «Новых записях уезда Цюйян» («Цюйян сянь синь чжи») в 1672 г., причем вдоль центральной оси было отмечено 7 построек, и в «Записях уезда Цюйян» («Цюйян сянь чжи») в 1904 г. (здесь отмечено 5 построек). В публикации 1904 г. говорилось, что в старые времена южные (главные) ворота храма были юго-западными воротами города, а западная стена храма была частью городской стены.

Мост Дэньюэцяо (мост Подъема на пик), ворота Шэньмэнь (ворота духов/божеств) и мемориальная арка располагаются перед храмовыми стенами. Первыми воротами музея являются ворота Чаоюэмэнь (ворота, обращенные к пику), восстановленные в 2003 г. За ними располагается павильон Юйсян (павильон Императорских благовоний) — трехъярусное восьмиугольное здание, в котором меняли одежды перед церемонией жертвоприношения. Он был построен при династии Мин в середине XVI в. Раньше в центре помещения располагалась каменная курильница, в которой император возжигал благовония. Курильница была разрушена в годы культурной революции.

Ворота Линсяомэнь (ворота Встающей зари) построены в середине XVI в. и восстановлены в 1987 г. На передней стене ворот располагаются вырезанные на камне план Северного пика и план Северного пика горы Хэншань. Ворота Саньшань (ворота Трех гор), построенные в середине XVI в., были восстановлены в 1986 г.⁵

В зале Фэйшидянь (зал Летающего камня) хранился «летающий камень», который, согласно легенде, упал, когда Шунь совершал жертвоприношения Северному пику. Зал сгорел в 1909 г., от него остался только фундамент.

За фундаментом зала Фэйшидянь, на севере храмового комплекса расположен главный храм — зал Дэнин (Зал добродетели и спокойствия). Он был восстановлен в 1270 г. и является самой большой сохранившейся до наших дней постройкой эпохи Юань⁶.

Общая площадь зала — более 2 тыс. кв. м, высота — 25 м. Здание стоит на возвышении высотой около двух метров. Перед ним располагается высокая каменная платформа, на которую ведут центральная и две боковые лестницы. Лестница, платформа и сам зал окружен мраморной балюстрадой с колоннами, украшенными сверху львами.

На западной и восточной стенах зала представлены две большие фрески, которые приписывают кисти прославленного танского художника У Даоцзы (680–740): «Плывуч облака, идет дождь»⁷ и «Все десять тысяч царств пребывают в покое». Высота фресок составляет 6,5 м, ширина — 17,7 м. На западной фреске среди прочих духов есть изображение сурового божества, которого называют «дух, летящий на небеса». Этот персонаж известен также как «Цюйянский черт (гуй)». По легенде, У Даоцзы нарисовал его на стене храма для защиты простого народа. Считалось, что, если Цюйян постигают стихийные бедствия, этот дух сходит с картины и помогает людям⁸.

На северной стене также располагается большая фреска длиной 27 м, которая носит название «Путешествие духов Северного пика».

С запада и востока от центральной аллеи располагаются галереи и павильоны, где выставлены стелы и экспозиция музея.

В музее находится одна из самых больших в Хэбэе коллекция стел — более двухсот, самая ранняя из которых датирована 462 годом (династия Северная Вэй). Среди них представлены также стелы со стихами Су Ши. В экспозиции музея присутствует и собрание скульптур и резьбы по камню, причем самые ранние работы в нем относятся к ханьской эпохе⁹.

Храм в Хуньюане

В наши дни главным Храмом Северного пика официально считается Бэйюэ мяо в Хуньюане провинции Шаньси. Подмена происходила в несколько этапов, и у нее было несколько причин. Сам шаньсийский храм (он расположен на территории уезда Хуньюань под Датунем) был построен в начале XVI в. Неподалеку от него расположен древний монастырь Сюанькун-сы, который, как полагают, был основан еще в V в.

Кроме того, хэбэйская гора Дамаошань и гора Сюаньюшань в Шаньси принадлежат к одной горной цепи Тайханшань. И Дамаошань, и Сюаньюшань входят в общую подсистему Хэншань, причем Цюйянская гора находится с южной стороны (Хэнъян), а Сюанью — с северной (Хэнъинь). Некоторые даже полагают, что шаньсийская и хэбэйская горы — просто разные вершины Священной северной горы.

Во время Пяти династий Цюйянский храм был перенесен от подножия Дамаошань в уездный город Цюйян. Теперь храм от горы, как было сказано выше, отделяло более 60 км. Принеся жертвы в нем, должностные лица могли отправиться дальше, к горным храмам.

Но при чжурчжэнях сначала создалась ситуация, когда прибывшие для жертвоприношения император или чиновники не могли попасть непосредственно на гору.

Чжурчжэни захватили север Цюйяна и в 1193 г. учредили уезд Фупин, на территории которого и оказалась гора (которая и раньше находилась на границе с захваченными владениями). Потом весь Цюйян и земли к югу от него тоже отошли чжурчжэням. Это привело к тому, что при Южной Сун жертвоприношения Северной горе стали невозможны.

Именно в это время начались разговоры о том, что настоящий Северный пик — это расположенная неподалеку (около 200 км) от Дамаошань вершина Сюаньу, которая в течение столетий была священной для даосов.

Еще во времена правления Юань эту вершину называли в стихах Священной горой (Шэнь юэ). В конце XIV в. распространяется мнение, что Сюаньу и есть Северный пик¹⁰. В 1380 г. местные власти отстроили у горы кумирню. Примерно в это же время появилась легенда, объясняющая происхождение Цюйянского храма. Она была основана на строке из «Канона истории»¹¹. Император Шунь проезжал Цюйян по дороге к Хуньюаню, но началась метель, и он не мог продолжать свой путь. Тогда с вершины пика Сюаньу сорвался камень, который прилетел в Цюйян и упал там на землю. В честь этого события Шунь велел выстроить Цюйянский храм.

На танских и сунских стелах в Цюйяне нет ни слова о летающем камне. Но поскольку эта легенда повторяется в разных текстах, остается предположить, что в XIII или XIV в. в Цюйян действительно прилетел метеорит: в 1520-е годы в Цюйяне построили зал Летучего камня — Фэйшидянь.

При Чжу Ди (правил под девизом Юнлэ, 1403–1424) столица была перенесена в Пекин. Таким образом, Цюйянский храм Северного пика оказался прямо на юге от столицы. Некоторым придворным это показалось несообразным. Так возникла мысль переместить жертвоприношения на запад, в Хуньюань, благо тамошний храм был давно известен. Тем не менее, это предложение так и не получило официального одобрения. Только первый цинский император решился осуществить перенос жертвоприношений в Хуньюань¹². Это случилось в 1660 г., а через два года Цюйян и Хуньюань посетил Гу Яньу, намереваясь раз и навсегда разобраться в вопросе Северного пика.

Следовало прежде всего определить, где именно приносили жертвы ханьские императоры, так как апелляция к древности в традиционных культурах — крайне веский аргумент.

Связанных с этим археологических свидетельств не было в XVII в., нет и сейчас. Но письменные источники указывают на некий «Верхний Цюйян» (Шан Цюйян), и историки сходятся на том, что его территория пересекалась с территорией нынешнего уезда Цюйян. Это доказывает, что в ханьские времена жертвы Северному пику приносили, во всяком случае, достаточно далеко от Хуньюаня, но очень близко от нынешнего Цюйяна. Гу Яньу первым провел систематическое исследование источников, касающихся истории культа горы Дамаошань как Северного пика: он продемонстрировал неубедительность аргументации тех, кто выступал за перенос жертвоприношений в Хуньюань.

Гу Яньу выступил против основного посыла сторонников Хуньюаньского храма, указывая, что в древности при переносе столиц не меняли места, где приносили жертвы духам священных гор и рек. Основным своим оппонентом он избрал Ма Вэньшэна (1426–1510), императорского эмиссара в пограничных районах, в 1493–1502 гг. обращавшегося к престолу с просьбой перенести жертвоприношения в Хуньюань. Ниже мы приводим перевод эссе, где изложены доводы Гу Яньу в пользу древности Цюйянского храма.

Гу Яньу. Рассуждение о Северном пику¹³

В те дни, когда правители древности установили жертвоприношения [духам] Пяти пиков, не было правила проводить их на вершинах. И жертвоприношения [духам] Четырех главнейших рек тогда не требовалось совершать у истоков.

[Храм] восточного пика Тайшань находился в Бо[чжоу], центрального пика Тайши¹⁴ — в горах Суншань (Сунгао), южного пика Цяньшань — в Цянь, западного пика Хуашань — в Хуань, северного пика Хэншань — в Верхнем Цюйяне. Все они находятся у подножья своих гор.

Тем не менее расположение четырех пиков не вызывает сомнений, а с Северным пиком все не так очевидно: ведь протяженность гор Хэншань около трехсот ли, а город Цюйян находится на равнине, в ста сорока ли от подножья горы. Вот почему Ма Вэньшэн просил о переносе жертвоприношений.

Хуанхэ течет по Срединному государству, беря начало в горах Цишань, а жертвы ей приносят в Линьцине. Янцзы начинается в горах Миньшань, а жертвы ей приносят в Цзянду. Цишуй течет с гор Вань, а жертвы ей приносят в Линь. Установленный прежними ванами порядок неизменен из-за того, что все эти места оставались доступными.

Сверимся с «Юй шу»¹⁵: «В одиннадцатом месяце сын Неба отправлялся в инспекционную поездку на север и доезжал до Северного пика». «Чжоу ли»¹⁶ сообщает: «В Бинчжоу главная гора называется Хэн». В «Эрья» говорится: «Гора Хэншань — это северный пик». Комментарий указывает, что она [расположена] в Верхнем Цюйяне.

Хотя мы не располагаем упоминаниями о том, как обстояло дело до трех первых династий, в «Исторических записках» говорится: «Чаншаньский¹⁷ ван совершил преступление и был сослан. Сын Неба пожаловал его младшему брату удел в Чжэньдине, чтобы продолжить [установленные] прежними правителями жертвоприношения, и преобразовал Чаншань из княжества в округ. С тех пор все Пять пиков оказались в уделе сына Неба». В «Хань шу» сказано: «Жертвоприношения на горе Чаншань проводились в Верхнем Цюйяне». Ин Шао в «Фэн су тун»¹⁸ пишет: «Храм расположен в княжестве Чжуншань, в уезде Верхний Цюйян».

В «Хоу Хань шу» сказано: «Император Чжан-ди в день у-чэнь второго месяца весны на третий год правления под девизом Юнхэ [138 г.] посетил Чжуншань и послал людей в Верхний Цюйян принести жертвы Северному пику». В «Цзюнь го чжи»¹⁹ говорится: «Верхний Цюйян в княжестве Чжуншань ранее относился к округу Чаншань. Гора Хэншань находится на северо-западе».

Таким образом, [в Цюйяне приносили жертвы Северному пику в Хэншани] с давних пор.

«Канон водных путей с комментариями» называет этот храм *нижним* Хэншаньским храмом: «Когда в конце династии Хань началась смута, горные дороги стали непроходимы, и жертвоприношения пришлось совершать здесь». [Автор пишет так], поскольку ему неизвестно, что об этой мере писал еще господин Бань [Гу в «Истории Хань»], и она была введена указом императора Сюань-ди, обращенным к распорядителю жертвоприношениями, а не в конце Хань.

В «Вэй шу» сказано: «В день синь-вэй осенью восьмого месяца на четвертом году правления под девизом Тайчан [419 г.] император Минььюань-ди отправился с инспекционной поездкой на восток и послал людей совершить жертвоприношения на священной горе Хэншань. В день бин-цзы зимой одиннадцатого месяца в первый год правления под девизом Тайянь [435 г.] император Тай-у-ди посетил Е».

В день гуй-мао двенадцатого месяца он послал людей почтить духа Северного пика жертвоприношением тайлао²⁰. В день гэн-у первого весеннего месяца четвертого года под девизом правления Тайтин чжэньцзюнь [443 г.] император приехал в Чжуншань. В день бин-цзы второго месяца императорский поезд приехал к южной стороне горы Хэншань. [Сын Неба] приказал официальным лицам вырезать на камне надпись.

Зимой одиннадцатого месяца на одиннадцатом году император, отправившись с походом на юг, проезжал мимо горы Хэншань и совершил жертвоприношение тайлао.

В первый месяц весны первого года правления под девизом *Хэпин* [460 г.] император Вэньчэн-ди во время посещения удела Чжуншань подъехал к горе Хэншань, поклонился ее духу и вернулся обратно. На следующий год он поехал с инспекцией на Юг и, проехав Шимэнь, отправил людей принести в дар священной горе Хэн яшмовые кольца и жертвенный скот».

Столица Вэй г. Пинчэн находилась к северу от горы Хэншань, и для жертвоприношений Северному пику, таким образом, приходилось ездить на юг в Цюйян. Но правители следовали древним установлениям и не меняли их. То же случилось и в те времена, когда чжоуская столица была Фэнхао, а ханьская — Чанъань. Для жертвоприношений горе Хуашань приходилось ездить на восток, а называлась она Западным пиком.

Поэтому У Куань²¹ и полагал, что столицы правителей непостоянны, а пять священных гор (пиков) — неизменны. На протяжении истории было принято, что столицы менялись, а пики — нет. Это то, о чем Великий историограф²² говорил: «Когда при Цинь столицей стал Сяньян, Пять пиков и Четыре реки — все оказались на востоке».

В «Истории Суй» сказано: «В день синь-ю осенью восьмого месяца на четвертом году правления под девизом *Да е* [608 г.] император лично совершил жертвоприношения на пике Хэн».

В «Истории Тан»²³ про уезд Цюйян области Динчжоу сказано: «В пятнадцатом году правления под девизом *Юаньхэ* [820 г.] пику Хэн был присвоен статус главной горы (*чжэнь шань*). Там есть храм для жертвоприношений». Кроме того, в той же книге сообщается: «Когда Чжан Цзячжэнь²⁴ был правителем области Динчжоу, в храме на пике Хэн он составил оду-*сун*».

Я лично побывал в этом храме: стела Цзячжэня сохранилась до сих пор. Есть там и стелы, сделанные во время династии Тан: четыре с текстами Чжэн Цычуня, Вэй Сюйсиня, Ли Цюаня и Лю Дуаня, две с подписями Фань Сичао и Ли Кэ. На обратной стороне и с боков этих стел вырезаны даты жертвоприношений в годы правлений под девизами *Дали* [776–779], *Чжэньюань* [785–805], *Юаньхэ* [806–820], *Чанцин* [821–824], *Баоли* [825–827], *Тайхэ* [827–835], *Кайчэн* [836–840], *Хуэйчан* [841–846], *Дачжун* [847–860], *Тянью* [904–907], имена чиновников, совершавших первое, второе и третье жертвенные подношения. Всего сто и несколько десятков строк.

В начале династии Сун храм был сожжен киданями. На второй год правления под девизом *Чуньхуа* [990–994] отстроен заново. Танские надписи на стелах не пострадали.

Больше всего надписей на стелах, посвященных жертвоприношениям с возлиянием вина, написанных при династии Сун. Их так много, что и не перечислить.

Итак, до династии Тан об этом (т.е. о жертвоприношениях) свидетельствуют историки, после династии Тан — надписи на стелах. Это доказывает, что жертвоприношения Северному пику совершались в Верхнем Цюйяне, и так было с самой древности.

Древние правители смотрели на горы и реки издалека, не поднимаясь на их вершины. Смотрели — и приносили им жертвы, поэтому храмы Пяти пиков находятся у подножия гор. [Правители] давали аудиенцию удельным князьям, они изучали и исправляли [местные] нравы. Совершенно очевидно, что это должно было происходить на южном склоне горы, в открытом и просторном месте, а не в крутом, удаленном, заброшенном районе.

В течение года [правители] совершали инспекционные поездки к четырем пикам. На юге успеть добраться до центра Хунани, а на севере — заехать за Дайчжоу было бы очень сложно. Поэтому в «Эрья»²⁵ и в других старинных книгах гора Хошань отмечена как Южный пик. А ханьцы совершали жертвоприношения в Цянь. Юй собрал чжоуху у Тушань. Тушань — это местность недалеко от Цянь.

В «Каноне водных путей с комментариями» говорится: «Древний город в Верхнем Цюйяне — место, где император принимал местных правителей. В древности сын Неба совершал инспекционную поездку в Чаншань. В одиннадцатом месяце он приезжал

на Северный пик. У *хоу* и *бо* [титуды знати. — О.М., А.С.] было особое подворье, где они очищались омовением и постом.

Когда Чжоу пришла в упадок, инспекционные поездки и почитания прекратились, а город сохранился до сих пор. При Цинь здесь создали уезд, и, поскольку он был на южном склоне, его назвали Цюйян. Был еще [Цюйян], который располагался ниже, поэтому этот называли Верхним».

Но [Ма] Вэньшэн писал, что здесь начали приносить жертвоприношения горе Хэншань только после падения Сун. Разве это не ошибка! Из пяти главнейших гор Иулюй самая далекая. Начиная с династии Тан на востоке округа Лючэн установили храм для поклонения ей издали, а при Сун дополнительные жертвоприношения ей совершались в храме Северного пика.

В таком случае, то, чему издали поклонялись сунцы, — это северная главнейшая гора, а не Северный пик. Если конфуцианские начетчики ухитряются не знать даже того, что было при Тан и Сун, то что же говорить о начале Трех династий?

В самом начале, когда Ни Юэ²⁶ возглавлял ведомство ритуала, он не прислушался к совету Вэньшэна. Шэнь Ли в годы *Ваньли* [1573–1620] отверг прошение Ху Лайгуна, генерал-губернатора Датуна²⁷, и сам сделал заявление [о Северном пике]. Все они основывались на текстах канонов и исторических книг, а в самом этом месте [Цюйяне], никто из них не бывал.

Поэтому я сначала направился в Цюйян, а потом поднялся в Хуньюань и записал для потомков все, что видел, чтобы те не были введены в заблуждение писаниями невежд.

1. Хуайнань-цзы. Дисин-сюнь: [Трактат о земных формах]. URL: <http://ctext.org/huainanzi/di-xing-xun> (дата обращения: 16.10.2016).
2. Ши цзи: [Исторические записки]: Фэн шань шу: [Трактат о жертвах небу и Земле]. URL: <http://ctext.org/shiji/feng-chan-shu/zh> (дата обращения: 16.10.2016). Хань шу: [История Хань]: Цзяо сы чжи: [Повествование о жертвоприношениях в предместьях]. URL: <http://ctext.org/han-shu/jiao-si-zhi-shang/zh> (дата обращения: 16.10.2016).
3. Ли Даюань. Шуй цзин чжу сяо ши: [Канон водных путей с комментариями. Критическое издание с глоссами] / сост. Чэнь Цяои. Ханчжоу. 1999. С. 207.
4. Шэнь Ко. Мэнси би тань: [Записи бесед в Мэнси]. Пекин, 2014 (цифровое издание). С. 149.
5. Цянь Куньюй, Доу Янь. Сай бэй чжи цзунь — Хэншань: [Старейшина северных рубежей — гора Хэншань]. Чанша, 2015 (цифровое издание).
6. О зале Дэнин подробнее см. Steinhardt, Nancy S. The Temple to the Northern Peak in Quyang // *Artibus Asiae* 58.1–2 (1998): 69–90.
7. Аллюзия на фразу из «Канона Перемен», как правило, употребляющуюся для обозначения милостей государя по отношению к народу.
8. См., например: Чжан Цзиньхуэй (сост.). Гуцзинь гуши цзиньцзинь: [Собрание лучших историй древности и современности]. Баодин, 2006, II-8 — II-11.
9. Чжунго миншэн цыдянь: [Словарь достопримечательностей Китая]. Шахай, 1984.
10. См., например: Ню Цзинфэй. Цун Цюйян дао Хуньюань: Бэй юэ и сы гочэи бу као: [От Цюйяна в Хуньюань: дополнительные разыскания, связанные с перемещением жертвоприношений Северному пику] // Чжунго лиши дили лунь цун. Цз. 24. Вып. 4 (окт. 2004 г.). С. 62–70.
11. Авторитет конфуцианских канонов и комментариев к ним столь силен, что и в наши дни по инерции иногда пишут, будто Шунь приносил жертвы Пяти священным горам. См., например: Гао Сюэцзин. Гу Бэй юэ Хэншань цзиси вэньхуа цянси: [Краткое исследование культуры жертвоприношений Хэншань — древнему Северному пику] // Вэньу чуьнцшо. 2006., № 1. С. 3–23.
12. См.: Чжан Лянь. Сыдянь юй сюйши: чун тань Мин Цин Бэй юэ и сы цзи ци кушэянь неси: [Ритуалы и нарратив: новый взгляд на перемещение жертвоприношений Северному пику и на связанные с этим пространственные образы во время династий Мин и Цин] // Ханьсюэ яньцзю. Цз. 32. Вып. 1 (март 2014 г.). С. 135–172.

13. Перевод выполнен по изданию: Гу Тинлинь ши взнь цзи: [Собрание стихов и прозы Гу Тинлиня]. Пекин, 1983 (2-е изд.). С. 7–9.
14. Т.е. г. Суншань.
15. «Юй шу»: «Юйские писания», первая часть «Канона истории» («Шу цзин»), повествующая об установлениях мифических правителей древности — Яо, Шуя и Юя.
16. «Чжоу ли»: «Чжоуские ритуалы» (IV—III вв. до н.э.), один из конфуцианских канонов, описывающий идеальные обязанности чиновников различных ведомств в чжоуские времена.
17. В течение некоторого времени горы Хэншань и округ Хэншань носили название Чаншань, поскольку иероглиф «хэн» был табуирован: он совпадал с личным именем ханьского императора Вэнь-ди (правил с 180 по 157 г. до н.э.).
18. «Фэн су тун»: «Общее описание обычаев и нравов» (II—III века), энциклопедическое сочинение, в котором приводится описание верований, традиций, ритуальных и религиозных практик поздниханьского Китая, а также содержатся обширные сведения в области исторической географии.
19. «Цзюнь го чжи»: «Описание округов и княжеств», один из разделов «Сюй Хань шу» («Продолжения истории династии Хань»), написанной Сыма Бяо (?- ок.306).
20. Тайлао — торжественное жертвоприношение, в ходе которого закалывали быка, барана и борова.
21. У Куань (ум. 1504) — ученый и политик, служил по ведомству ритуалов.
22. Сыма Цянь.
23. Имеется в виду «Новая история Тан» («Синь Тан шу»).
24. Чжан Цзячжэнь (665–729) — государственный деятель, один из первых министров при императоре Сюань-цзуне, в течение своей беспокойной карьеры не только занимал места в центральном правительственном аппарате, но и успел побывать главой нескольких областей.
25. «Эръя» («Приближение к классике») — древнейший китайский толковый словарь.
26. Ни Юэ (ум. в 1501) — государственный деятель, служивший преимущественно по ведомству ритуалов. Интересно, что с подачи его отца, Ни Цяня, тоже главы ведомства ритуалов, были возобновлены жертвоприношения духу Северного пика: самого Ни Юэ назвали так в честь духа этой горы (юэ — «пик», «священная гора»).
27. Речь идет о сделанном в 1586 г. предложении о переносе храма Северного пика в Хуньюань, который находился на территории, подведомственной в то время Ху Лайгуну. Шэнь Ли (ум. 1615) — в то время глава ведомства ритуалов.

Символика телесности в литературных текстах даосской традиции

© 2017

А.Г. Сторожук

В статье рассматривается вопрос символики телесности при описании традиционных даосских фармакологических средств и снеди, способных сообщить необыкновенные способности и даже даровать бессмертие. Генезис этой символики анализируется на примере даосских философских сочинений.

Ключевые слова: Китай, верования, символизм, даосизм, бессмертие, артефакты, философия.

В традиции религиозного даосизма довольно необычным и малоизученным вопросом остается, в частности, символика различных необыкновенных снадобий и блюд, употребляемых для достижения долголетия или бессмертия и соотносимых с реально существующими элементами снеди или лекарственными растениями. Вопрос этот слишком широк, чтобы в рамках одной или нескольких работ можно было сделать серьезные и доказательные обобщения, но некоторые частные аспекты вполне могут быть освещены в рамках этого небольшого исследования. Таким аспектом представляется и символика телесности вообще и человеческой в частности в даосской магической фармакопее и кулинарии.

Вопрос «телесности» в традиционных верованиях Китая поднимался неоднократно; западная синология ищет свои подходы к его решению уже около 150 лет. Широко известны рассуждения насчет неразрывности представлений о благополучии человеческих душ (по традиционным китайским представлениям, таких имеется 10) и целостности телесной оболочки¹. Когда-то, не вполне разделяя приведенный выше подход, автор этой работы излагал свое видение проблемы², где фактором благополучия комплекса душ полагалась беспрепятственная связь со средоточиями иньской и янской энергий человека — соответственно *шэнь* и *лиш*. Действительно, значимость собственно телесной природы в практиках совершенствования духа некорректно считать абсолютным и основополагающим обстоятельством, иначе просто не могло бы существовать широко известное понятие даосского мистицизма — «отбрасывание трупa» (*лиш цзе*). Тем не менее в даосской традиции привязка духовного совершенствования к определенным физиологическим качествам и состояниям несомненна.

В «Дао Дэ цзине» истинный мудрец, исполненный высшей силы Дэ, описывается как подобный новорожденному (*чицзы*), способный оставаться неуязвимым для различных внешних напастей; несмотря на мягкость и податливость костей и жил, «хватящий крепко»; не знающий соития, но всецело к нему готовый³. Эти особенности сопря-

жены с цельностью натуры (свойственной новорожденным), передаваемой понятием «гармонии», или «согласия» (*хэ*) и с полнотой скопленной первородной животворной субстанции *цзин*, которая в «Дао Дэ цзине» — порождение смутных глубин Дао, обладающее наивысшей истинностью и достоверностью⁴. *Цзин* присутствует в человеке от рождения и непосредственно связана с помешающим в сердце духом «*шэнь*», что разъясняется в «Трактате Желтого Императора о внутреннем» («Хуан-ди нэйцзин»): «Причину, по которой жизнь приходит, называют ее *цзин*; то, [чем] две *цзин* схватываются, называют это *шэнь*»⁵. Таким образом, *цзин* соотносится с «витальной основой сущего», с семенем и продолжением рода⁶, что необходимо для взращивания духа *шэнь*⁷, то есть, в конечном счете, для обретения бессмертия или очень долгой жизни (как это воспринималось в поздней даосской традиции)⁸.

Итак, заявленное в «Трактате Желтого Императора» соотнесение витальной силы с гармонией духа и постулируемое в «Дао Дэ цзине» телесное совершенство как выражение этой гармонии не могли не воплотиться в символических китайских текстах, так или иначе отражающих традиционные мироустроительные идеи (в том числе идею даосских поисков бессмертия). И символика эта зачастую связана с рассмотренным выше образом абсолютной плотности, телесности как таковой.

Различные существа, воплощающие в себе идею телесного начала, возведенного в абсолют, весьма густо населяют фантастический мир китайских повествований о чуждаленных землях. Так, например, в «Каталоге гор и морей» («Шань хай цзин») описывается некое животное *шижюу* (буквально «зрячее мясо»). Существо это подобно куску бычьей печени, великолепной на вкус, имеет глаза и никогда не убывает, сколько бы от него не отрезали. В «Каталоге» оно упоминается более десятка раз в повествованиях о самых различных далях, соседствуя со сказочными птицами, небывальными зверями и прочими дивами⁹. Таким образом, хотя это нигде не сформулировано отдельно, у него могут быть и некие специальные свойства в случае употребления в пищу. Действительно, эффект от поедания *шижюу* должен подразумеваться, коли существует сама практика такого поедания, а она есть, иначе откуда бы знать о его вкусе и способности к регенерации?

Парафраз на тему *шижюу* можно встретить и в рассказах о необычайном, относящихся к танскому времени. Там тоже фигурирует глазастое мясо при не вполне понятной конкретике, но теперь оно уже способно летать и даже учинять неистовства. Так, в частности, в новелле «Вэй Пан» из сборника «Юань хуа цзи» («Записки об изначальных превращениях») Господина Хуанфу (даты жизни неизвестны) описывается один из видов демона *шашэнь*. Любитель охоты по имени Вэй Пан имел обыкновение приготавливать и съедать любую свою добычу: не только зверей и птиц, но и насекомых, червей, змей и тому подобное. Однажды ночью Вэй Пан попросился на ночлег в незнакомый дом, и хозяин предупредил его, что у соседей как раз траур, а по поверьям злые силы могут проникнуть в дом и причинить вред живущим, поэтому сам он и домочадцы на эту ночь собираются укрыться где-нибудь неподалеку и вернуться только на следующий день. Вэй Пан бесстрашно остается ночевать в покинутом хозяйном доме, и на исходе третьей стражи видит, как нечто светящееся влетает в северные двери павильона. Вэй Пан выпускает несколько стрел в непрошенного гостя, и поверженная нечисть оказывается подобна большому куску мяса с глазами на четырех углах. Согласно своему обычаю, Вэй Пан приготавливает и съедает это мясо, на вкус необыкновенно ароматное, а также оставляет часть угощения и изумленному хозяину, явившемуся на рассвете¹⁰. Опять же, о пользе приготовленного демона пока ни слова, но важны два обстоятельства: будучи порождением навсего мира, этот *шашэнь*, тем не менее, вполне телесен (его можно убить стрелой и сварить) и съедобен.

Начиная примерно с эпохи Шести династий появляются и свидетельства о находках в земле непонятного происхождения кусков мяса. В обиходе их полагают воплощениями божества времени Тай-суя и почитают за дурное предзнаменование, но знающие люди не слушают суеверий и употребляют это мясо в пищу. Так поступает, например, герой рас-

сказа «Сяо Цзинчжи» из сборника «Шэньсянь ганьюй чжуань» («Описания потрясений от встреч со святыми бессмертными») даосского мистика, философа и популяризатора Ду Гуантина (850–933): больной и одряхлевший герой рассказа находит в земле странный кусок мяса толщиной с ладонь, свежий и сочный на вид. Решив, что находка его — Тай-суй, и от этого хорошего не жди, Сяо Цзинчжи все-таки решается приготовить и съесть удивительное мясо, обнаруживая, что оно прекрасно на вкус. Вскоре здоровье и бодрость полностью к нему возвращаются, а просветленный даос сообщает, что герою довелось вкусить snadо-бья бессмертных: его находка не что иное как гриб *жоучжи*, «жирный, влажный и красный», и тот, кто его отведаст, долголетием уподобится черепахе и журавлю¹¹ (В «Тайпин гуан цзи» текст атрибутируется как принадлежащий к сборнику «Шэньсянь ганьюй чжуань», но в самом сборнике, помещенном в «Даоцзане», этого текста нет¹²).

Гриб *жоучжи* описан в ряде даосских сочинений, прежде всего в трактате Гэ Хуна (283–343) «Баопу-цзы», где он предстает неким живым существом, по сути, однако, являющимся волшебным грибом. Таким, в частности, называется «десятитысячелетняя лунная жаба» (*ваньсуй чаньчу*, символ долголетия). В трактате утверждается, что на голове она имеет рога, под подбородком красный узор, подобный повторенному неоднократно иероглифу «восемь», что принимать в пищу эту форму *жоучжи* следует, высушив в темноте и перемолов в крошку, и тогда тебе прибавится сорок тысяч лет жизни. Подобным же образом говорится и о тысячелетней ласточке. А «...если, следуя в горах, увидишь маленьких человечков, едущих в повозках и на лошадях, ростом в 7–8 *цуней*, то [и] это грибы *жоучжи*; поймать их и употребить [в пищу] — и станешь бессмертным»¹³. Описание *жоучжи* есть и в тексте трактата VI века «Бай Цзэ ту», впоследствии утерянного и сохранившегося по записям в более поздних компендиях. В частности, в минском лекарственном своде «Бэньцао ганму» со ссылкой на «Бай Цзэ ту» говорится: «Есть существо, подобное детской руке без пальцев; называется «фэн». [Если] съесть его, — [значительно] умножишь силы»¹⁴. Этой сентенции нет в других собраниях с текстом «Бай Цзэ ту» («Жемчужный лес сада Дхармы»¹⁵, «Императорская энциклопедия годов Тайпин»¹⁶); в «Собрании литературы, классифицированном по разделам» несколько выдержек из «Бай цзэ ту» по всему тексту¹⁷. В самом «Бэньцао ганму» имеется целый раздел, посвященный грибам *чжи*, в котором говорится и о *линчжи*, трутовике *Ganoderma lucidum*, и о других разновидностях, в том числе — о *жоучжи*, при этом цитируется «Баопу-цзы», но часто неточно. Так, говорится, что «...*жоучжи* внешним видом схож с мясом, [встречается] подле больших камней, имеет и голову, и хвост, является живым существом. Красный [цветом] подобен кораллу, белый — отрезанному салу, черный — болотной жиже, зеленый — перьям зимородка, желтый — червонному золоту; все [эти виды] блестящие и лоснящиеся, словно толстый лёд. Большие весом превосходят десять цзиней, маленькие [веса] три-четыре цзиня»¹⁸. В «Баопу-цзы» сказанное выше (с небольшими текстологическими отклонениями) относится к «каменным грибам» *шичжи*¹⁹. Но то, что касается различных одушевленных вариантов *жоучжи* (как утверждает трактат, таких около 120 видов), включая маленьких человечков, — все это в «Бэньцао ганму» присутствует и детально описано²⁰.

Сам гриб *жоучжи*, как и *линчжи*, известен в практике китайской медицины и является встречающимся в почве сложным агломератом, имеющим в основе гигантский слизевик. Но в трактовке даосских апологетов он становится не просто одушевленным существом, а абсолютным воплощением плоти, и плоти именно человеческой; нужно полагать, что рассмотренная выше, позаимствованная из «Дао Дэ цзина» символика квинт-эссенции *цзин* — исполненной силы *дэ* мудреца, подобного младенцу, — здесь вполне очевидна. Целебные свойства гриба, таким образом, понимаются как скопление этой самой витальной первоосновы, и внешняя форма волшебной снеди (сходность с человеческим телом и даже одушевленность) кажутся теперь вполне логически обоснованными (оговоримся сразу, что здесь не рассматриваются истории об оборотничестве различных

грибов и других растений, неоднократно встречающиеся среди рассказов о чудесах, поскольку и идейная основа, и атрибутика там совершенно другая).

Нужно отметить, что символика «телесности» проявляется не только в отношении снадобий, сделанных из описанного выше слизевика *жоучжи*, но и в отношении многих других подлинных или фантастических лекарственных средств, способных даровать бодрость и долголетие. Вот, например, рассказ «Десять вэйянских друзей» («Вэйян ши ю») из уже упоминавшегося выше сборника «Шэньсянь ганьюй чжуань»: во время пирушки десять друзей, людей достойных и увлеченных даосскими идеями, угощают прибывшего к ним нищего старика. Так повторяется несколько раз, после чего старик выказывает желание отплатить друзьям за добро и сам приглашает их на угощение. Главным блюдом на устроенном им пире оказывается приготовленный на пару подросток, уже порядком разложившийся, с наполовину отвалившимися ушами, руками, ногами и глазами. Никто из друзей не решился не только утолить голод поданным деликатесом, но даже и попробовать его; сам же старик с удовольствием ест, объедки отдает вертящимся подле попрошайкам и объясняет, что на самом деле гостям был подан тысячелетний женьшень, который практически невозможно отыскать. Тот, кто отведал подобного женьшеня, тотчас становится высшим бессмертным (*шансянь*). Тут же и сам старик, и доевшие остатки попрошайки возносятся на небо²¹. В другом танском сборнике рассказов — «Сюань ши чжи» («Записи из зала Сюаньши»), составленном Чжан Ду (IX в.), — женьшень, формой повторяющий человеческое тело и способный кричать, как человек, является предостережением Неба, пророчествующим падение дома Суй²², что напрямую не связано с даосскими исканиями, но является однозначным проявлением высшей воли Абсолюта. В другой новелле из того же сборника — «Чжао шэн» («Студент Чжао») — женьшень под личиной старца является главному герою, трудолюбивому, но не наделенному острою ума студенту Чжао, дает полезные советы и в виде ребуса сообщает, как найти его обиталище. Разгадав ребус, студент откапывает под липой корень женьшеня, большой и внешне очень похожий на своего давешнего собеседника, и рассудив, что «способный оборачиваться женьшень может лечить недуги», приготавливает и съедает корень, после чего исполняется остроты ума и талантов, и карьера его начинает стремительно налаживаться²³.

Перепевы тех же сюжетов встречаются и в сунских *бици*: так, в сборнике «Цзи шэнь лу» («Записи собранного о духах») Сюй Сюаня (916–991) имеется рассказ «Чэнь ши» («Учитель Чэнь»), в котором нищий даос, благодаря хозяина гостиницы Мэя за доброту, угощает его диковинными блюдами — приготовленными на пару младенцем и щенком. Хозяин не решается отведать, тогда даос, тяжело вздохнув, объясняет ему, что, несмотря на доброе сердце, стать бессмертным его благодетелю не суждено; угощением в этот день были тысячелетний женьшень и тысячелетняя дреза, но вкусить их и вознестись Мэю, видно, не судьба²⁴. Та же символика сохраняется и в текстах более поздних эпох, в частности, в минских романах: вспомним, например, чудесные плоды, украденные царем обезьян Сунь Укуном в монастыре Учжуангуань, которые внешне были совершенно подобны младенцам, свешиваясь с веток, шевелились и под дуновением ветра, будто бы, даже издавали звуки. Плоды эти носили название «Женьшеневых плодов» (*жэньшэнь го*)²⁵.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что символика телесности в описаниях даосских чудодейственных средств и снеди, воплотившаяся в поздних профанных текстах как придание снадобьям вида маленьких детей или частей человеческого тела, восходит к сформулированной еще в ранних даосских текстах концепции витального начала. Это витальное начало — основа духовного роста — связано, тем не менее, с идеей совершенного согласия между плотью и духом, воплощенном в новорожденном младенце. Идея эта получает отражение в светских текстах, начиная с эпохи Шести династий, то есть, со времени новых общественных веяний, направленных на эк-

зотеризацию даосских практик. Добавим также, что следы этих представлений можно во множестве обнаружить и в наши дни, но это уже предмет отдельных изысканий.

1. См., например: *Де Гроот Я.Я.М.* Демонология древнего Китая / пер. с англ. Котенко Р.В. СПб.: Евразия, 2000. С. 11–15.
2. См.: *Сторожук А.Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: Береста, 2010. С. 382–395.
3. «Дао Дэ чжэнь цзин», цзюань 2, глава 55 «Сюань фу»: [«Небесное знамение»] // Чжунхуа даоцзан: [Китайская даосская сокровищница] / глав. ред. Чжан Цзи-юй. Пекин: Хуася чубаньшэ, 2004. Т. 9. С. 41.
4. «Дао Дэ чжэнь цзин», цзюань 1, глава 21 «Сюй синь»: [«Пустотное сознание»] // [Китайская даосская сокровищница]. Т. 9. С. 38.
5. «Хуан-ди нэйцзин», Линшу цзи чжу: [«Собрание «Ось духа» с комментариями». Цзюань 4, глава 8 «Бэнь шэнь»: [«Основа шэнь»] // [Китайская даосская сокровищница]. Т. 20. С. 453.
6. Подробнее см.: *Сторожук А.Г.* Три учения и культура Китая... С. 300–301.
7. Там же.
8. О гармоничном пребывании *шэнь* в теле и связи с жизненными энергиями см., например: «Собрание «Ось духа» с комментариями». Цзюань 3, глава 5 «Гэнь цзе»: [«Основа и узел»] // [Китайская даосская сокровищница]. Т. 20. С. 449.
9. Шань хай цзин: [Каталог гор и морей] / пер. и коммент. Фан Тао. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. С. 181–182, 195–196, 199, 213, 235.
10. Тайпин гуан цзи: [Обширные записи годов Тайпин]. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1959. Т. 4. С. 2882–2883. О самой новелле подробнее см.: *Сторожук А.Г.* Демоны *ша* в китайской новеллистике // Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы V международной научной конференции. 27 июня — 1 июля 2012 г. В 3 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. Т. 1. С. 405–406.
11. [Обширные записи годов Тайпин]. Т. 1. С. 162–163.
12. [Китайская даосская сокровищница]. Т. 45. С. 161–192.
13. «Баопу-цзы нэй пянь»: [«Баопу-цзы, внутренний раздел». Цзюань 11 «Сянь яо»: [«Снадобья бессмертных»] // [Китайская даосская сокровищница]. Т. 25. С. 45–46; Комментарии к тексту — *Гэ Хун*. Баопу-цзы нэйбянь цюань и: [Полный перевод трактата Баопу-цзы о внутреннем]. Гу Цзю и чжу: [Перевод и комментарии Гу Цзю]. Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1995. С. 276–282.
14. Бэньцао ганму: [Полный лекарственный сборник] / сост. Ли Шичжэнь; коммент. Лю Хэн-жу и Лю Шань-юна. Пекин: Хуася чубаньшэ, 2012. Т. 2. С. 1911.
15. Фаюань чжулинь цзючжу / Тан ши Дао-ши чжу: [Жемчужный лес сала Дхармы, текст сверенный и прокомментированный / составлен танским монахом Дао-ши]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2003, Т. 3. С. 1383–1390.
16. Тайпин юйлань. Сун Ли Фан бянь цзюань: [Императорская энциклопедия годов Тайпин / Составлена сунским Ли Фаном]. Шинцзячжуан: Хэбэй цзююй чубаньшэ, 1994, Т. 8. С. 112–113.
17. И вэнь лэй цзюй / Тан Оуян Сюнь сюань: [Собрание литературы, классифицированное по разделам / собрал танский Оуян Сюнь]. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1965, Т. 1–2. 2254 с.
18. «Бэньцао ганму», цзюань 28 «Цай»: [«Овоши», раздел 4 «Шуй цай»: [«Водяные овоши»], «Чжи» // [Полный лекарственный сборник]. Т. 2. С. 1148.
19. «Баопу-цзы нэй пянь»... С. 44; Комментарии к тексту — *Гэ Хун*... С. 266–271.
20. Бэньцао ганму: [Полный лекарственный сборник]. Т. 2. С. 1148.
21. Тайпин гуан цзи: [Обширные записи годов Тайпин]. Пекин, 1959. Т. 1. С. 328–329.
22. Рассказ «Шанданец» («Шандан жэнь») // [Обширные записи годов Тайпин]. Т. 5. С. 3397–3398.
23. Там же. Т. 5. С. 3398–3399.
24. Там же. Т. 1. С. 317–318.
25. *У Чэньэнь*. Си ю цзи: [Путешествие на Запад]. Чанша: Чанцзян вэнь чубаньшэ, 1981. Т. 1. С. 290.

Научная жизнь

Связь времен сохраняется.

Институт китаеведения АН СССР (1956–1960)

(Из личных воспоминаний и по документам Архива РАН)

© 2017

А.С. Ипатова

Статья — дань памяти Институту китаеведения АН СССР (ИКАН), уникальному академическому учреждению, значение которого выходит далеко за временные рамки, отведенные ему историей. Автор прослеживает связь поколений китаеведов за последние 60 лет, преемственность в разработке научных направлений, заложенных в ИКАН, над которыми продолжают трудиться в Институте Дальнего Востока и Институте востоковедения РАН.

Ключевые слова: Президиум АН СССР, Институт китаеведения (ИКАН), Институт востоковедения (ИВ РАН), Институт Дальнего Востока (ИДВ АН/РАН), отечественное китаеведение.

В статье, опубликованной в ежегоднике ИДВ РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015», академик С.Л. Тихвинский подробно осветил научную деятельность Института китаеведения АН СССР, определил его место и роль в истории отечественного китаеведения, дал анализ основных направлений, разработкой которых занимался этот институт и над которыми уже не одно десятилетие трудится Институт Дальнего Востока. Основной акцент Сергей Леонидович сделал на преемственности научных направлений и традиций, заложенных в далекие 1950-е годы в Институте китаеведения¹.

Статья академика Тихвинского укрепила во мне желание вспомнить с китаеведами старшего поколения свой любимый Институт и тех, кто трудился там, а главное — рассказать молодому поколению, каким был Институт китаеведения и как нам работало и жилось в нем.

Вначале несколько слов о том, что предшествовало основанию Института китаеведения. В послевоенный период ситуация с изучением Китая в нашей стране была сложной. Главные проблемы заключались в отсутствии головного института, занимавшего

Ипатова Аида Семеновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: lavrovaml@mail.ru.

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 12–13 октября 2016 г.

гося комплексным изучением Китая. Остро ощущалась и нехватка квалифицированных специалистов-китаеведов. Репрессии 1930-х и второй половины 1940-х годов, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (особенно блокада Ленинграда, где по-прежнему находился центр отечественного традиционного китаеведения), участие китаистов в войне на Дальнем Востоке нанесли тяжелый ущерб китаеведению, выбив из его рядов многих, в том числе и известных ученых².

В послевоенные годы отечественному китаеведению, как и всей ориенталистике, необходимы были преобразования, прежде всего, в организационном плане для полноценной реализации встававших перед ними задач в новых исторических условиях начавшегося после Второй мировой войны распада колониальной системы и возросшей роли нашей страны в мире.

После победы революции в Китае и образования КНР в октябре 1949 г. китайскому народу требовалась помощь в восстановлении и развитии экономики, науки, образования, в строительстве новой государственности. На помощь пришел СССР. Для этого были необходимы квалифицированные кадры не только в области образования, науки и техники, но и специалисты по Китаю, ученые и переводчики с хорошим знанием китайского языка и китайских реалий, традиций и менталитета китайского народа.

В те годы главной кузницей специалистов по Китаю был Московский институт востоковедения (МИВ), располагавшийся в Ростокинском проезде д. 13а — старейшее и единственное учебное заведение восточных языков в России, основанное в 1815 г. в Москве армянской семьей Лазаревых (Лазарян). Так, в 1950 г. в институт было принято, по свидетельству одного из студентов того приема, 120 студентов-китаистов, а по данным другого китаевода того же года набора, — 150 человек. Всего же на китайском отделении обучалось тогда 600 студентов. К тому времени в Институте сложился высококвалифицированный коллектив преподавателей китайского языка³. Однако летом 1954 г. Институт закрыли, а студентов перевели в основном в МГИМО МИД СССР.

Готовили кадры по Китаю и в МГУ, куда я поступила в 1953 г. на Отделение Востока исторического факультета. По университетским меркам, в тот год прием в китайскую группу тоже был большим — 22 студента. В 1954 г. одновременно с закрытием МИВ произошло значительное сокращение числа студентов-китаистов и у нас. Так, на 2-й курс перевели только 5 человек. Это — А.А. Бокшанин, А.С. Ипатова, Т.И. Коровкина (Никитина), И.Н. Машкина и О.Е. Непомнин. Остальным предложили перейти на любую другую кафедру истфака МГУ.

В 1956 г. был закрыт Военный институт иностранных языков (ВИИЯ, в 1974 г. восстановлен как Военный институт МО СССР) и большая группа слушателей-востоковедов была переведена в только что созданный Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ (с 1972 г. ИСАА при МГУ). Основу нового учебного заведения составили преподаватели-востоковеды исторического и филологического факультетов МГУ, студенты-восточники.

Вслед за открытием ИВЯ в том же 1956 г. Постановлением Президиума АН СССР от 26 октября за № 571 был образован Институт китаеведения АН СССР⁴. Находился он в историческом центре Москвы, в Китайском (ныне Китайгородском) проезде в солидном здании Министерства строительства электростанций СССР (ныне — один из офисов РАОЭС). Этажом выше расположился ИМЭМО АН СССР. Жили с соседями дружно. Что и говорить об удивительно благоприятной атмосфере в самом Институте китаеведения, где, на первый взгляд, собрался весьма разнородный коллектив, основу которого составили переведенные из Института востоковедения АН СССР (ИВАН) сотрудники-китаеведы. Согласно списка, содержащегося в Приложении № 2 к упомянутому выше Постановлению, из ИВАН было переведено в ИКАН всего 50 человек. Из них 11 — с.н.с., включая 3 докторов наук (Маслеников В.Л., Ошанин И.М., Пашков Б.К.), остальные были кандидатами наук, включая директора к.э.н. Алексея Степановича Перевертайло и зам. директора к.и.н. Р.В. Вяткина. Далее: 19 м.н.с. со степенью кандидатов наук,

9 м.н.с. б/степени, 3 — н.-техн. сотрудника. Показательный штрих: письма, приходившие из-за рубежа от иностранных корреспондентов на имя директора Института, частенько были адресованы «академику Перевертайло». Таким воспринимался ими статус ИКАН, соответственно, и его директора.

В Институте китаеведения была создана и своя аспирантура, первыми ее питомцами стали 8 аспирантов, переведенных из ИВАН. В их числе: Белов Е.А., Васильев Л.С., Круглов А.М., Мугрузин А.С., Софронов М.В. Впоследствии все они стали докторами наук. Одними из первых аспирантов ИКАНа были А.М. Григорьев (впоследствии д.и.н.), будущие кандидаты наук Волкова Л.А., Волохова А.А., Фомина Н.И., Чудодеев Ю.В. и др.

«ИВАНовцы» составили основной, цементирующий костяк коллектива Института, где собрались представители разных поколений, от родившихся в конце XIX — начале XX в. до увидевших свет в совсем иную историческую эпоху, в годы первых пятилеток. Более того, и китаеведческое образование к.э.н. П.Е. Скачков начал в 1913–1914 гг. в Практической восточной академии в Петербурге, но лишь в 1922–1924 гг. смог продолжить учебу в Петроградском (Ленинградском) Институте живых восточных языков⁵. Участником гражданской войны был и директор Института к.э.н. А.С. Перевертайло. Были участники и свидетели революции 1925–1927 гг. в Китае. Это — д.филол.н., проф. И.М. Ошанин, который в 1924–1926 гг. работал в Торгпредстве СССР в Китайской Республике, участник Калганской (северной) группы советских военных советников П.Е. Скачков, сотрудница советских учреждений в Китае в 1925–1927 гг. китаист, экономист, политолог З.С. Дубасова.

Пришли на работу в ИКАН и вчерашние участники Великой Отечественной войны и войны на Дальнем Востоке: В.И. Антонов, Н.П. Виноградов, В.И. Глунин, Н.М. Калюжная, И.Н. Коркунов, С.Д. Маркова, А.И. Мелналкнис, Б.А. Митбрейт, Н.Ц. Мункуев, В.Н. Никифоров и др.

Среди сотрудников Института были и китайцы — советские граждане к.и.н. А.Г. Крымов (Го Шаотан) впоследствии д.и.н., к.и.н. Цзэн Сюфу, а также замечательные переводчики-консультанты с прекрасным знанием взньяня — Ду Иснн и Лю Кунъи. Пришли в Институт и те, кто волею судеб родился в Китае (в Маньчжурии) и при первой же возможности приехал в СССР. Это — Г.В. Мелихов, впоследствии д.и.н., и В.С. Таскин, впоследствии к.и.н., прекрасные знатоки китайского языка, включая взньянь и гувэнь, а также владевшие японским языком⁶.

Обязательным для всех сотрудников было знание китайского языка. Китаистом был даже начальник отдела кадров Д.М. Поспелов, впоследствии сотрудник ИДВ. Вспоминается, как принимали на работу выпускников ИВЯ. На защите дипломных работ присутствовал к.и.н. В.Н. Никифоров (впоследствии д.и.н.)⁷, ведущий специалист по Китаю, обладавший разносторонними знаниями в области всемирной истории. Его особенно интересовали те выпускники, кто специализировался по новой и новейшей истории Китая. После защиты он попросил дипломные работы у О.Е. Непомнина и у меня, чтобы лучше познакомиться с ними. Мой диплом он потом дал на отзыв Ф.Б. Белелюбскому, который тогда уже работал в Институте китаеведения. Отбор был серьезный. Из нашего выпуска на работу в ИКАН приняли А.А. Бокщанина, А.С. Ипатову, И.Н. Машкину, О.Е. Непомнина. С годами Институт все больше молодедел, приходили вчерашние выпускники МГИМО и ИВЯ при МГУ, приезжали из Китая стажеры — В.С. Аджимамудова, Г.В. Куликова, И.С. Заусцинская (Ермаченко) и др. Зав. кафедрой истории Китая ИВЯ Л.В. Симоновская в шутку называла наш институт «детским садом советского китаеведения». Утверждали тогда, не знаю, всерьез ли, что якобы средний возраст сотрудников Института китаеведения не превышал 28 лет.

Однако разница в возрасте и квалификации не служила помехой для сплоченности коллектива во имя общего дела. Работали с энтузиазмом и много. Молодежь бралась

за любое дело, постигая азы методики и методологии научного творчества, не чураясь будничной рутины.

За неполные 4 года деятельности Института китаеведения было подготовлено и издано значительное число фундаментальных трудов, популярных публикаций, журнальных статей, благо что у Института был собственный журнал «Советское китаеведение» (гл. ред. к.э.н. Е.Ф. Ковалев, впоследствии д.и.н., г.н.с. ИДВ; отв. секретарь Л.С. Кюзадзян, впоследствии д.и.н.; зав. одним из отделов — китаевед Н.Б. Зубков, участник Великой Отечественной войны, после закрытия журнала — главный редактор, зам. главного редактора Главной редакции восточной литературы изд-ва «Наука», заслуженный работник культуры РСФСР). В Постановлении о создании ИКАН специальным пунктом было предусмотрено «издание с 1957 года научного журнала «Советское китаеведение» (6 номеров в год объемом 15 п.л. каждый)». К сожалению, журнал выпускался всего один, 1958 год, вышло 4 толстых номера, которые уже в скором времени стали библиографической редкостью.

Специальным пунктом того же постановления Президиума АН СССР предусматривалось до 15 научных командировок сотрудников и аспирантов в КНР. Были организованы первые поездки. В 1958 г. в КНР поехали С.Д. Маркова, В.С. Мясников, В.Ф. Сорокин, Л.З. Эйдлин, затем — Е.А. Белов, А.М. Григорьев и др. В длительную командировку по национальным районам КНР для изучения национального вопроса был направлен молодой языковед, уникальный лингвист-фонолог А.А. Москалев, впоследствии сотрудник ИДВ, будущий доктор исторических наук.

Вместе с ИКАН создавалась и специализированная Синологическая библиотека, в том же здании, на том же этаже, что и ИКАН. История ее рождения заслуживает особого внимания. 9 декабря 1957 г. в газете «Правда» было опубликовано письмо, озаглавленное «Нужна центральная библиотека китаеведения», подписанное чл.-корр. Н.И. Конрадом, д.филол.н. Н.Т. Федоренко, проф. И.М. Ошаниным, д.и.н. С.Л. Тихвинским⁸. Авторы письма обратились к Президиуму АН СССР с просьбой рассмотреть вопрос о создании при Институте китаеведения Синологической библиотеки в качестве научной базы. А 6 марта 1958 г. вышло специальное Распоряжение Президиума АН СССР за № 315-441 об организации в Институте китаеведения специальной Синологической библиотеки из фондов китаеведческой литературы библиотеки ИВАН, дубликатных фондов Библиотеки АН СССР и Ленинградского отделения ИВАН. Распоряжение предусматривало также включение в книжные фонды ИКАН «необходимые Институту книги из библиотек бывшей Российской духовной миссии в г. Пекине и Генерального консульства в г. Харбине, передаваемых Институту Министерством иностранных дел СССР»⁹.

Первым и многолетним директором библиотеки была китаевед к.и.н. Дора Натановна Зильберг, возглавлявшая ее на протяжении 23 лет. Она лично ездила по стране, собирала фонды для Синологической библиотеки. Основными добровольными консультантами и помощниками молодым сотрудницам библиотеки были П.Е. Скачков, прекрасный знаток библиотечного дела и отечественных библиотек, а также к.и.н. Ю.М. Гарушанц — в работе с китайским фондом которого годы спустя сменил в.н.с. ИДВ к.и.н. К.В. Шевелев. Созданная библиотека стала основой научных исследований по Китаю не только для китаеведов нашей страны, но и зарубежных пользователей.

А в Институте китаеведения работали много, с интересом и непреходящим воодушевлением. Трудолюбие, жизнеутверждающий настрой, уверенность в важности и востребованности дела, которому служишь, высокий профессионализм одних и жажда знаний других — визитная карточка Института китаеведения.

Конечно, не все и не всегда было гладко и радужно. Случались непредвиденные осложнения. Приведу только один, наиболее близкий мне пример, связанный с изданием первого в отечественной историографии солидного труда «Очерки истории Китая в новейшее время» (М., 1959). Над созданием этой коллективной монографии трудились

многие сотрудники Института, историки и экономисты. Назову их поименно: Акатова Т.Н., Астафьев Г.В., Виноградов Н.П., Гарушянц Ю.М. Глунин В.И. (член редколлекции, автор ряда глав и разделов), Гуревич Б.П., Илюшечкин В.П., Крымов А.Г., Кукушкин К.В. (член редколлекции, автор), Меликсетов А.В., Митбрейт Б.А., Мугрузин А.С., Никифоров В.Н. (член редколлекции), Перевертайло А.С. (отв. ред., автор), Сухарчук Г.Д., Яковлев А.Г. В разработке экономической истории участвовали также Воеводин С.А., Новиков Л.Н., Фомичева М.В.

Когда рукопись уже была сверстана, в КНР состоялся VI пленум ЦК КПК 8-го созыва, на котором были пересмотрены важные установки в области экономического строительства. По понятным причинам — совпадение во времени — в книге не могло быть отражено это событие, что автоматически влекло за собой недопуск к изданию.

Для решения возникшей проблемы Институт обратился в ЦК КПСС, где получил поддержку. Выход был найден: нужно было в заключении книги с ювелирной точностью определенные места прежнего текста заменить новым при условии соблюдения количества печатных знаков. Сидели всем отделом и справились. Выручали абзацы. После внесения исправлений и дополнений книга была допущена к печати и издана к 10-й годовщине образования КНР — к великой радости всех тех, кто над ней трудился. Получив премию, отправились в ресторан «Пекин», где я тогда впервые побывала.

Для КНР вторая половина 1950-х годов была временем стремительных перемен политических установок в области экономического строительства, идеологического воспитания, литературы и искусства. Один курс сменял другой. И китаеведам необходимо было отслеживать перемены и успевать отражать их в своих работах.

Важное значение придавалось новому направлению — работе с советскими ветеранами китайской революции 1925–1927 гг., а затем и с участниками антияпонской войны 1937–1945 гг., которые охотно предоставили Институту свои мемуары, при встречах дополняли их устными беседами. Военачальники использовали также и архивные документы, прежде всего собственные доклады и донесения. Это был свежий поток знаний о китайской революции и роли советской помощи в ней. Описание и оценки событий предстали в двух измерениях: «извне» — как представителей другого государства и «изнутри» — как непосредственных участников и очевидцев событий.

Сначала занималась с ветеранами Н.И. Фомина, а затем В.Б. Гордеев. И после закрытия ИКАН это направление сохраняется. По сей день его ведет к.и.н., в.н.с. ИВАН Ю.В. Чудодеев. Итогом кропотливой, ответственной и предельно бережной работы китаистов наша наука имеет целую серию мемуаров советских ветеранов китайской революции и национально-освободительной войны 1937–1945 гг. в Китае, среди них А.В. Благодатов, В.В. Вишнякова-Акимова, М.И. Казанин, А.Я. Калягин, Н.И. Кончиц, генерал-лейтенант А.И. Черепанов, В.И. Чуйков, впоследствии герой Сталинградской битвы, маршал Советского Союза¹⁰.

Такое тесное творческое сотрудничество способствовало восстановлению добрых имен советских людей, участников революционного и национально-освободительного движения в Китае, подвергшихся затем репрессиям. Справедливости ради, следует вспомнить, что инициатором разработки этого направления был первый директор ИКАН А.С. Перевертайло.

В ИДВ также продолжается работа над этим направлением. Свидетельством тому сборник статей «Видные советские коммунисты — участники китайской революции» (М., 1970), а также публикации д.и.н. А.И. Картуновой архивных документов о деятельности В.К. Блюхера в Китае¹¹. Много сделала для публикации воспоминаний ветеранов к.и.н., в.н.с. ИДВ Ранса Анатольевна Мировицкая. Она и сама издала очень интересные «Записки волонтера. Гражданская война в Китае» советского разведчика В.М. Примакова (М., 1967), долгое время хранившиеся в архиве.

Р.А. Мировицкая в сотрудничестве с А.М. Ледовским, Чрезвычайным и Полномочным Послом, к.и.н., в.н.с. ИДВ, были основными создателями трех томов (в 5-ти книгах) документальной серии «Советско-китайские отношения в 1917–1950 гг.» и соавторами исторических предисловий к ним с В.С. Мясниковым¹².

Хронологически серию мемуаров продолжили советские дипломаты, работавшие в Китае в 1940–1950 гг. Это Чрезвычайный и Полномочный Посол, академик С.Л. Тихвинский, а также А.А. Брежнев, О. Василенко, Б.Н. Верещагин, Ю.М. Галенович, М.С. Капица, К.А. Крутиков, Г.В. Куликова, А.М. Ледовский, А.С. Панюшкин, О.Б. Рахманин, М.И. Сладковский, Н.А. Спешнев, В.П. Федотов, В.И. Шабалин¹³ и др. Благодаря ветеранам китайской революции и советским дипломатам, а также деятельности китаеведов современная наука имеет солидную библиотеку мемуарной литературы об эпохе революций и войн XX в. в Китае.

Несколько подробнее остановлюсь на созданной С.Л. Тихвинским в Институте китаеведения группе новой истории Китая, ставшей хорошей школой коллективного научного творчества для молодых китаеведов. Перед ее участниками С.Л. Тихвинский поставил задачу: создать первый в истории отечественного китаеведения обобщающий труд по новой истории Китая, основанный на солидных источниках на китайском и европейских языках, отечественных архивных документах и трудах российских китаеведов, на наработках мировой синологии.

Группа состояла в основном из научной молодежи, которая активно включилась в работу. Это: Е.А. Белов (к.и.н. с 1957 г.), Л.Н. Борох, А.М. Григорьев, И.С. Ермаченко, В.П. Илюшечкин (к.и.н. с 1952 г.), А.С. Ипатова, Н.М. Калюжная, А.С. Костяева, А.Г. Крымов, О.Е. Непомнин, В.И. Семанов (Ин-т мировой литературы АН СССР), А.Н. Хохлов, Ю.В. Чудодеев. Руководитель группы д.и.н. С.Л. Тихвинский, назначенный 22 января 1960 г. директором Института¹⁴. Как видим, процент остепененных был невелик. Из 14 авторов — 3 к.и.н., 1 д.и.н.

Цепь последовавших реорганизаций не могла не сказаться на сроках создания этого коллективного труда, так как разбросала его авторов по разным научным и другим учреждениям, а руководитель группы С.Л. Тихвинский с 1965 по 1986 г. работал в системе МИД СССР, не прекращая руководство авторским составом. Когда в 1972 г. наконец была издана «Новая история Китая», все ее авторы имели ученые степени. Затем многие из них стали докторами наук, а их первый солидный труд был переведен на иностранные языки, включая китайский, и до сих пор востребован.

То же самое можно сказать и о других направлениях, разрабатывавшихся в ИКАНе, которые получили дальнейшее развитие в основном в деятельности ИДВ. Это, прежде всего, относится к изучению истории русско-китайских отношений, созданию документальной основы для всестороннего, объективного исследования уникальных отношений двух крупнейших соседних государств — документальной серии «Русско-китайские отношения в XVII—XX вв.». Ответственный редактор — академик С.Л. Тихвинский, редактор томов, автор или соавтор всех исторических предисловий к томам и ряда комментариев академик В.С. Мясников. Начало этому изданию положили два сборника, подготовленные в Институте китаеведения — «Русско-китайские отношения. 1618–1916 гг. Официальные документы». (М., 1959, составители: П.Е. Скачков, В.С. Мясников) и «Советско-китайские отношения. 1917–1957 гг.» (М., 1959, ответственный редактор А.С. Перевертайло). В настоящее время Институтом Дальнего Востока издано 11 солидных томов (в 13 кн.); 11-й том, изданный в 2016 г., мы посвятили юбилею Института, его 50-летию, вспоминая при этом и Институт китаеведения, который фактически стал *alma-mater* для целого поколения отечественных китаеведов, которое умело и дружно, плодотворно работать, и весело отдыхать.

Арендвали вблизи института спортзал. Под руководством сотрудника института А. Кирпша, мастера спорта по волейболу, была сформирована волейбольная команда.

К праздникам устраивали концерты, местные остролисты (Воеводин С.А., Григорьев А.М., Круглов А.М. и др.) сочиняли капустники. Хор под управлением В. Пасенчука пел популярные песни. К праздникам выпускали фотомонтажи. В.А. Богословский делал фотографии, собственный талантливый поэт В.Б. Гордеев сочинял к ним краткие рифмованные подписи. Например, на 8 марта под фотографией четырех молодых сотрудниц он написал: «Рост кадров стал у нас законом. И это, право же, не лесть. И нераскрывшимся бутонам в науке суждено расцвести». А слова-то оказались пророческими...

Жилось нам в Китайском проезде интересно и сытно. Заботами Г.М. Маленкова, 1956–57 гг., министра строительства электростанций СССР, была обустроена прекрасная, совсем недорогая столовая. Наведывались мы туда дважды в день — в обед и на полдник. Но... счастье так недолго длилось. Гром грянул в середине лета 1960 г.

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1960 г. за № 723 Президиум АН СССР принял Постановление от 22 июля 1960 г. за № 684 «Об организации Института народов Азии АН СССР и Института экономики мировой социалистической системы АН СССР». В постановлении предписывалось: «Преобразовать Институт востоковедения и Институт китаеведения АН СССР в Институт народов Азии с отделением в Ленинграде и Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР»¹⁵.

В результате цепи реорганизаций и организаций (создание в 1963 г. Отдела истории ИЭМСС в основном из бывших сотрудников ИКАН во главе с д.и.н. С.Л. Тихвинским) в 1966 г., через 6 лет после закрытия Института китаеведения был образован Институт Дальнего Востока, куда пришло большинство бывших сотрудников ИКАН.

ИДВ сохраняет дух коллективизма, заложенный теперь уже в далеких 1956–1960 гг. в Институте китаеведения, чему способствует тесная территориальная близость с Синологической библиотекой, с ее замечательными сотрудницами, олицетворяющими собой традиции библиотеки: заданная с самого начала атмосфера доброжелательного отношения к читателям, бережное отношение к книжным фондам и их пополнению (библиотека выдержала четыре переезда без ущерба для книг), высокая квалификация консультативной помощи читателям, дух демократизма. По переезду в новое здание Институт Дальнего Востока пригласил на свою территорию библиотеку. Снова, как и в 1950-е годы, мы под одной крышей, мы — один коллектив. И это очень важно.

Другим наследником разработок научных направлений Института китаеведения стал ИВАН, где продолжили и завершили уникальные по своей научной значимости два фундаментальных труда. Это «Большой китайско-русский словарь» (рук. д.филол.н., проф. И.М. Ошанин). Работа над словарем, начатая в 1940-е годы в Ленинграде академиком В.М. Алексеевым, продолженная в ИКАНе, была завершена в 1984 г. уже после кончины И.М. Ошанина, энтузиастами, главными его помощниками А.И. Мелналкисом, Б.Г. Мудровым и др. Четыре солидных тома, около 250 тыс. слов и выражений — колоссальный многолетний труд большого числа китаеведов. В 1986 г. основные создатели словаря были удостоены Государственной премии.

Еще одним значительным событием в истории отечественного китаеведения стал перевод на русский язык труда древнекитайского историка Сыма Цяня «Исторические записки» (Ши цзи), осуществленный с подробными комментариями к.и.н. Р.В. Вяткиным при участии к.и.н. В.С. Таскина, также начатый в ИКАНе и увидевший свет в полном объеме (5 томов) в 1972–1987 гг. плюс 6-й том — в 1992 г.

Все меньше становится свидетелей такого яркого явления в истории отечественной науки как Институт китаеведения, еще меньше — его участников, которые трудятся по сей день. В ИДВ — акад. С.Л. Тихвинский, акад. В.С. Мясников, Л.А. Волкова, А.С. Ипатова, Г.В. Куликова, З.А. Муромцева (Панова), Л.С. Переломов. В ИВАН — Л.С. Васильев, В.Ф. Курбатов, О.Е. Непомнин, С.А. Серова, Ю.В. Чудодеев, в ИСАА при МГУ — М.В. Софронов. В Синологической библиотеке — В.П. Журавлева.

XXI век. Пришли иные времена...

И тем не менее вспоминается начало 1960-х годов, время не лучшее для отечественного Китаеведения: время раздробленности и разобщенности, ухода части Китаеведов из науки. Тогда С.Л. Тихвинский, зав. отделом истории ИЭМСС АН СССР, озабоченный судьбой отечественного Китаеведения, обратился ко всем Китаеведам страны с призывом к объединению сил и знаний: «Китаеведы — за один стол!»

Прошло не одно десятилетие, прежде чем этот призыв стал реализоваться. В 1994 г. был издан энциклопедический словарь «Китайская философия», подготовленный ИДВ РАН с привлечением широкого круга Китаеведов страны. Словарь получился. И здесь особо следует отметить важный вклад к.филос.н. В.Ф. Феоктистова, зам. главного редактора. Это был первый пробный шар, вдохновивший Китаеведов на более масштабные коллективные издания. За ним последовала энциклопедия «Духовная культура Китая» в 6-ти томах, отмеченная Государственной премией РФ (2011). Заслуга в создании этих трудов, несомненно, принадлежит академику РАН М.Л. Титаренко, в те годы директора ИДВ РАН, главного инициатора и организатора этих изданий.

Еще не была закончена работа над энциклопедией, как началась подготовка 10-томного издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века». Инициатор и главный редактор издания — академик С.Л. Тихвинский. В настоящее время девять томов издано и один находится в издательстве.

Начало XXI в. стало сложным периодом для отечественной науки, и еще одним испытанием для отечественного Китаеведения. Тем не менее, созданный им мощный «вал» фундаментальных, обобщающих трудов высокого уровня — прекрасное подтверждение прозорливости С.Л. Тихвинского, призвавшего нас к объединению сил и знаний, что особенно важно в проблемных для науки и Китаеведов условиях. Уже не одно поколение Китаеведов познает эту истину, познав, претворяет в жизнь. Связь времен сохраняется.

А вместе с ней приумножаются возможности и опыт объединения знаний Китаеведов для научного творчества, в том числе и в создании коллективных, обобщающих трудов, посвященных важнейшим датам из истории России и Китая, российско-китайским отношениям, отечественному Китаеведению.

Назову некоторые из них в хронологической последовательности.

2017 г. — 100-летие со времени Февральской и Октябрьской революций в России. Революционная Россия и Китай.

2018 г., 6 марта — 60 лет Синологической библиотеке.

2018 г., май—сентябрь — 400 лет российско-китайским отношениям. Основание: документально подтвержденная миссия Ивана Петлиина «со товарищи» в Китай, посетившая столицу минского Китая г. Пекин, где была принята минскими дипломатами.

2019 г., 1–2 октября — 70-я годовщина образования КНР и установления дипломатических отношений между СССР и КНР.

А там не за горами и 300-летие Российской академии наук (2024 г.), главной скрепы отечественной науки. Vivat Akademia!

-
1. Тихвинский С.Л. Институту Дальнего Востока РАН 60 лет // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. М., 2016. С. 410–417; Он же. Институт Китаеведения АН СССР (1956–1960) // Институт Дальнего Востока: годы, люди, труды. Информ.-библиограф. Справочник / сост.: В.П. Журавлева, А.С. Ипатова, О.Н. Попова. М., 2006. С. 7–15.
  2. См., напр.: Алтатов В.М. Мартиролог востоковедной лингвистики // Вест. АН. 1990. № 12. С. 310–319; Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы / сост. Я.В. Васильев, А.М. Гришина, Ф.Ф. Перченко // НАА, 1990. № 4. С. 114–128; № 5. С. 96–106 и др.

3. Подробно об этом институте см.: *Мясников В.С.* В поисках научного чувства. О работе над собой. Пролог // *Кастальский ключ китаеведа*. М., 2014. Т. 1. С. 471–474; *Галенович Ю.М.* Пятьдесят лет с Китаем. М., 2011. С. 10–24.
4. Архив Российской академии наук (далее: РАН). Ф. 27. Оп. ба. Д. 135. Л. 152–158. Текст Постановления, как и другие цитируемые в статье архивные документы, см. также: *Документы из Архива РАН // Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды*. С. 16–30. Документы представлены директором Архива РАН к.и.н. В.Ю. Афиани, к.и.н. в.н.с. ИДВ РАН А.С. Ипатовой; публикация, вступ. статья, коммент. А.С. Ипатовой.
5. *Скачков П.Е.* Записки по памяти (1938–1963) / [Вступ. статья и публикация дочери П.Е. Скачкова А.П. Скачковой] // *Проблемы Дальнего Востока*. 1991. № 3. С. 199–202; № 4. С. 186–192. Подробную биографию П.Е. Скачкова и переписку с ним В.С. Мясникова см.: *Вдохновение. О моих учителях. Петр Емельянович Скачков. И не распалась связь времен... // Мясников В.С.* *Кастальский ключ китаеведа*. Т. 1. С. 309–401.
6. Подробнее обо всех упоминаемых в статье китаеведах, их научной деятельности и трудах см.: *Милибанд С.Д.* *Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г.* Изд. 2-е, перераб. и доп. В 2 кн. Кн. 1: А–Л. Кн. 2: М–Я. М., 1995; *Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды...*
7. О Никифорове В.Н см.: *Никифоров В.Н.* *Советские историки о проблемах Китая*. М., 1970. В книге содержится также подробный обзор жизни и деятельности отечественных китаеведов старшего поколения, анализ их трудов.
8. Об этом см.: *Тихвинский С.Л.* *Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия*. М., 2002. С. 233–234; а также: Сергей Леонидович Тихвинский. *Материалы к биобиблиографии ученых / сост.: В.П. Журавлева, А.С. Ипатова, Л.В. Шутько. История*. Вып. 31. М., 2008. Изд. 2-е, доп. С. 6.
9. Текст Распоряжения Президиума АН СССР см.: *Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды*. С. 22–23.
10. *Благодатов А.В.* *Записки о китайской революции 1924–1927 гг.* М., 1970; *Вишнякова-Акимови В.В.* *Два года в восставшем Китае. 1925–1927. Воспоминания*. М., 1965; *Владимиров П.П.* *Особый район Китая. 1942–1945*. М., 1973; *Казанин М.И.* *В штабе Блюхера. Воспоминания о Китайской революции 1925–1927 годов*. М., 1966; *Он же.* *Записки секретаря миссии. Страничка истории первых лет советской дипломатии*. М., 1963; *Катягин А.Я.* *По незнакомым дорогам. Воспоминания военного советника*. М., 1969; *Кончиц Н.И.* *Китайские дневники. 1925–1926*. М., 1969; *Косюков Ю.Л.* *Пекинский дневник 1968: Черепанов А.И.* *Записки военного советника в Китае. Из истории Первой гражданской революционной войны (1924–1927)*. М., 1964; *Он же.* *Северный поход Национально-революционной армии Китая (1926–1927): Записки военного советника*. М., 1968; *Чуйков В.И.* *Миссия в Китае: Записки военного советника*. М., 1981; *Он же.* *Миссия в Китае: Военные мемуары*. М., 1983; *На китайской земле. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. 1925–1945 / отв. ред. Ю.В. Чудодеев*. М., 1974; *В небе Китая. 1937–1946. Воспоминания советских летчиков-добровольцев / отв. ред. Ю.В. Чудодеев*. М., 1986. Изд. 2-е, испр. и доп.
11. В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927. *Документы / Публикация и коммент. А.И. Картуновой*. М., 1970; Изд. 2-е доп. М., 1979.
12. *Русско-китайские отношения в XX в. Советско-китайские отношения. Документы и материалы*. Т. 3. 1931–1937. М., 2010; Т. 4. 1937–1945 (в 2 кн.). М., 2000; Т. 5. 1946–февр. 1950 (в 2 кн.). М., 2006.
13. *Тихвинский С.Л.* *Китай в моей жизни (30–90 годы)*. М., 1992; *Он же.* *Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия*. М., 2002; *Брежнев А.А.* *Китай: тернистый путь к добрососедству: Воспоминания и размышления*. М., 1998; *Василенко О.* *Внеслужебные заметки дипломата. Беседа с послом Червоненко*. М., 2006; *Верещакин Б.Н.* *В старом и новом Китае: Из воспоминаний дипломата*. М., 1999; *Галенович Ю.М.* *Пятьдесят лет с Китаем*. М., 2011; *Катица М.С.* *На разных параллелях: Записки дипломата*. М., 1996; *Крутиков К.А.* *На китайском направлении: Из воспоминаний дипломата*. М., 2003; *Куликова Г.В.* *Россия — Китай. Народная дипломатия*. М., 2012; *Ледовский А.М.* *Накинские записки: год 1949 (Из воспоминаний дипломата) // Восток — Россия — Запад: Исторические и культурологические исследования. К 70-летию акад. В.С. Мясникова*. М., 2001. С. 575–597; *Папушкин А.С.* *Записки посла в Китае. 1939–1944*. М., 1981; *Он же.* *Начало заграничного этапа работы: Из воспоминаний посла СССР в Китае*

- А.С. Панюшкина // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 6. С. 81–92; *Рахманин О.Б.* Из китайских блокнотов: о культуре, традициях, обычаях Китая. 2-е изд., доп. М., 1984; *Он же.* Страницы пережитого. М., 2005; *Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984; *Спешнев Н.А.* Пекин — страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. СПб., 2004; *Федотов В.П.* Полвека с Китаем: воспоминания, записки, размышления. М., 2005; *Шабалин В.И.* Жизнь прожить. М., 2008; *Он же.* Завтра будет дуть завтрашний ветер. М., 2011; *Он же.* Радуга жизни. М., 2016.
14. Текст Постановления Президиума АН СССР см.: Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды. С. 29.
15. Там же. С. 30.

In memoriam

Памяти Эдуарда Вермеера (1944–2016)

Традиционная пред рождественская и предновогодняя переписка с зарубежными коллегами принесла печальную весть о кончине в марте 2016 г. нидерландского китаеведа Эдуарда Вермеера (Eduard Vermeer).

В 1990-е — начале 2000-х годов Эдуард Вермеер, работавший в Синологическом институте Лейденского университета, представлял Нидерланды в Европейской ассоциации китаеведения и регулярно выступал на ее конференциях. Многим российским китаеведам особенно запомнился его доклад о первой сельскохозяйственной переписи в Китае, сделанный на конференции ЕАК в Турине в 2000 г. Летом 2000 г. организаторы данной переписи, проведенной по состоянию на 1996 г. при тесном сотрудничестве с ФАО — Организацией ООН по продовольствию и сельскому хозяйству — и китайским правительством, организовали в Пекине крупномасштабную презентацию статистических и аналитических итогов проделанной работы. Одним из ее ведущих консультантов и авторов выступил Э. Вермеер, к тому времени получивший широкую известность как эксперт по сельскому хозяйству КНР и реформе в китайской деревне. Отмечу, что одним из косвенных следствий проведения первой сельхозпереписи в Китае явилась публикация нескольких сборников материалов о состоянии экономики китайской деревни, по сей день сохранивших значение фундаментальных справочных изданий по аграрной проблематике страны¹.

Именно проблемам китайской деревни и посвящена основная часть публикаций Э. Вермеера, представленных, как правило, разделами коллективных монографий по итогам конференций по сельскому хозяйству и экономическому развитию Китая. Среди наиболее известных работ — «От крестьянина к предпринимателю: рост и перемены в сельском Китае» (1992)², «Кооперативное и коллективное в сельском развитии Китая» (1997)³, «Сельское развитие в переходном Китае» (2004)⁴, глава «Развитие акционерной кооперативной системы и права собственности в Китае» в монографии «Правовая реформа и ее политические рамки»⁵.

Как это нередко бывает с китаеведами, круг интересов Э. Вермеера постепенно расширялся, охватив экологические проблемы Китая, а затем и энергетику, которой он особенно активно занимался во второй половине 2000-х годов в Международном институте азиатских исследований в Лейдене. Тогда же он по просьбе финской стороны несколько лет читал курсы лекций по экономике Китая и Восточной Азии в Университете Турку.

Некоторые направления исследовательской деятельности Э. Вермеера восходят к начальному периоду его становления как синолога, когда он на рубеже 1960-х — 1970-х годов провел несколько лет на Тайване, работая в вывезенных туда архивах Управления

водного хозяйства и ирригационных сооружений провинции Шэньси. Впоследствии научные изыскания молодых лет нашли отражение в работах «Экономическое развитие в провинциальном Китае. Центральная Шэньси с 1930-х годов» (1988)⁶ и «Развитие и упадок провинции Фуцзянь в 17–18 веках»⁷, в уникальной статье о водном режиме одного из озер Китая на протяжении 1700 лет, прослеженном по архивам⁸.

Может, наверное, показаться, что Э. Вермеер написал и опубликовал не так уж много. Думаю, это тот случай, когда кажущаяся нехватка «количества» сполна искупается информационной и интеллектуальной емкостью текстов и столь нечастой ныне удивительной добросовестностью исследований.

Мне довелось познакомиться с Э. Вермеером в начале 1996 г. на конференции в Турку. Летом 2008 г. я побывал в гостях в его старинном доме в уютном Лейдене. А в 2009 г., на одной из конференций в Пекине, во время нашей последней встречи Эдуард сказал, что увлекся китайской историей. Итогом этого стали написанные на голландском языке «Рассказы очевидцев о китайской истории»...

Эдуард Вермеер был абсолютно чужд саморекламы, держался просто, но с очевидным чувством собственного достоинства. Ощущалось в нем и постоянное беспокойство о большой семье с неизбежными проблемами детей и внуков...

Высокий, подтянутый, с каким-то мальчишеским задором в глазах несмотря на седую голову — таким запомнился мне и многим моим коллегам Эдуард Вермеер — достойный представитель европейского китаеведения.

© 2017

В.Я. Портяков

Главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока»

-
1. В их числе, например: Нунцунь чжуху цзиньин синвэй хэ нушунь лаодун ли цзыюань кайфа лиюн яньцзю: [Изучение хозяйственной деятельности сельских жителей и расширения использования ресурсов сельской рабочей силы]. Бэйцзин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2000; Цюйюй нунцунь цзинци фачжань яньцзю: [Исследование регионального развития сельской экономики]. Бэйцзин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2000.
  2. From Peasant to Entrepreneur: Growth and Change in Rural China. Wageningen, 1992.
  3. Collective and Cooperative in China's Rural Development: Between State and Private Interests. New York: M.E. Sharpe, 1998.
  4. Rural Development in Transitional China: The New Agriculture / ed. by Peter Ho, Jacob Eyferth, Eduard Vermeer. London, 2004.
  5. Development of the Shareholding Cooperative System and Property Rights in China // *Eduard Vermeer and Ingrid d'Hooghe* (eds.) *China's Legal Reforms and Their Political Limits*. London: Curzon Press, 2002.
  6. Economic Development in Provincial China: The Central Shaanxi since 1930. Cambridge, 1988.
  7. Development and Decline of Fukien Province in the 17th and 18th Centuries. Leiden: Brill, 1990.
  8. The Rise and Fall of Man—Made Lake: Training Lake in Jiangnan, China, 300–2000 A.D. URL: let.leidenuniv.nl/pdf/geschiedenis/vermeer_lit_jiangnan.pdf (дата обращения: 30.01.2017).

Рецензии

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2013. 863 с.: ил.

В настоящее время интерес российской и международной общественности к истории и современному развитию Китайской Народной Республики очень высок, что обусловлено успехами Китая в конце XX — начале XXI в., который превратился в одного из лидеров современного мирового сообщества в экономике, технике, культуре. Сбылись предсказания российских востоковедов, которые еще во второй половине XIX в. писали о том, что «Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса»¹, и китайцы «усвоят те позитивно-реальные науки, развитию которых обязаны своим могуществом Европа и Америка, встанут в уровень со своими учителями на всех поприщах позитивно теоретической и промышленно-практической деятельности»².

За относительно короткий по историческим меркам период Китай прошел путь от империи до социалистического государства, который был наполнен трагическими и героическими событиями. К началу XX в. Цинская империя находилась в глубоком кризисе, свидетельствующем об исчерпанности избранного пути развития страны. Первые признаки кризисных явлений проявились в середине XIX в., когда Китай потерпел поражение в «опиумных войнах» и страна частично утратила государственный суверенитет. Был установлен иностранный контроль над таможенной системой, созданы селтльменты и пр. Анализ причин поражения привел к пониманию необходимости проведения реформ в экономике и военном деле, которые должны были помочь преодолеть отставание Китая. Однако политика «самоусиления» и другие меры, направленные на модернизацию китайской экономики, не принесли ожидаемых результатов. По мнению видного пред-

ставителя либеральной политической мысли Китая Лян Цичао, причины этих неудач заключались в непонимании взаимосвязанности экономических и политических процессов. Анализируя недостатки реформаторской деятельности Ли Хунчжана, он писал, что сановник «не уяснил себе того, что современная борьба не есть в интересах одной династии, но всей нации, всего народа..., не понял почему в далеких западных государствах сумели отрешиться от косных взглядов, от старых привычек: откуда там появились новые формы правления, богатства и могущества»³.

Тем не менее, проведенные преобразования способствовали росту национального самосознания и формированию демократических сил, стремившихся соединить призыв к возрождению независимого и могущественного Китая с идеалами модернизации, которая понималась как перенесение на китайскую почву не только современных индустриальных отношений, но и социальных и политических порядков.

Синьхайская революция избавила Китай от имперской власти и ознаменовала собой новый, демократический этап политического и экономического развития.

VII том 10-томного фундаментального исследования по истории Китая с древнейших времен до начала XXI в., являющегося итогом многолетних трудов ведущих ученых-востоковедов основных российских академических институтов и университетов, посвящен очень важной странице истории Китая — периоду Китайской Республики (1912–1949). Данный том подготовлен коллективом исследователей Института Дальнего Востока РАН под руководством доктора исторических наук Н.Л. Мамаевой и представляет читателю всеобъемлющую картину жизни Китая, включающую в себя не только развитие политических, экономических

и социальных процессов, но и обширный материал по военной и дипломатической истории и, что особенно ценно, — по истории религии, культуры и быта.

Выход в свет этой книги свидетельствует о качественно новом этапе в процессе изучения истории и современного состояния Китая. Речь идет о создании целостной картины развития страны с применением системного подхода. Авторы монографии провели масштабную работу по введению в научный оборот большого количества фактического материала. На основе которого многие события китайской истории получили детальное освещение и приобрели более взвешенную оценку. Использование новых документов позволило подробно показать весь спектр политических сил Китайской Республики после Синьхайской революции, ее взаимоотношения с СССР и западноевропейскими державами, выявить конкретные формы советской помощи Китаю в годы китайско-японской войны, детально проанализировать этапы становления Гоминьдана и развитие коммунистического движения.

Исследование, построенное по проблемно-хронологическому принципу, состоит из четырех частей, разделенных на главы. В каждой части последовательно и очень подробно излагаются и анализируются события политической жизни и внутрипартийной борьбы, экономическое развитие страны, а также важнейшие тенденции общественно-политической и культурной жизни Китая в определенный временной период.

В первой части, охватывающей события 1912–1928 гг., основное внимание уделено рассмотрению проблем становления Китайской Республики, формирования новых центральных органов власти. Как отмечают исследователи, этот процесс протекал весьма неоднородно, начиная от попыток Юань Шикая восстановить монархию и заканчивая временной консолидацией либеральных и коммунистических сил в стремлении преодолеть фактическую раздробленность страны. Помимо недостатка необходимого политического опыта, негативную роль в этом процессе играло наличие региональных милитаристских группировок, тормозивших централизацию, а также то, что основной ареной революционных событий была провинция Хубэй, а не Пекин.

Как отмечается в исследовании, период после Синьхайской революции оказался весьма благоприятным для развития предпринимательства и явился важным этапом укрепления национальной буржуазии. Это было свя-

зано, с одной стороны, с отменой ограничений развития предпринимательства, существовавших в Цинской империи, а с другой — с ослаблением экономической экспансии западных держав, занятых восстановлением своего хозяйства после Первой мировой войны.

Вместе с тем, исследователи отмечают определенную противоречивость экономического развития в 1910–1920 гг., которая была обусловлена общей политической нестабильностью и негативным воздействием регионального милитаризма на экономические процессы. Тем не менее в стране наблюдался заметный хозяйственный прогресс, нашедший выражение как в общем росте валового национального продукта, так и в увеличении подушевого производства.

Важной особенностью этого этапа развития Китайской Республики стали фундаментальные изменения в духовной сфере, которые исследователи оценивают как «интеллектуальный взрыв» в области общественной мысли. Это проявилось в отказе от традиционной имперской парадигмы, активном освоении китайцами достижений западной науки, ставших стимулами для обновления представлений о мироздании.

В своем желании преодолеть кризис традиционных этических ценностей китайские мыслители стремились совместить национальную традицию с западными знаниями, что положило дорогу в Китай теориям марксизма, эмпиризма, прагматизма, махизма и т.д. Главной особенностью развития экономической мысли в то время становится профессионализация, которая потребовала освоения основ экономического анализа, использования новых методологических подходов и терминологии.

Все это способствовало существенным сдвигам в формировании новой системы народного образования, которая в отличие от конфуцианского нравственного воспитания, ставила целью получение общеобразовательных знаний. Сторонники реформ рассматривали изменения в системе образования в широком контексте демократизации китайского общества, воспитания «нового человека», что было невозможно без усвоения передовых идей западной цивилизации.

Следующий этап развития Китайской Республики, известный как «чанкинское десятилетие» (1828–1937 гг.), характеризовался номинальным объединением страны под властью Гоминьдана. Однако эта политическая конструкция оказалась непрочной и характеризовалась постоянными конфликтами между Национальным центром и сохранявшимися региональными военно-политическими группировками.

Тем не менее, как отмечают исследователи, правительство сумело упорядочить уголовное и гражданское законодательство, провести административную реформу, что соответствовало лозунгу «движения за новую жизнь», выдвинутому Чан Кайши.

Целый ряд мер был направлен на укрепление экономики страны. Эти меры, как свидетельствуют приводимые статистические показатели, были довольно эффективными и позволяли поддерживать высокие темпы экономического роста. Существенную роль в этом сыграли иностранные инвестиции и внешнеэкономические связи Китая, которые в конце «нанкинского периода» значительно возросли.

В третьем разделе излагаются события китайско-японской войны и участие Китайской Республики в антифашистской коалиции. До начала Второй мировой войны китайское правительство предпринимало значительные дипломатические усилия по привлечению на свою сторону Англии, Франции и США в борьбе против Японии, однако существенных успехов добиться не сумело. В этих условиях на повестку дня вновь был поставлен вопрос об объединении всех патриотических сил, которое привело к политическому соглашению между КПК и Гоминьданом и прекращению гражданской войны. Именно единство политических сил стало важным фактором провала японской агрессии, которая делала ставку на внутренний политический раскол Китая и изоляцию Китайской Республики на международной арене.

В период китайско-японской войны сложились конструктивные отношения Китая с Советским Союзом, который оказал серьезную помощь сражавшейся стране поставками вооружения, направлением военных советников и пр.

В четвертом разделе анализируется состояние китайского общества после окончания Второй мировой войны. Исследователи отмечают, что созданный в годы войны антияпонский фронт являлся решающим фактором внутривнутриполитической стабильности на базе политического и военного взаимодействия КПК и Гоминьдана.

Окончание военных действий выдвинуло на первый план нерешенные вопросы, касавшиеся дальнейшего пути развития Китая и его политического устройства. Особенно ярко разногласия между основными политическими силами страны отразили решения VI съезда Гоминьдана и VII съезда КПК. Все попытки выработки компромиссных решений оказались безуспешными и в июне-июле 1946 г. в стране началась полномасштабная гражданская война.

В то же время, как отмечают авторы раздела, в политике Чан Кайши все более явно стали проявляться авторитарные тенденции, которые привели к серьезным разногласиям внутри самого Гоминьдана. Внутривнутриполитическую ситуацию в Китае в тот период в значительной степени определяло общественное и демократическое движение, в котором доминировала идея национального суверенитета. Ситуация складывалась таким образом, что демократические организации двигались в сторону КПК как выразителя общенациональных интересов.

Говоря о представленном коллективном труде в целом, нельзя не отметить его фундаментальность, научную скрупулезность авторов, а также огромную и непростую работу редактора тома — Н.Л. Мамаевой, которой, с одной стороны, удалось сохранить авторские особенности изложения, а с другой — выстроить содержание издания в рамках единой концепции и придать ему единый стиль.

Помимо неоспоримых достоинств текста, хотелось особо отметить наличие в монографии ценных приложений, представляющих обширную информацию, которая в сочетании с основным содержанием разделов книги позволяет говорить об энциклопедическом характере издания.

Рецензируемая коллективная монография представляет собой поистине значимый и оригинальный вклад в изучение истории великого соседа России — Китая и, без сомнения, будет достойно отмечена как в российской, так и в зарубежной востоковедческой науке.

*А.В. Старцев, доктор исторических наук,
профессор Барнаульского юридического института МВД России*

© 2017

1. Васильев В.П. Современное положение Азии — китайский прогресс // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVII. СПб., 1885. С. 59.
2. Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб., 1888. С. 473–474.
3. Лян Цичао. Ли Хунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет / пер. с кит. СПб., 1905. С. 134–135.

Юбилей ученого

Юбилей Валентины Петровны Журавлёвой

24 января 2017 г. исполнилось 85 лет Валентине Петровне Журавлёвой, главному библиотеграфу Синологической библиотеки ИНИОН РАН, сотруднику Института Дальнего Востока РАН.

По признанию отечественных востоковедов, да и многих зарубежных ученых, тех, кто хоть раз обращался к Валентине Петровне за консультацией или знаком с ее трудами, она самый авторитетный, высококвалифицированный российский специалист в области библиографии Китая.

Выпускница Восточного факультета Ленинградского государственного университета В.П. Журавлёва в 1955 г. приезжает в Москву и начинает работать в Секторе сети специальных библиотек при Президиуме АН СССР. Вскоре она поступает на работу в созданный в 1956 г. Институт китаеведения АН СССР, где происходит ее знакомство со всемирно известным китаеведом, библиографом П.Е. Скачковым. В 1958 г. она переходит на работу в только что основанную при Институте Синологическую библиотеку. Тогда же, по предложению П.Е. Скачкова, она занялась продолжением его всемирно известной «Библиографии Китая» и занимается ею по сей день.

Под руководством своего наставника Валентина Петровна подготовила для публикации рукопись «Библиография Китая, 1958–1962» (500 машинописных страниц), которую, к большому сожалению, по объективным причинам опубликовать не удалось.

Несостоявшийся творческий дебют, уход из жизни П.Е. Скачкова (1964) не повлияли на решение Валентины Петровны продолжать работу над библиографией Китая. Она издавала библиографические списки, указатели в различных ежегодниках и в итоге опубликовала солидное собрание литературы о Китае за 25 лет.

В научном активе Валентины Петровны публикации статей о фондах Синологической библиотеки. Совместно с другими ею были составлены и изданы в академической серии «Материалы к биобиблиографии ученых» указатели трудов академиков С.Л. Тихвинского, М.Л. Титаренко, В.С. Мясникова, два юбилейных информационно-биобиблиографических справочника ИДВ РАН.

Вместе с Синологической библиотекой Валентина Петровна пережила немало трудностей и испытаний, в том числе четыре переезда (без потери и порчи книг!), сокращение финансирования и штатов в 90-е годы прошлого века, низкий уровень зарплаты и многое другое. И то, что библиотека выстояла и продолжает работу на заданном изначально высоком профессиональном уровне, в значительной степени заслуга ее неизменного главного библиографа — Валентины Петровны Журавлёвой. Она, единственная из сотрудников «первого призыва», по-прежнему трудится в Синологической библиотеке, занимаясь своим любимым и постоянно востребованным делом.

С неизменной ответственностью и любовью готовит Валентина Петровна все тематические книжные выставки, которые организуются для совместных заседаний Общества российско-китайской дружбы и Института Дальнего Востока РАН.

Наряду с огромной нагрузкой в библиотеке Валентина Петровна, как сотрудник ИДВ РАН, выполняет различные виды работ по своей специальности, прежде всего составление библиографий к книгам, издаваемым Институтом.

Главным вкладом в научную деятельность ИДВ стало участие Валентины Петровны в 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая», для которой она составила библиографию по всей тематике издания.

В 2011 г. энциклопедия «Духовная культура Китая» была удостоена Государственной премии РФ. В столь высокой оценке этого уникального труда есть заслуга и нашего юбиляра, Валентины Петровны Журавлёвой.

Несмотря на весьма солидную дату, которую отмечает наш юбиляр, она работает в том же напряженном трудовом ритме и так же увлеченно. В свободное от библиотечной повседневной текучки время и в выходные дни Валентина Петровна трудилась над продолжением «Библиографии Китая», завещанной ей П.Е. Скачковым. Фундаментальный труд вышел в свет в 2015 г. (Журавлёва В.П. Библиография Китая. Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008 годы). Этот щедрый дар всем китаеведам, выполненный на самом высоком уровне, юбиляр посвятила «с глубоким благоговением и благодарностью» своим наставникам Петру Емельяновичу Скачкову и его другу, китаеведу со схожей судьбой, Марку Исааковичу Казанину.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, коллеги из Синологической библиотеки ИНИОН РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока», Общество российско-китайской дружбы желают Вам, дорогая Валентина Петровна, дальнейших творческих успехов, доброго здоровья, неиссякаемого оптимизма и продолжения Вашей «Библиографии Китая», к работе над которой, как известно, Вы уже приступили.

Успехов Вам, дорогой Вы наш юбиляр!

Contents

The 45th Anniversary of the Far Eastern Affairs

POLITICS

N. Mukhine. The Exploration of “Singapore Model” in the PRC under Xi Jinping

ECONOMY

Ya. Berger. The Emergence of China as a Global Innovation Power

N. Koledenkova. The Manufacturing Industry of China: Status and Prospects

Li Xing, Nu Yicheng. Comparative Analysis of Chinese and American Versions of “New Silk Road”

V. Dodonov. The Debt Problem of Japan: Retrospective Analysis of Factors and Trends

RUSSIAN FAR EAST

D. Suslov. Foreign Trade of the Far Eastern Federal District in 2016

M. Romanov, I. Romanova. Geopolitical “Turn” of Russia to the East and Development of Its Own Eastern Territories

MILITARY BUILD-UP

A. Klimenko, P. Kamennov. The Military Policy of the PRC and Its Role in Increasing the Comprehensive Power of the State

VIEW POINT

Lien Hong-yi. Taiwan, Sino-Russian Military Cooperation and Its Security Implications in East Asia

HISTORY

E. Aurilene, N. Buchko. Political Ideology of the Russian Emigration in Manchuria: the Problem of Russia’s Revival

P. Ratmanov. The Beginning of the Plague Epidemic in Manchuria (1910–1911): Events and Interpretations

N. Moskaleva. “The Tibet Mirror” Newspaper as a Historical Source

RELIGION

S. Gorbunova. Buddhism in the PRC under Social Phenomena Influence

L. Afonina, D. Petrovsky. Some Historical Aspects of the Situation with the Catholic Church in China

CULTURE

O. Zavyalova. Languages of China in the IT Age

O. Mazo, A. Starostina. Ideology and the Problem of Sacred Geography in the “Discourse on Northern Peak” by Gu Yanwu

A. Storozhuk. The Symbolism of Corporality in the Literary Texts of the Taoist Tradition

SCIENTIFIC EVENTS

A. Ipatova. Time Connection Maintained. The Institute of Chinese Studies of the USSR (1956–1960) (Personal Recollections and Documents from the Archive of RAS)

IN MEMORIAM

To the Memory of Edward Vermeer (1944–2016)

BOOK REVIEW

A. Startsev. The History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century. Vol. VII.

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of Valentina Petrovna Zhuravleva

Summary

N. Mukhine. The Exploration of “Singapore Model” in the PRC under Xi Jinping

What aspects of the “Singapore model” look the most attractive to the Chinese leadership? Based on the analysis of a number of party documents issued during the reign of Xi Jinping, the author concludes that many plans of Chinese leadership to transform the country’s political system are inspired by the Singapore experience.

Key words: China, Xi Jinping, domestic policy, the Singapore model, political system of China, documents of the CCP.

Ya. Berger. The Emergence of China as a Global Innovation Power

The article discusses China’s achievements in the innovation sphere and prospects for further enhancing the innovative capacity of the country. The author analyzes the problems of development of fundamental scientific research in China and its transformation into a leading Internet nation of the world.

Key words: China, innovation development, Internet-power, fundamental science, rivalry with the United States.

N. Kolodenkova. The Manufacturing Industry of China: Status and Prospects

One of the priority tasks of socio-economic development of China in the second decade of the XXI Century is solved in the manufacturing industry. This is confirmed by the adoption of a program aimed at accelerated modernization of the industry through innovation. The article analyzes the state and prospects of development of the manufacturing industry in China.

Key words: China, manufacturing industry, innovation, “Made in China 2025” program.

Li Xing, Nu Yicheng. Comparative Analysis of Chinese and American Versions of “New Silk Road”

The article compares the Chinese project of the Silk Road Economic Belt and the US New Silk Road Initiative. On the basis of their own analysis the authors found that the interpretation of the functions and tasks of the “Silk road” in China and United States diverges, a measure of openness of the two projects, positioning in relation to Russia, Mongolia and Central Asian States also varies. So, if within the framework of the Silk Road Economic Belt Russia possesses a broad space for cooperation, the objective of the New Silk Road Initiative was initially directed to its containment.

Key words: The Silk Road Economic Belt (SREB), the New Silk Road Initiative, Eurasia, Afghanistan, the containment of China and Russia.

V. Dodonov. The Debt Problem of Japan: Retrospective Analysis of Factors and Trends

The article examines the process of increasing the public debt in Japan and the factors that influence this process. It analyzes the main parameters of the public finance system of Japan, focuses on the Japanese specific key fiscal and debt indicators.

Key words: Japan's public debt, Japan's budgetary system, the budget deficit, the bond dependence.

D. Suslov. Foreign Trade of the Far Eastern Federal District in 2016

The article considers main trends in the development of foreign trade of the Russian Far East in 2016, shows territorial, commodity and country structure of exports and imports of the Far East region.

Key words: foreign trade, export, import, Russian Far East, regions, commodity structure, North-East Asia.

M. Romanov, I. Romanova. Geopolitical "Turn" of Russia to the East and Development of Its Own Eastern Territories

The article considers the questions of Russia's "turn" to the East as an attempt to eliminate considerable disbalances in its economic cooperation with West and East and diversification of Russian foreign policy. Special attention is paid to the problems of modernization of the existing territorial-economic structures and formation of new structural units in undeveloped areas of the Russian Far East.

Key words: the "turn" of Russia to the East, spatial development, territorial-economic structure, economic development, diversification.

A. Klimenko, P. Kamennov. The Military Policy of the PRC and Its Role in Increasing the Comprehensive Power of the State

The article highlights the main directions of the military policy of the PRC, including the modernization of the PLA, the new military reform, the role of the army in maintaining internal political stability, the participation of China in international security and cooperation forums, as well as in peacekeeping operations under UN auspices. It examines the role of military policy in increasing the comprehensive power of the Chinese state.

Key words: military policy, strategy of "active defense in the new conditions", the program of modernization, new military reform, the comprehensive power of the state, non-military operations.

Lien Hong-yi. Taiwan, Sino-Russian Military Cooperation and Its Security Implications in East Asia

This paper describes the PLA military development thinking, the priority of military development, and the importance of Sino-Russian military cooperation in upgrading PLA military power. The author chooses submarine issue as the core of China's desires to expand its sea power.

Key words: Sino-Russia military cooperation, East Asian security, PLA, Taiwan security.

E. Aurilene, N. Buchko. Political Ideology of the Russian Emigration in Manchuria: the Problem of Russia's Revival

The article examines political and legal views of Russian politicians, who emigrated to Manchuria after the October Revolution and civil war in Russia. In search of a model for the future Russian statehood some of them followed in line with modern trends of Western political and legal ideology, others went back to the traditional formula "Autocracy, Orthodoxy, Nationality".

Key words: Russian emigrants, Russian Harbin, state ideal, Russian fascism, solidarity, social Darwinism.

P. Ratmanov. The Beginning of the Plague Epidemic in Manchuria (1910-1911): Events and Interpretations

The paper deals with activities in the first months of the pneumonic plague epidemic in Manchuria (October-December 1910). This period covers events from the registration of the first case of pneumonic plague up to the change of the leadership in both Chinese and Russian anti-plague organizations. It analyzes the local public reaction to these events, presents the main approaches to their interpretation by modern researchers, and provides a new view on the epidemic in the context of the history of Russian medicine.

Key words: Russia, China, Manchuria, Harbin, Chinese Eastern Railway, epidemics, plague, history of medicine.

N. Moskaleva. "The Tibet Mirror" Newspaper as a Historical Source

The Tibet Mirror is one of the few early newspapers in the Tibetan language and, most likely, the first one established and issued by the editor of Tibetan origin. The Tibet Mirror was published from 1925 to 1963 in Kalimpong, India and, despite the geographical location of the publishing place outside of Tibet, for more than 30 years remained the only periodical in the Tibetan language that had been coming out regularly and for such a long period of time. The article suggests the history of issuing of The Tibet Mirror and life of its Editor-in-Chief Dorje Tharchin and a description of the specific strengths and weaknesses of The Tibet Mirror as a historical source.

Key words: Tibetan print media, history of Tibet, Tibetan anticommunist discourse, struggle for the independence of Tibet.

S. Gorbunova. Buddhism in the PRC under Social Phenomena Influence

Buddhist community (sangha) in the PRC is under the influence of new challenges which Chinese society is collided with. Buddhism followers take part in the national innovative development policy which is directed to turning China into Internet power. At the same time Buddhist monasteries are under the influence of such negative factors as corruption. The article examines the different aspects of this problem.

Key words: PRC, Buddhism, society, religious world outlook, Internet, corruption.

L. Afonina, D. Petrovsky. Some Historical Aspects of the Situation with the Catholic Church in China

The article is devoted to complicated problem of relationship between Chinese Catholic Church and Vatican. The authors explore various aspects of the state policy of China in the field of religion and in particular toward Catholicism. Special attention is paid to the history of contacts between Beijing and Vatican.

Key words: China, Catholicism, Vatican, Christianity, religious policy of the CCP.

O. Zavyalova. Languages of China in the IT Age

One of the problems solved by the Chinese linguists and IT specialists in the period of "Reform and Opening-Up" is standardization and computerization of the most important languages and traditional writing systems of the country's national minorities. Computer software has been already created for electronic dictionaries and computer-assisted translation, as well as for the programs of bilingual education at schools. More than 1000 websites with 12 languages of national minorities have been already created in China. Most of these languages are also used in the adjacent countries, thus becoming an object of special attention of Chinese linguists.

Key words: China's language policy, national minority policy, languages of China, IT technologies, Internet.

O. Mazo, A. Starostina. Ideology and the Problem of Sacred Geography in the "Discourse on Northern Peak" by Gu Yanwu

The article analyzes an essay by prominent historian and philosopher of the XVII Century Gu Yanwu devoted to certain aspects of historical geography. For Gu Yanwu, the ideologist of the counter-Manchu invaders, the official transfer of the cult seat of Northern peak was visible evidence that under new Qing dynasty China is in decline because of the departure from the ancient traditions.

Key words: sacred geography, Gu Yanwu, sacrifice, ideology of Imperial China.

A. Storozhuk. The Symbolism of Corporality in the Literary Texts of the Taoist Tradition

The article discusses the symbolism of corporality in the description of traditional Taoist pharmacological agents and eatables used to provide extraordinary abilities and even grant immortality. The genesis of these symbols is analyzed following Taoist philosophical texts.

Key words: China, religious beliefs, symbolism, Taoism, immortality, artifacts, philosophy.

A. Ipatova. Time Connection Maintained. The Institute of Chinese Studies of the USSR (1956–1960) (Personal Recollections and Documents from the Archive of RAS)

This article is a tribute to the Institute of Chinese Studies of USSR Academy of Sciences, a unique academic institution whose significance goes far beyond the time frame allotted to it by history. The author traces the connection of generations of sinologists over the past 60 years, the continuity in the development of scientific fields, founded in ICS, the Institutes of Far Eastern and Oriental Studies.

Key words: the USSR, Institute of Chinese Studies, Institute of Oriental Studies, Institute of the Far Eastern Studies, domestic Chinese studies.

Почагина Ольга Валерьевна
(23.07.1958 — 06.02.2017)

6 февраля 2017 года после трудной борьбы с тяжелой болезнью ушла из жизни ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая ИДВ РАН, кандидат исторических наук Ольга Валерьевна Почагина.

О.В. Почагина проработала в Институте Дальнего Востока более тридцати лет, пройдя профессиональный путь от лаборанта до ведущего научного сотрудника. Она поступила на работу в ИДВ в 1976 г., одновременно обучалась на историческом факультете МГУ, специализировалась на кафедре этнографии. После окончания МГУ в 1982 г. поступила в заочную аспирантуру Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, в 1987 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Семья у народов Филиппин». Ее научным руководителем был выдающийся синолог, всемирно известный этнограф М.Ф. Крюков.

Свою дальнейшую научную судьбу Ольга Валерьевна связала с китаеведением. Основными направлениями ее научных исследований стали институт семьи и брака в современном Китае, семейное законодательство КНР, модернизация и социокультурные трансформации в семейной сфере. О.В. Почагина опубликовала более 70 научных работ, включая важную в методологическом отношении авторскую монографию «Модели семейной организации в Китае и на Филиппинах». Результаты углубленного изучения ею социальных проблем, связанных с трансформацией семейных и жизненных ценностей в китайском обществе, нашли отражение в авторских статьях «Проблема суицида в современном Китае», «Суррогатное материнство в Китае», «Торговля женщинами и детьми в современном Китае», «Подростковая беременность в современном Китае» и др. О.В. Почагина была постоянным автором журнала «Проблемы Дальнего Востока» и ряда других специализированных российских изданий.

О.В. Почагина являлась не только активной участницей многих международных научных конференций, но и членом оргкомитета регулярной Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», проходившей в ИДВ РАН. Она принимала активное участие в подготовке и проведении крупнейшего форума европейской синологии — конференции Европейской ассоциации китаеведения.

В 2006 г. О.В. Почагина была переведена на работу в Совет Федерации Федерального Собрания РФ на должность помощника члена Совета Федерации, видного дипломата, китаеведа, бывшего Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Китае И.А. Рогачёва. Работая в Совете Федерации, она зарекомендовала себя высококомпетентным специалистом, получила чин государственного советника Российской Федерации 3-го класса, занимала пост советника Управления международных связей аппарата Совета Федерации. Ее деятельность в СФ была отмечена благодарностью за большой

вклад в формирование системы научного обеспечения Федеральной миграционной службы России.

В октябре 2013 г. Ольга Валерьевна вновь стала ведущим научным сотрудником ИДВ РАН и продолжила плодотворную научную деятельность. Одной из последних ее публикаций стал раздел, посвященный трансформации представлений о семье и браке в современном Китае в коллективной монографии «История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009)». За вклад в науку, исследовательскую и научно-организационную деятельность, укрепление российско-китайских отношений О.В. Почагина была отмечена благодарностью Президиума РАН, награждена Почетной грамотой ИДВ РАН, Почетной грамотой Общества российско-китайской дружбы.

Наш коллектив понес тяжелую утрату. От нас ушел человек, наделенный неиссякаемой энергией, жизнелюбием, тонким чувством юмора, активностью и целеустремленностью. Ольга Валерьевна останется в наших сердцах добрым и отзывчивым человеком, надежным товарищем и мудрым советчиком, всегда готовым прийти на помощь в любой ситуации.

Помним, любим, скорбим.

*Коллектив Института Дальнего Востока РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Журнал выпускается ФГУП «Издательство «Наука» (<http://www.naukaran.com>)

В соответствии с издательскими требованиями авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный «Лицензионный договор» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно скачать на сайте ФГУП «Издательство «Наука» в разделе «Типовые авторские договоры».

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 31.03.2017 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70х100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 6,0 тыс. Уч.-изд. л. 15,0. Бум. л. 6,0.
Тираж 370 экз. Зак. 115. Цена свободная.

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2017 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука») 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги: [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.